

Против Меченія

СО Д Е Р Ж А Н И Е :

	Стр.
Б. Д. Против течения	1
Б. Сапир. Проблемы русского социализма	5

РОССИЯ И ЭМИГРАЦИЯ

Г. Аронсон. В хаосе эмигрантской политики	15
Лев Мираев. На опасном пути	27
Сторонний. Как и почему провалился СОНР	33
Ст. Дятел. Говоря откровенно	40
Овод. В двух словах	43

ИЗ ЖИЗНИ РСДРП

Б. Двинов. Наши разногласия	45
Документы и заявления	57
Памяти М. А. Пескина	65

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

Г. Аронсон. Рабочее движение в борьбе с большевистской диктатурой	66
---	----

СОЛИДАРИСТЫ НА РАБОТЕ

Государственный Департамент о солидаристах	78
Солидаристы о себе: «Курс общетехнического руководства» ..	81

ГОЛОС НОВЫХ И НОВЕИШИХ ЭМИГРАНТОВ

Н. Алексева. Больные вопросы	86
А. Цуриченко. Отповедь журналисту-власовцу	88
Кап. П. Смолин. О пораженчестве и власовстве	90
А. Горелов. О СОНР'е и СБОНР'е	92
Письма: Кап. Н. З., Доктор, В. Г., А. Ц., И. Р.	93
От редакции.	

— Обложка работы Аргуса —

1952.

2. Aronson 54
352 West 110 St. apt. 4-D
New York 25

Против Течения

СБОРНИК

Б. Д.

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Над всей нашей жизнью сейчас доминирует страх. Втянув голову в плечи, объятые страхом, человечество живет в ожидании того неизвестного, что принесет ему грядущий день. Этот страх вызван Кремлевской диктатурой, ее политикой все растущей агрессии. Но жертвой этого страха стала и сама эта диктатура: своей политикой она вызвала к жизни столь грозные силы, с которыми она не смеет вступить в единоборство и с которыми в то же время она не в состоянии создать и условия мирного сосуществования. Отсюда все эти лихорадочно перемежающиеся стадии холодной войны, войны нервов, мирного наступления и Корейская трагедия.

История повторяется: как в свое время набег Гитлера на Чехословакию вызвал к жизни вооруженный отпор демократического мира, так захват той же Чехословакии Сталиным открыл Западу глаза на агрессивные замыслы диктатора и на его ненасытные аппетиты. И Западный мир начал лихорадочно вооружаться.

Эксперты утверждают, что 1954-ый год будет годом критическим. Почему? Потому что к этому времени Соединенные Штаты и Европа закончат свои вооружения и будут готовы к войне. Следует ли отсюда заключить, что войну начнет Запад? Но этого никто не утверждает, даже алармисты, которые едва ли не еже-

дневно вещают о нападении с Востока. К тому же, рост вооружений Запада ни для кого не составляет секрета и меньше всего для Сталина. Почему же он должен ждать со своим нападением дня, когда Запад соберет все свои дивизии и пришлет последнюю пуговицу к последнему мундиру последнего солдата? Не правильнее ли было бы для Сталина ударить пока враг не готов? Очевидно, что выжиданию Сталина есть только одно объяснение: страх... Разумеется, страх не за судьбу цивилизации, которой война может нанести смертельный удар, а за судьбы своей диктатуры, ибо при всем превосходстве в вооружении Сталин все же далеко не уверен в победе. Сталин — холодный калькулятор и результат расчета получается не в его пользу. Неважно, в чем причина: в изношенности транспорта, в недостатке сырья, в недоверии к «своему» народу или в отсутствии запаса атомных бомб. Все это не меняет факта: на войну Сталин пока не решается.

Но если сам источник агрессии — Сталин — тоже охвачен страхом и на войну не решается, то чего же боится демократический мир? Он боится потому, что знает, что наряду со страхом в системе диктатуры действует и первозданный инстинкт авантюры. Агрессия — природа диктатуры, «призванной», по ее мнению, держать мир в постоянном напряжении и идти от победы к победе... до конца, до момента своей неизбежной гибели. Во время 2-ой Мировой войны Сталин сказал Идену, что Гитлер погибнет потому, что он не знает «где остановиться», зато он — Сталин — знает «где остановиться». Возможно, что Сталин так

и думает, как говорит, но остальной мир этой уверенности не имеет, а Корея — плохое доказательство Сталинской мудрости. Демократический мир не верит в «миролюбие» Сталина и вооружается — «на всякий случай», стремясь восстановить нарушенное в результате последней войны мировое равновесие. Когда наши эксперты говорят о критическом 1954 годе, то они имеют в виду год восстановленного равновесия. Сталину будет тогда ясно, что он никаким военным преимуществом не обладает и обладать не будет, и он должен будет либо пойти на уступки, либо, очертя голову, броситься в военную авантюру хотя бы и в невыгодных условиях.

В результате двух мировых войн удельный вес Европы сильно упал. Тем не менее в Европе, а не в Азии или в Африке и сейчас будут решаться судьбы мира. Отсюда крупное значение Атлантического пакта и военного соглашения шести европейских держав, как и вопроса о вооружении Германии. Вопрос о вооружении Западной Германии имеет и практическое, и принципиальное значение и не случайно он вызвал такую острую борьбу внутри и Германии, и Франции, и Англии.

Надо быть готовым к войне, но в то же время надо бороться за мир — такова позиция европейского социализма и европейской демократии.

В этой борьбе за мир и в политической подготовке на случай войны естественно участвует и российская демократия в эмиграции. Как в холодной войне, так и в случае обострения конфликта с коммунистической диктатурой позиция демократической эмиграции может целиком

совпадать с политикой демократического Запада. Ибо по нашему мнению нет противоречий между правильно понятыми интересами Западной демократии, включая, и Соединенные Штаты Америки, и интересами демократической России. Но где гарантии правильной тактики и стратегии Запада? Такой гарантии нет. Ошибки прошлого еще не забыты: достаточно вспомнить «Мюнхен», предшествовавший Второй Мировой войне, чтобы убедиться, как наилучшие намерения демократии порой приводят к обратным результатам. Так, жаждавший мира и социальной справедливости президент Рузвельт своей тактикой в отношении Сталина невольно способствовал развитию нынешнего кризиса. Демократия не свободна от ошибок, и порой жестоких ошибок.

Нет гарантии и уверенности и в том, что еще неведомый будущий президент США, с его громадным весом и влиянием в области мировой политики, найдет путь к сознанию русского народа, сумеет завоевать его доверие. Но от морального и политического состояния народных масс России будет зависеть очень много. Исход современной войны не решает только сила огня, сила оружия. Серьезный фактор войны — народные массы уже больше не бездумно «пушечное мясо». Они согласны бороться и умирать только во имя какой-то идеи, и эту идею им необходимо нести. Еще Наполеон Бонапарт говорил, что «в мире имеются две силы — меч и идея. В конечном счете идея оказывается сильнее меча». Тут речь идет не только о моральной стороне вопроса, о том, что «мы должны жить не идеалом силы, а силой идеалов»

(Бергсон), а о выводах жизненного опыта.

Разбить коммунизм можно не только атомным оружием, но и мобилизацией идей. В страстной тоске по социальному освобождению, по социальной правде, массы следуют за коммунизмом там, где им ничего другого не предлагают. Ведь не случайно в Англии или в Скандинавских странах коммунизм не прививается к массам. Коммунистическая идея придает большевистской диктатуре некий смысл и бороться надо не только с варварской силой этой диктатуры, но и с ее лже-идейным смысловым содержанием. Идеей, противопоставленной демократическим Западом коммунистическому Востоку, может быть только система политической свободы, основанная на социальной справедливости, т. е. идея социальной демократии. С этой идеей надо идти к трудовым массам России, ибо только эта идея может найти в них отклик.

Совершенно очевидно, что именно идея социальной демократии должна стать отправным пунктом в политической работе российской социалистической и демократической эмиграции. Но чтобы ее проводить она прежде всего должна отстоять и сохранить свою полную независимость по отношению к любым, вне ее стоящим, силам. Она должна при всех поворотах истории стоять лицом к России, к интересам страны и населения ее народов. Она должна, поэтому, помнить, что если иностранные державы готовятся — и в настоящих условиях должны готовиться — к возможному вооруженному конфликту с СССР, то российской демократии невестно «подза-

даривать» их к этому, ибо в этой войне первой жертвой будет народ, а не диктаторская власть, и в этой возможной схватке гигантов уж во всяком случае нет места для бессильной российской демократической эмиграции.

Не пристегивать себя к чужой колеснице, не мечтать о въезде на родину в обозе чужой победоносной армии, не претендовать на водительство в России для людей, никому там неизвестных, а только помочь подготовить страну к решению тех вопросов, которые встанут перед нею «на завтра после Сталина», в день освобождения от диктатуры — вот задача демократической эмиграции.

Не игра в солдатики, в мифическую «национальную армию», не игра в национальное «правительство в изгнании», которого в России никто не признает, в сколачивание жалких политических блоков и коалиций, подобных мыльным пузырям, не разыгрывание роли «советников» и «реал-политиков», проводников чужой воли, не компрометация во имя этих типично-эмигрантских мифов своего имени и своего морального капитала, доведя тем самым свои силы до полного распыления и уничтожения, а — наоборот — собирание сил, сплачивание остатков старой с немногими, к сожалению, представителями новой демократической эмиграции — вот наша первая моральная и политическая обязанность. Ибо только так и только тогда российская демократия за рубежом сможет

в грозный час выполнить свой долг и защитить интересы демократической России и ее народов.

К глубококому нашему прискорбию, влиятельные круги демократической эмиграции, сотрудничающие с силами фашизма, монархизма и власовства, идут на всех парах к политическому банкротству в тот именно момент, когда их силы могли бы послужить интересам родины. Вместо политической реальности создаются эфемерные декорации и, перефразируя слова Герцена, можно сказать, что в этом мире все до такой степени стало декорацией, что самый отвратительный порок получает вид добродетели. В том угаре, в котором сейчас пребывает политическая мысль многих властителей дум эмигрантской общественности, стерлись все грани, исчезли рубежи между демократией и ее антиподами и слова потеряли свой смысл. В этих условиях выступление оппозиции является решительной необходимостью. Это значит — плыть **против течения**. Но это единственный путь, достойный в этих условиях независимых демократов и социалистов.

Исторические судьбы России будут решаться не в эмиграции. Мы живем в грозный час, и каждый из нас, кто сознает свою политическую ответственность, обязан найти в себе силы сказать «то, что есть».

«Мы должны исполнить свою обязанность — вот и все», писал когда-то Владимир Соловьев — «а определять времена и сроки — не наше дело».

ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО СОЦИАЛИЗМА

Имеются ли еще социал-демократы в России, никто не знает. За все годы после окончания второй мировой войны никому из наших старых товарищей не удалось вырваться «оттуда». Как будто не иначе обстоят с членами П. С.-Р. Сильно поредели ряды и социал-демократической и с.-р. эмиграции. И все же мы имеем основание ставить вопрос о задачах социал-демократов, ибо в свободной России будет место для демократического социализма, который продолжит дело, начатое русскими социалистами разных направлений и придаст ему формы, отвечающие потребностям общества, возникшего в результате событий, развязанных революцией 1917 г.

Это обновленное движение демократического социализма будет, вероятно, отличаться от традиционных русских социалистических партий. Оно будет — мы верим — единым, т. е. в нем найдут себе приют и социал-демократы, и социалисты-революционеры. В этом пункте нет расхождений в наших рядах. Поэтому декларация 14-ти в мартовском номере «Социалистического Вестника» за 1952 г. вызывает недоумение. Разве расхождения в Заграничной Делегации Р.С.-Д.Р.П., приведшие к ее развалу, были вызваны тем, что одни из членов Делегации были сторонниками, а другие — противниками единой социалистической партии в России? Разве по этому вопросу возникли разногласия в нью-йорк-

ской группе Р.С.-Д.Р.П.? В действительности декларация объединила вокруг себя не просто сторонников слияния Р.С.-Д.Р.П. и П.С.-Р., а социалистов, ставящих себе определенные политические цели в эмиграции, о которых подписанный ими документ ничего не говорит. Поэтому инициаторы декларации не обратились к тем постоянным сотрудникам «Социалистического Вестника», кто не разделяя их политических устремлений, вне зависимости от того, поддерживали ли последние слияние прежних марксистов и прежних народников. Речь идет о том, что в современной социалистической эмиграции нет единодушия по вопросу о пути к власти.

Всякая группа, выступающая на общественной арене, становится лишь тогда политическим коллективом, когда она хочет оказывать влияние на власть в государстве и представляет себе, как такое желание осуществить. Так как наиболее сгущенная форма подобного влияния сводится к участию — единоличному или в союзе с другими силами — в правительстве, то, краткости ради, мы говорим о пути к власти, заимствуя это выражение из известной брошюры Карла Каутского, опубликованной до первой мировой войны.

После октябрьского переворота большинство нашей партии строило свою стратегию на возможности демократизации большевистского режима под давлением народных масс.

Русская действительность показала иллюзорность такой тактики. Не более реалистическим оказался «путь к власти», проповедывавшийся нашей т. н. правой оппозицией, ориентировавшейся на революционное свержение советского правительства. Особую позицию занимало в наших рядах руководящее ядро Центрального Комитета, действовавшего в России в начале двадцатых годов: констатируя изоляцию и слабость рабочего класса, оно рекомендовало защиту специфически классовых требований пролетариата, в надежде на консолидацию его сил в результате такой борьбы.

Все три направления возникли и понятны в рамках «военного коммунизма» и НЭП'а, этих начальных фаз большевизма периода 1917-1928 гг., когда никто не предвидел возможности превращения советского государства в государство тоталитарное, начало которого восходит к концу 20-х годов, а кристаллизация — к периоду чисток и судебных расправ второй половины 30-х. Этот процесс не был замечен своевременно и, быть может, поэтому мы не испытывали потребности пересмотреть наш путь к власти чуть ли не до конца второй мировой войны. Думается, что задержка такой ревизии имела своим источником также затруднения, вытекавшие из подхода к событиям в Советском Союзе с традиционной точки зрения, вернее, с точки зрения того, что считалось марксизмом в XIX-м веке.

Социал-демократы были приучены к тому, чтобы, так сказать, научно обосновывать свои политические прогнозы. Механизм борьбы различных слоев в правовом государстве вписывался нами в логические формулы,

в т. н. законы развития. Последние доказывали неизбежность роста сил пролетариата и конечной его победы. Мы недооценивали того факта, что демократия и правовая строй, гарантирующие возможность апелляции к массам избирателей, благоприятствуют оппозиции, ставшей себе задачей защищать требования большинства населения. Рано или поздно такая оппозиция имеет шанс завоевать симпатии всего народа. Совершенно иначе складываются обстоятельства в однопартийном тоталитарном государстве, где решает не народное голосование, а воля диктатора, где нет места для оппозиции, а наиболее активные и интеллигентные элементы, потенциально способные возглавить возмущение масс, либо уничтожаются, либо временно коррумпируются путем привлечения к участию в аппарате власти.

До сих пор еще никто не выдвинул теории, логически доказывающей неизбежность ликвидации тоталитарных режимов. Отсюда многие делают вывод, что такая ликвидация возможна лишь в результате войны и, подменяя сущее желаемым, доказывают неотвратимость третьего мирового конфликта. О военной катастрофе ниже. Пока же мы хотим констатировать необоснованность абсолютно-пессимизма тех, кто ищет «научно-обоснованных» доказательств обреченности советского строя и, не находя таковых, отрицают вероятность исчезновения диктатуры Кремля вне перспективы мирового катаклизма. Среди таких пессимистов не мало людей, не понимавших еще недавно подлинной природы тоталитарного режима и пытавшихся разобраться в фашизме или большевизме при

помощи социологических построений XIX-го века. Подобно Иванушке дурачку, плясавшему на похоронах и причитавшему на свадьбах, те самые, кто с пеной у рта обрушивались на сторонников активной внешней политики против Гитлера, сейчас, если не открыто, то от того не менее страстно настаивают на превентивной войне против советской России. Они забывают, что активные шаги в период 1933-1935 гг. могли бы предотвратить столкновение 1939-1945 гг., между тем как рекомендуемая ими война не предотвратит, а зажжет мировой пожар.

Большевистская диктатура может пасть в результате обстоятельств, трудно поддающихся, так сказать, научному предвидению. Смерть Сталина и борьба между диадохами за наследство, дворцовый переворот за спиной дряхлеющего «вождя народов» — могут потрясти здание тоталитаризма в России и открыть шлюзы народному движению. Никто не в состоянии предсказать, когда произойдут такие события и произойдут ли они достаточно рано, чтобы предупредить надвигающееся столкновение народов и континентов.

Какой бы оборот не приняли события, роль социалистической, как и всей русской эмиграции в непосредственной ликвидации большевистского режима будет, по всей вероятности, весьма скромной. Другими словами, самый процесс смены существующего политического строя в России произойдет, поскольку об этом вообще можно говорить сейчас, без всякого участия русского рассеяния, особенно той его части, которая очутилась за океаном.

Достаточно взглянуть на корреспондентский материал, печатающийся

в русских органах за рубежом и сравнить его с хроникой русской жизни, помещавшейся в «Социалистическом Вестнике» в 20-х и 30-х гг., чтобы отдать себе отчет в оторванности эмиграции от современной жизни в России. Этот материал сам по себе представляет ценность, и старая эмиграция должна быть благодарна за него новой, главной поставщице корреспонденций. Но он является результатом прошлых наблюдений и опыта, а не сообщений людей, продолжающих участвовать в каждодневной жизни по ту сторону границы. Всем русским течениям, представленным в эмиграции, обща одна черта: террор изолировал и, вероятно, уничтожил их приверженцев в России, а длительность изгнания обрекает их на постепенное вымирание. В этом смысле тоталитаризм оказался победителем.

Было бы ошибкой думать, что трагическое положение, в котором находится эмиграция, обрекает ее на бездействие. Оно лишь диктует чрезвычайную разборчивость в намерении целей и выборе путей борьбы. В политике трудно формулировать общеобязательные правила поведения. Слишком многое зависит от обстоятельств времени и места. Все же вряд ли кто станет возражать против необходимости соответствия между политическими задачами и средствами, имеющимися для их осуществления. Переходя от общего к частному, можно сказать, что попытка русской эмиграции создать нечто в роде правительства в изгнании настолько превосходит реальные возможности, отпущенные ей природой и историческими условиями, что такое предприятие не может не выродиться в авантюру, авантюру тем

более опасную, что расколотив и потрепанная длительностью оторванности от родины эмиграция рискует утратить свою политическую самостоятельность. Между тем именно в этой самостоятельности и заключается сила политических групп русского рассеяния.

Прямой и осуществимой задачей эмиграции является апелляция к общественному мнению западного мира и установление с ним тесного контакта. Этот контакт включает, помимо распространения правильных сведений о России и интерпретации происходящих в ней событий, непосредственную связь с влиятельными кругами, формирующими политическую стратегию руководящих демократических стран. Русские социал-демократы, начиная с 1920 г. создали себе каналы в главных органах рабочего движения, сначала Европы, а затем и Соединенных Штатов. Пользуясь этими каналами, они систематически боролись против ожесточения большевистской партии с трудящимися массами России и против легенды о «социалистическом рае» в стране советов. Эта борьба дала большие результаты, что подтверждают все те, кто принимал участие в формировании политических настроений организованного рабочего движения в период между 1918 и 1939 гг. Факт, на который мы ссылаемся, имеет значение, выходящее за пределы кружковых и сектантских интересов не только потому, что секции Интернационала играли и играют решающую роль в большинстве европейских стран, но и потому, что демократический социализм является подлинным и единственно эффективным антиподом коммунизма. Если бы речь шла только о враждебном отно-

шении к партии Ленина и Сталина, то у социалистов всегда нашлись бы влиятельные конкуренты в правом лагере. Но если отвлечься от чисто негативного подхода и перенести центр тяжести на противопоставление Коминтерну положительной программы, выбивающей у последнего почву из под ног, то только движение, имеющее адекватный ответ на социальные проблемы современности, способно потушить пожар, раздуваемый Кремлем.

Интересно отметить, что все страны в Европе, где социал-демократия пользуется влиянием на массы — Великобритания, скандинавские страны, страны Бенелюкса, Австрия и в значительной степени Германия — по существу справились с большевистской опасностью и что, наоборот, страны, как Италия и Франция, где демократический социализм не является решающей силой, обладают мощными коммунистическими партиями. Вообще в современной Европе исправное функционирование демократического государства предполагает наличие сильной социал-демократии. Соединенные Штаты фактически не представляют исключения из этого правила. За последние 15-20 лет правительство Америки, особенно во время президентства Франклина Рузвельта, воплотило в жизнь наиболее существенные черты т. н. социального государства (Welfare State).

Россия после большевиков будет стоять перед теми же проблемами, что и все современные государства. На этом зиждется наше убеждение, что демократический социализм имеет будущее в России после ликвидации советского строя. Но между такой перспективой и нынешним по-

ложением зияет пропасть, и сущность расхождений в рядах русских социалистов сводится к вопросу о том, как перебросить мост через эту пропасть.

Если под мостом понимать действия — действия в техническом смысле, — направленные на ликвидацию диктатуры Сталина, то вывод, вытекающий из анализа современной обстановки, может быть только один. Социалистам, находящимся в эмиграции, как всем другим группам русского рассеяния, не дано нанести того решительного удара, в результате которого развитие событий в России пойдет по новому пути.

Невольно напрашивается аналогия с эпохой 70-80 гг., когда появились первые ростки социалистических партий в России.

Землевольцы представляли себе, что они в состоянии привести в движение народную лавину, обращаясь к социалистическим инстинктам русского крестьянства. Неудача хождения в народ породила Народную Волю, пытавшуюся сломить самодержавие посредством центрального террора. После покушения 1-го марта 1881 г., не давшего ожидавшихся результатов, часть бывших землевольцев, не пошедших за Народной Волей и образовавших группу Черного Передела стала переоценивать всю народническую идеологию. Вывод, к которому они пришли, гласил, что революция в России может победить лишь как результат движения пролетариата. Мы оставляем в стороне вопрос о правильности диагноза Группы Освобождения Труда, организованной бывшими землевольцами, возглавляемыми Плехановым и Аксельродом. Нас занимает в данный момент только политика Группы в связи с ее

диагнозом. В те времена рабочий класс, как активная политическая сила, еще не существовал, и людям, видевшим в нем основной и единственный рычаг, способный сдвинуть с мертвой точки революционное движение, не оставалось ничего другого, как готовиться к тому времени, когда придет их черед действовать. Правда, в отличие от нас, Группа Освобождения Труда обладала теорией, логически доказывавшей, что русский капитализм способствует формированию кадров пролетариата, который подымет знамя восстания против царизма. Никто из противников тоталитаризма не обладает теорией, доказывающей неизбежность падения советской диктатуры. Но отсутствие такой теории не означает, что в живой жизни нет процессов, ведущих к ликвидации диктатуры коммунистической партии.

ВКП идеологически опустошена. До какой степени выветрились принципы большевистского мировоззрения можно судить по писаниям тех, кто годами варился в котле коминтернской кухни*). Вряд ли кто возьмется сформулировать символ политической веры большевизма. Когда то мы знали: диктатура пролетариата, советы, радикальный интернационализм, всеобщая национализация, радикальные мероприятия в сфере воспитания, семейных отношений и т. д. Сейчас от всего этого ничего не осталось, кроме непогрешимости «генерального вождя».

Было бы неправильно полагать, что диктатура в России покоится только на штыках. Подобно нацио-

*) Лучшим примером таких писаний является роман Манеса Спербера "Et le buisson devint cendre".

нал-социализму в Германии и фашизму в Италии, она выполняет ряд функций в жизни нации (например, индустриализация страны, создание и поддержание единства разнородных частей российского государства, а, совсем недавно, организация отпора страшному врагу, угрожавшему самому существованию России). Само собой разумеется, что без сцепки, поддерживаемой полицейским аппаратом, диктатура не удержалась бы сколько-нибудь продолжительный период времени. Но этот аппарат — факт сегодняшнего дня, и было бы наивностью надеяться на его добровольное исчезновение. Объективно существование режима поконится не на каком-то имманентном социологическом законе, а на совпадении известных обстоятельств, обуславливаемых наличием организованных кадров исполнителей, получающих зарядку из центральной лаборатории тоталитарного режима, сверх-элиты во главе со Сталиным.

Если в силу биологических причин (все люди смертны) или, например, в результате дворцового переворота (частый спутник тирании), исчезнет Сталин, корабль тоталитаризма потребует новой оснастки, осуществление которой нуждается в огромной затрате энергии и времени и успешность которой зависит как от того, подчинится ли сверх-элита авторитету нового вождя, так и от того, будет ли обладать последний способностями, необходимыми для руководства сложным механизмом тоталитарного государства. В этот переходный период в налаженном аппарате угнетения могут открыться трещины, достаточно глубокие, чтобы пропустить лавину накопившегося недовольства. Учитывая противоре-

чия, пронизывающие русскую действительность и предвидя малую вероятность повторимости обстоятельств, содействовавших консолидации советской диктатуры, мы имеем основание ожидать сдвигов в Советском Союзе, открывающих перспективы политических перемен в стране.

Но что если такие сдвиги произойдут слишком поздно? Другими словами: что будет, если режим, господствующий в СССР, развяжет мировой конфликт до того, как произойдет толчек, о котором мы говорим? В таком конфликте русские социалисты не могут не быть пораженцами по отношению к режиму Сталина, т. е. не чувствовать себя союзниками западного мира, защищающего предпосылки цивилизации против современного антихриста.

Трудно предвидеть конкретные формы поддержки ведущим демократическим державам в их борьбе, если третья мировая война все-таки станет фактом. Во всяком случае, такая поддержка будет связана с попытками предотвратить превращение похода против диктатуры ВКП в поход против России. Мы будем находиться приблизительно в положении германских с.-д. во время последней войны. Ценность нашей поддержки демократии будет тем большая, чем больше мы сохраним нашу независимость, как группа русских политических эмигрантов, никому не подчиненная и никому ничем не обязанная.

Таким образом, деятельность русской социал-демократической и свободолюбивой эмиграции должна быть направлена на подготовку к участию в событиях, которые произойдут на

другой день после ликвидации советской диктатуры. Способствовать самой ликвидации она может лишь косвенно посредством политической пропаганды, обращенной к России и к общественному мнению демократического мира. Подготовка к участию в переустройстве России, освободившейся от тисков тоталитарного строя, предполагает изучение русской проблемы, поддержание контакта с родственными течениями в свободных странах и к тщательному отбору единомышленников из среды новой эмиграции, способных слиться или образить теми элементами внутри страны, которые пронесли сквозь пекло диктатуры преданность идеям, унаследованным нами от наших предшественников. Появление в России на другой день после падения большевизма организованной группы, знающей, чего она хочет, усвоившей опыт последних десятилетий и готовой прислушиваться к голосу народных масс, имеет огромное значение в обстановке неопределенности и растерянности, неизбежной после такой резкой перемены, какой явится исчезновение кремлевского правительства.

Мы отдаем себе отчет в том, что программа действий, набросанная нами, не встретит сочувствия инициаторов декларации 14-ти, на которую мы ссылались в начале статьи. Все их выступления за последние годы показывают, что они избрали путь, который мы хотим обозначить, пользуясь термином, ходким во время великой французской революции, поллитной Кобленца.

Еще до казни Людовика XVI противники революции превратили городок Кобленц в центр сношений с иностранцами и пытались отсюда

организовать коалицию против нового режима в Париже с целью восстановить неограниченную власть Бурбонов и ликвидировать «анархию», начавшуюся штурмом Бастилии. Мы слишком хорошо знаем наших друго-врагов, чтобы ни на минуту не заподозрить их в намерении реставрировать дореволюционный порядок в России. Приписывая им политику Кобленца, мы имеем исключительно в виду ту преобладающую роль, которую они предоставляют иностранцам в своей стратегии освобождения России от большевистской диктатуры. В основе этой стратегии лежит мысль, что мост через пропасть, отделяющую сегодняшний день и «на другой день после ликвидации В.К.П.» может быть переброшен при помощи новой эмиграции. Опираясь на организованные кадры последней, те, против кого мы полемизируем, рассчитывают создать представительство русского рассеяния, импонирующее державам демократического блока и надеются, что этот блок захочет использовать такое представительство — в тенденции русское правительство в изгнании — для установления контакта с народами России как в процессе «холодной войны», так и тогда, когда разразится — конечно неизбежная — подлинная война. Таким образом, по мнению наших противников в социалистическом лагере, русская эмиграция сможет, с одной стороны, влиять на определение русской политики участников Атлантического Пакта а, с другой, после военного разгрома Советского Союза, явиться фактором формирования власти в побольшевистской России.

Увлечением этой концепцией объясняется огромное значение, прида-

ваемое ее авторами созданию представительства эмиграции. Так как их собственный лагерь чрезвычайно малочисленен, то они вынуждены искать партнеров на стороне и не останавливаться перед привлечением и таких элементов, которые никак не подходят под категорию демократов. В том же направлении их толкает давление со стороны Американского Комитета Освобождения Народов России, естественно заинтересованного в организации по возможности наиболее внушительного блока из русских эмигрантов.

По сравнению с русскими группами, сотрудничающими с ним, Американский Комитет представляет из себя силу. Он располагает связями, влиянием и средствами, а русские группы ни тем, ни другим и ни третьим. Поэтому они попадают в зависимое положение от Комитета. Не они, а Комитет созывал конференции, собиравшиеся в Германии в 1951 и 1952 гг. и определял их состав. Комитет имел большое влияние на решения, внесенные этими конференциями. В результате русские группы, вступившие на путь сотрудничества с Комитетом, теряют в глазах общественного мнения свою самостоятельность и как бы сливаются с последним, что вредно с точки зрения длительных интересов демократических держав, нуждающихся в независимых союзниках в рядах русских демократов и социалистов.

Нельзя проводить аналогии между Национальным Чешским Советом Масарика и Бенеша во время первой мировой войны или комитетом Де Голля во время второй и русским правительством в изгнании, в организацию которого опирается последовательное развитие плана С.О.Н.

Р'а и тому подобных образований. И в случае Масарика-Бенеша и в случае Де Голля речь шла об освобождении стран, находившихся под гнетом чужеземного господства. Национальный фактор был на стороне чешских и французских патриотов, мечтавших об освобождении родины при помощи антигерманской коалиции. Кроме того они имели за собой и силовой фактор: чешские легионы, отряды «свободной Франции». Россия угнетена своим собственным, а не чужеземным правительством, а эмигрантские деятели, сторонники политики Кобленца, никакой военной силой не располагают.

Утеря независимости русскими социалистами и демократами и возможность их отождествления с Американским Комитетом усиливает позицию сталинского режима, позволяя ему шельмовать движение против коммунистического тоталитаризма как иностранную интервенцию и мобилизовать на поддержку себе национальное самосознание, сильно развитое в России. Констатируя это, мы даем ответ на невольное возникающий вопрос, не следует ли примириться с политикой Кобленца во имя освобождения народов России и всего мира от режима, принесшего море зла и угрожающего неисчислимыми бедствиями в будущем. Если бы Кобленц открывал перспективу ликвидации диктатуры В.К.П., то было бы изуверством отказаться от такого пути, как бы тяжел он не был для социалистов и демократов. Но в действительности он отделяет нас от цели, которую мы себе ставим.

Не иначе обстоит и с другим аргументом, часто формулируемым в русских эмигрантских кругах. Миро-

вая обстановка настолько изменилась, — говорят наши противники —, что деление вселенной по вертикальному принципу стало анахронизмом. Имеется лишь один враг — тоталитарный режим и его сторонники, в каких бы странах они не находились. Ему противостоит единый фронт свобододобивых людей, вне зависимости от цвета их кожи, религии и национальности. Поэтому, сотрудничая с Американским Комитетом и даже сливаясь с ним, русская эмиграция не становится агентом иностранного влияния (само понятие «иностранцы» теряет всякий смысл с этой точки зрения), а лишь содействует преодолению средостений между отдельными народами и привносит свою долю в дело создания «единого мира».

Такое рассуждение по меньшей мере предвосхищает события. Мир несомненно переживает переходный период и ищет выхода из тупика, куда его завели национальные движения, приведшие к образованию современных государств. Планы «Новой Европы» Гитлера были ничем иным, как попыткой найти синтез между национальным и международным принципами с точки зрения фашистского тоталитаризма. Аналогичной попыткой является Коминформ и построение советской империи — с точки зрения коммунистического тоталитаризма. Демократический мир тоже пытается нащупать этот синтез на основе социальной справедливости, политической свободы и автономии личности.

Но характерно, что такие образования как Объединенные Нации, Единая Европа (Страсбург) или союз народов под эгидой британской короны не игнорируют, а инкорпори-

руют национальное начало. Демократия тесно связана с развитием национального самосознания и предполагает углубление его. Положительная роль этого самосознания проявилась в период национал-социалистического господства над большей частью Европы. Фашистскому тоталитаризму не удалось разложить изнутри ни одну из стран, оккупированных Германией, ибо он наткнулся на сопротивление народов, не желавших отказаться от своего национально-государственного бытия. На те же препятствия наталкивается экспансия коммунистического тоталитаризма. Национальный принцип и религиозные верования могут сыграть огромную роль в деле отпора агрессии сталинской диктатуры.

Национальный принцип жив в России. Не случайно Сталин использовал его, организуя отпор полчищам рейсхвера. Мобилизация народных масс Советского Союза против угнетающего их режима — вернейшее средство в борьбе западных демократий против угрозы нашествия с востока — не может игнорировать русского национального самосознания, пропитывающего атмосферу советского государства. Русские социалисты в эмиграции подпишут себе смертный приговор, если они — пусть руководствуясь самыми лучшими намерениями — откажутся от своей политической самостоятельности, т. е. станут на путь Кобленца и сольются с иностранными силами. Речь идет не о том, что тот или иной русский общественный деятель совершит ошибку или утерит свою репутацию. Отдельные лица всегда могут своевременно отказаться от шагов, заводящих их в тупик или, даже очутившись в тупике, поки-

нуть тонущий корабль и приспособиться к новым условиям. Политическим же группам, претендующим на представительство партий, обладающих прошлым, такие прыжки вряд ли даны. Речь идет также не о том, что история не простит опрометчивых шагов. Опыт учит, что всегда находятся историки, которые выискивают смягчающие вину обстоятельства и обеляют чуть ли не любые ошибки деятелей и движений. Компрометация политической партии, хотя и обеленной историками, может быть роковой для идей, представляе-

мых ею в тот неповторимый момент, когда они имеют шанс привиться. Идеи русского демократического социализма нужны России, нужны демократическому миру и поэтому «путь к власти», намечаемый социалистами, должен отвергнуть соблазны политики, не открывающей перспектив на другой день после ликвидации большевизма и принять линию поведения, хотя и трудную, но объективно приближающую эту ликвидацию и обещающую будущее идеям наших учителей и предшественников в свободной России.

«Разложится ли Россия на части, или обессилевшая Европа впадет в византийский маразм, подадут ли они друг другу руку, обновленные на новую жизнь и дружный шаг вперед, или будут резаться без конца — одна вещь узнана нами и не искоренится из сознания грядущих поколений — это то, что разумное и свободное развитие русского народного быта совпадает со стремлениями западного социализма».

А. ГЕРЦЕН.

О КНИГЕ Б. ДВИНОВА

(Отклики)

Как расценивалось «власовское движение» в рядах Красной армии во время войны? Расценивалось, как «припек» Гитлеру для пушечного мяса. Никто не сомневался у нас уже в 1943 г., что судьба их закончится виселицей. Конечно, были случаи перехода к немцам с подписанными Власовым листовками в руках. В

этих листовках власовцы ввали солдаткам и офицерам Красной Армии, что будто немцы принимают пленных с почетом и теплотой, что никакого террора нет и т. д. А потом их кормили голодом и прикладами. Власов этих замученных голодом в лагерях видел и хорошо знал о немецких «освободителях».

Германия. 26 мая 1951 года

Новейший эмигрант Н. В.

РОССИЯ И ЭМИГРАЦИЯ

Г. АРОНСОН

В ХАОСЕ ЭМИГРАНТСКОЙ ПОЛИТИКИ

Публицистические заметки

1.

В 20-ых годах после крушения белого движения весь правый сектор русской политической эмиграции продолжал жить одной мечтой, одной идеей, одной тактической ориентацией. Генеральную линию правых можно сформулировать в следующих положениях:

правые ждали войны Запада с Советской Россией; все свои надежды связывали с интервенцией, главным образом, военной; добивались вмешательства иностранцев в ход русской революции; готовили военные кадры, — русскую армию на случай похода на Советскую Россию; возлагали надежды на «подпольную» работу в России, направляемую из эмиграции; стремились создать «национальный центр» или иные формы объединения эмиграции для осуществления этих целей.

Тогда, — 30 почти лет тому назад, левый сектор русской политической эмиграции этой тактической линии не только не принимал, — он решительно отвергал ее, боролся

с нею, считал ее реакционной, угрожающей интересам России, — страны и народа, — недостойной западных демократий.

Но какой с Божьей помощью оборот наблюдается сейчас в большей части левого сектора! Не взирая на то, что тактика правых неоднократно была бита на горьком эмигрантском опыте; что все расчеты правых на поход в Россию (до Гитлера 1941 года) оказались несостоятельны, — что ни интервенции, ни вмешательства извне в ход русской революции не было; что никакой русской армии за рубежом не было создано, а остатки белой армии распались в рассеянии; что все попытки объединения эмиграции фатально кончались расколом, и ни разу не удалось сколотить национальный центр; что все «подполье», руководимое из-за границы, оказалось опутано плотной сетью советской провокации и лило воду на мельницу ВЧК и ГПУ, — несмотря на все это, — спустя 30 лет нашлось немало охочих людей среди русских демократов и даже социалистов, склонных принять и защищать эту мечту,

эту идею, эту политическую концепцию правых, — как свою собственную.

В самом деле, продумайте до конца, посмотрите в корень всех политических постросний левого сектора сейчас, в начале 50-ых годов: разве он не повторяет, не копирует всей ориентации, расчетов, планов правой реакционной и монархической мысли начала 20-ых годов?

К чему сейчас сводятся предпосылки, исходные тактические пункты руководителей Нью Йоркской Лиги борьбы за свободу России, которая объединяет видных русских демократов с социалистами-меньшевиками и эсерами? И какова позиция других близких к ним группировок, — неонародников из Росс. Народного Движения?

Левые эмигранты ждут войны Запада (США в первую очередь) с Советской Россией; все свои надежды связывают с интервенцией; добиваются вмешательства иностранцев; готовят политические кадры на случай войны и поддерживают новые эмигрантские группировки (власовцев и др.), сколачивающие русскую армию за рубежом на случай похода; сами не пытаясь создать подполье в России, поддерживают тесные отношения с другими группировками (например, с солидаристами), такой подпольной работой официально занимающимися; все свои усилия отдают на дело объединения эмиграции, пытаясь создать центр, который только из словесного лицемерия не именуется национальным.

Если отбросить общие места всяких платформ, подчас не стоящих бумаги и чернил, которыми они написаны, — разве не ясно, что в этой

формулировке, заимствованной сегоднешними левыми у правых, заключаются альфа и омега всей суммы тактических и стратегических планов и расчетов, которыми одушевлены руководители Лиги или Р.Н.Д.?

2.

Было время, — оно было еще недавно, — в страшные дни второй мировой войны, память о которой во многих сердцах залегла широким кровавым пластом, — когда, казалось, прошел глубокий водораздел между правым и левым сектором русской политической эмиграции. Тогда, после похода на Россию, открытого Гитлером, единственный раз улыбнулась судьба тактической ориентации правого крыла русской эмиграции. Вот-вот победоносная нацистская армия отвоюет строптивую Россию для заждавшихся эмигрантов. Вот-вот нацисты передадут власть в верные руки вчерашних вельмож, камергеров, генералов.

Сейчас по немецкой печати на русском языке мы можем легко восстановить, сколько радужных надежд вспыхнуло в правом секторе. И разнообразные русские «национальные» армии возникли (под фактической эгидой наци), и готовые на все кадры были созданы, обслуживавшие, правда, немецкое дело в отрядах СС, в национал-социалистической партии, в Гестапо и т. д. — немецкое нацистское дело, — но зато с какой расцветавшей под свастикой «русскою душой»! Они, конечно, хорошо знали «Майн Камф» и немецкие планы на захват Украины или отрыв Кавказа, и немецкие взгляды на славянских «унтерменшей», годных только служить удобением для «лебенсраума» «народа господ», — но за

«освобождение России», — ведь на меньшем не мирлись русские коллаборанты Гитлера! — стоило заплатить и распадом России, и поступиться кое-чем еще!

Нет нужды подробно распространяться о позиции левого сектора в годы второй мировой войны. Русские либералы, не говоря уже о социалистах, увидели в победоносном шествии нацизма величайшую угрозу западной цивилизации задолго до похода Гитлера на Россию, — еще тогда, когда эмоциональный и патриотический фактор совсем еще не заговорил в их сердцах. А после 22-го июня 1941 года русский антигитлеровский лагерь расширился настолько, что в него включились элементы, для которых оборона России стала центральным и определяющим моментом, а оборона Запада — подчиненным.

Откуда только ни появились на свет Божий эти патриотические оборонцы? Одни — вчерашние либералы-кадеты (в Нью Йорке) приняли резолюцию, которой торжественно отказывались от всякой политической борьбы с диктаторским режимом в России во имя победы над Гитлером, а другие, — охваченные надеждами на реформы после войны, — нанесли визит советскому послу в Париже и как бы заключили с советской властью бургфриден.

Но что — либералы? Даже младороссы, в 30-х годах бывшие главной опорой великого князя Кирилла Владимировича при попытке его занять вакантный престол Романовых, — буквально позабыв о своих монархических и прочих предрассудках, — всем составом пошли на выучку к советам и там уже навеки нашли себе прибежище...

Позиция русских демократов и социалистов, меньшевиков и эсеров, — в среде которых появились через чур левые течения, скоро отколовшиеся от партийных центров, — была оборонческой и для Запада, и для России. Если в резолюции, принятой 23 июня 1941 г. Заграничной делегацией меньшевиков, звучали ноты подчинения оппозиции советской диктатуре интересам обороны России, — то в дальнейшем, постепенно, эта линия выпрямилась, а с началом немецкого отступления борьба против диктатуры и против единодержавия Сталина стала вновь выступать на первый план. Наростающий разрыв Сталина во внешней политике с союзными демократиями делал неизбежным усиление оппозиции и более острую постановку вопроса о внутреннем режиме в России даже для тех, кто некоторое время этим призывам не поддавался и упирался.

Из этих самых общих абрисов положения в эмиграции с совершенной ясностью вытекает, — насколько полярированы были политические настроения правого и левого секторов русской эмиграции, сложившиеся в эпоху второй мировой войны. На ее исходе, после победы над Гитлером и крушения в Европе главных оплотов нацизма и фашизма, русские демократы и социалисты, русские западники, могли подвести положительные итоги своей основной тактической установке, — в то время, как правые, монархисты и реакционеры разных мастей и направлений, растерялись и стали впадать в раздумье и разубоженье: — не напрасно ли они загрохотали свои гордые знамена в нацистских стойлах? не была ли горькой ошибкой их коллаборация с

Гитлером? Ведь их карта оказалась на данном отрезке истории оглушительно бита.

3.

Процесс глубокой деформации, какой то внутренний, неосознанный полностью, сдвиг стал намечаться, примерно, с 1948 г. в левом секторе нашей старой эмиграции, когда на авансцену появилась новая эмиграция и когда начала — и с каким шумом, с какой помпой! — разворачиваться кампания по реабилитации власовского движения. Социалистические и демократические издания предоставили гостеприимно свои страницы под эту кампанию обеления, объяснения, исторического оправдания движения генерала Власова, его самого, его ближайших сотрудников. Но и независимо от этой кампании, независимо и от того, что в какой то момент главный ее адвокат — Б. И. Николаевский оборвал и свое «историческое исследование», и свою реабилитацию, — обнаружилась какая то «трещинка» в нашем левом секторе эмиграции.

Демократы из провласовской Лиги стали как бы задним числом пересматривать свою позицию во время второй мировой войны, свое сто процентное оборончество. Им, повидимому, начинало казаться, что во время войны они опасность гитлеризма «преувеличивали» и опасность коммунизма «преуменьшали». Конечно, сотрудничество с Гитлером русских людей было «порочным», — но в этом «пороке», повидимому, таилось много психологических и политически оправданных соблазнов.

Постепенно, подстегиваемый сообщениями и идеологическими, и особенно практическими, — стремле-

нием установить теснейший контакт с новой эмиграцией, — со ступеньки на ступеньку, левый сектор не только начал сотрудничать с власовской организацией, а заодно и с организацией солидаристов, — но незаметными переходами в основных своих тактических концепциях стал смыкаться и с правым сектором.

В сущности мы наблюдаем сейчас перерождение демократической эмиграции, происходящее под эгидой непредусмотренной всем прошлым развитием «право-левацкой реакции». Если сформулировать сейчас тактическую линию этого «право-левацкого» курса, то ее можно свести к положениям, общим почти для всех без исключения политических группировок, действующих на поверхности.

4.

Вот эти положения:

Помимо войны Запада с Востоком нет никаких перспектив освобождения России. Война неизбежна. Война необходима. Война желательна. Никакая перемена — тем более революция в Советской России невозможна без войны. Вероятно, эту войну вызовет Сталин. Но, если он по прежнему ограничится маленькими войнами на окраинах мира, — нужно вырвать из рук его инициативу и начать войну превентивную.

В этой военной концепции заключается вся тактическая философия активистов всех мастей русской эмиграции. Только в свете этой философии можно понять оживление, царящее в правом стане, лихорадочную деятельность солидаристов и власовцев, и тот поворот тактики, который произошел в левом секторе. Сколько

сожалений во всех этих кругах высказывалось по адресу «недотеп» из Государственного Департамента в Вашингтоне, которые, располагая преимущественно перед Москвой в виде атомной бомбы, не воспользовались им своевременно (и даже позорно дали у себя украсть все секреты атомной войны). А ведь открывался простор для интервенции, для вмешательства, для ультиматума — с бомбой за пазухой!

Активисты и новой, и старой эмиграции, — несмотря на упущенные возможности, — только и живут этими апокалиптическими планами новой мировой катастрофы, из которой почему то неизвестными путями должна выйти новая освобожденная Россия: монархия, возникающая, как феникс из пепла, — для одних; — фашистская диктатура, возглавляемая элитой, по мнению других; федеративная республика, по иллюзорному представлению третьих; или Россия — распадающаяся на десяток-другой суверенных государств, — по убеждению четвертых. Что всех их объединяет — это вера в фатальную неизбежность третьей мировой войны и в то, что это — единственный способ ликвидации коммунистического режима.

И раз в порядке дня, рано или поздно, — война, то нужна армия, русская национальная армия, кадры которой хотя и сидят в США — на фармах, а в Париже — у руля такси (это — белая армия), но, даже постарев, все еще покручивают лихой ус и готовы перековать орала на мечи. А что касается новой эмиграции, то ведь она в своем активе числит не мало офицеров и солдат власовской армии, рассматривающих себя, и не только в специальных военных орга-

низациях, как ядро будущей освободительной армии.

Разумеется, раз война с Советской Россией, притом при участии русской национальной армии, — то совершенно ясно, что нужно создать в спешном порядке политический эмигрантский Генеральный Штаб. Отсюда столь настойчивые усилия по созданию центра, СОНР'а (неслучайно только одной буквой отличающегося от власовского подгитлеровского КОНР'а), объединения эмиграции на возможно более широком фронте, — эмбриона русского правительства в изгнании, которое, конечно, уже не может оставаться демократическим, — как одно время намечал левый сектор, — оно, это правительство в изгнании, естественно должно быть представлено национальным, а не демократическим центром.

Правые, монархические круги, ревно относившиеся ко всем усилиям левого сектора по созданию СОНР'а и с радостью приветствовавшие провал всех попыток в этом направлении, сейчас, в свою очередь, сплачиваются, чтобы в нужный момент заявить о себе, предъявить свои законные права на участие в будущем правительстве в изгнании. Левый сектор вынужден будет с этим считаться, — да и какие у него будут основания не считаться с правыми при наличии столь далеко зашедшего единства по всем основным тактическим вопросам? Не может же, например, Лига серьезно возражать против создания национальной армии, когда и власовцы, и солидаристы, и вообще все способные носить оружие или старые служаки — за такую армию? И не сможет левый сектор отводить участие в общем

политическом центре русской эмиграции монархистов, — ибо в конечном счете этот отвод будет для решающих факторов во вне звучать и нелогично, и несубедительно, и даже не демократично.

Два слова о внешне-политическом факторе. Совершенно очевидно, что вести войну с Советской Россией — по этим планам — будет не эмиграция, а Запад, — Америка, в первую очередь; что русскую армию создавать, экипировать, вооружать, — эмиграция не в состоянии, даже, если она «заложит жен и детей» для этой цели, — это будет опять таки функцией Запада, Америки, иностранцев. Наконец, и это показал опыт последних нескольких лет, — только на иностранные деньги может создаваться и русский центр, СОНР или КОНР, — как бы он ни назывался, — этот эмбрион русского правительства в изгнании. Как всем сейчас превосходно известно, ряд политических группировок, участвующих в организации русского центра, их делегаты, совершающие поездки Нью-Йорк — Мюнхен и обратно, издания и листки новых эмигрантов, фикция «подполья», — все это живет на иностранные деньги, работает под иностранным контролем. Более того, не раз уже создавались положения, при которых в спорных и склочных моментах эмигрантской политической юдолии арбитром являются иностранцы.

И, действительно, как строить армию, как создавать центры и объединить эмиграцию, как ставить пропаганду — при той маломощности, которой отличается эмиграция? И если иностранцы почему-либо заинтересованы в поддержке эмигрантских планов, то они прямо или ко-

свенно дают на это средства. Да, средства то они отпускают, — но не приводит ли это по многим причинам к развалу эмиграции и деморализации ее людей? и к потере независимости эмиграции? Вот вопрос...

5.

В то время, как за истекшие годы в правом секторе не было изменений принципиального характера, — только кирилловцы-младороссы пошпили в советскую Каноссу и небольшие группы царских генералов последовали за ними или вместе с ними в красные уголки при союзах советских патриотов, — в среднем секторе, среди полу-монархистов или полу-республиканцев, среди непредрешенцев, среди либералов, наконец, кадет всех направлений, произошли глубокие перемены. Тут вторая мировая война прошла, как опустошительный вестер. Вожди либералов поумирали. Движение лишалось имен, лишалось идеологов. Что пришло им на смену после войны?

В сущности, только Союз борьбы, организация, созданная С. П. Мельгуновым в Париже, организация непредрешенческая, но с ярко выраженной монархической эмоцией и даже, как это ни покажется странным, с явным тяготением к столь подозрительной по фашизму группировке, как НТС — солидаристы. Одно несомненное достоинство было с самого начала у группировки С. Мельгунова, этой единственной наследницы русского либерализма, — позиция, занятая ею во время войны, антигитлеризм ее, верность демократическим принципам во время войны.

Но не грозит ли полной потерей и демократизма, и гуманистического ее направления проникновение в нее

людей из власовского или прогитлеровского лагеря, явное толерирование ею людей типа «Коллабо № 1», которых Союз борьбы выдвигает в качестве своих представителей, превосходно зная, что это люди, скомпрометированные своим участием в гитлеровской печати, в партии национал-социалистов, в антисемитизме? И не привел ли эту группировку уже к последней черте, отделяющей ее от вульгарной реакции, заключенный ею блок с солидаристами, о фашистских «родимых пятнах» которых дружно свидетельствуют и власовский СБОНР, и «Социалистический Вестник», и даже — Государственный Департамент США, выпустивший документированное о солидаристах исследование? Для пишущего эти строки является неразрешимой загадкой эволюция бывшего народного социалиста, лидера Союза Борьбы.

Новыми участниками среднего сектора эмиграции являются две власовские группировки: СБОНР (гражданская) и СВОД (военная). Вероятно, они претендовали бы быть включенными в левый сектор, ибо они считают себя «воинственными (?) народниками», тем более, что в платформе СБОНР'а прокламирована демократическая республика. Но мы хорошо знаем, о ком идет речь и полагаем, что если СБОНР до недавнего времени поддерживал тесные сношения с Лигой борьбы, в которой гегемония принадлежит меньшевикам и эсерам, если было сотрудничество с Лигой, даже коалиция с «марксистами» в ней, — то это никак не дает возможности рассматривать СБОНР и СВОД иначе, как группировки если не правого, то среднего, промежуточного характера.

Ведь они прежде всего — власовцы. Знамя власовского движения — оспаривается их знаменем. Идеи Власова «бессмертны» — пишут они. Документы, программы Власова, Пражский Манифест 1944 г., принятый под эгидой Гимmlера, главы Гестапо, — до сих пор источник их вдохновения.

При всем своем демократизме и республиканизме СБОНР никогда не хотел оторваться от других, в том числе монархических, ветвей власовского движения. В 1949 г. СБОНР не хотел порвать нити, связывавших его с САФ'ом через АЦОНДР, — и ушел, только будучи исключен последним. И с тех пор не было месяца в жизни эмиграции, когда бы СБОНР не выступал публично, печатно, вместе с САФ'ом, вместе с монархистами, вместе с солидаристами, когда бы СВОД не тянулся к объединению с КОВ'ом генерала Туркула. Совершенно очевидно, что у руководителей СБОНР'а нет никакого принципиального отталкивания от своих партнеров из правого лагеря. А связь с Лигой носила только декоративный характер.

Для полноты картины мы должны отметить и авантюристский момент в практике СБОНР'а. Он получил выражение прежде всего в том, что СБОНР представляет собой полувоенную, законспирированную организацию, стоящую вне общественного контроля. В печати не публикуются решения его конференций. На них корреспонденты не допускаются. В чем заключается деятельность СБОНР'а, неизвестно. Кто его руководители, — неизвестно. Даже в свободной демократии Америки они ухитряются вести полу-подпольное существование.

Впрочем, СБОНР, как и солидаристы, уверяет, что он занимается и «подпольной», «революционной» работой. Недавно «Голос Народа» (Мюнхен) сообщил о том, что люди СБОНР'а на парашютах были спущены в Румынии для выполнения «боевых заданий». Дальше — больше. Из материалов 1-го съезда СБОНР'а, напечатанных на мимеографе, мы узнаем, что при СБОНР'е существует Боевая Организация (Б. О.), тайно законспирированная, стоящая над СБОНР'ом и никем не контролируемая. Что она делает в Германии или в США, эта Б.О.? Как правильно заметил один из делегатов съезда СБОНР'а, — до Москвы далеко, — и как бы Боевая Организация не стала действовать против инакомыслящих эмигрантов, в том числе и против «несогласных граждан» в самом СБОНР'е. Интересно, что этот скептик оказался единственным голосом, поданным против Б.О., — съезд большинством всех против одного утвердил существование Б.О.

Предоставляем охочим людям распинаться за СБОНР и выступать перед общественным мнением в качестве гарантов «левизны» и республиканизма СБОНР'а, преданности его заветам Февраля, верности народничеству, симпатии марксизму, тайной склонности к социализму и — прежде всего и раньше всего — глубочайшего демократизма СБОНР'а...

6.

Левый сектор за последнее десятилетие также чрезвычайно усох, как и либеральный. Сперва исчезло милюковское РДО и прекратили свои проявления во вне народные соци-

алисты. Нивеллировался и унифицировался социалистический лагерь. Во время войны из него ушли крайние левые крылья, — у меньшевиков (группа Ф. Дана, распавшаяся с его смертью) и у эсеров. Правые социалисты сблизились во время войны с «центром», — как у меньшевиков, так и у эсеров. Единственный социалистический орган, который и после войны спланивал наиболее влиятельные элементы русских социалистов, был «Социалистический Вестник». Постепенно складывались в русской эмиграции (США и Франции, главным образом) более широкие коалиционные группировки демократов и социалистов отчасти вокруг «Нового Журнала», «Народной Правды» Р. Гуля, «Нового Русского Слова» (Нью-Йорк), одно время также вокруг сборников, издававшихся С. Мельгуновым.

Одной из таких коалиций демократов и социалистов явилась нью-йоркская Лига борьбы. Момент ее образования, по инициативе Заграничной Делегации меньшевиков, совпал с первым послевоенным расколом Заграничной Делегации, происшедшим по вопросу об отношении к власовцам, как главным, чуть ли не единственным легитимным представителям новой эмиграции. Очень быстро руководители Лиги (Б. Николаевский, А. Керенский, Д. Далин и др.) превратили всю организацию в средство собирания разнообразных про-власовских элементов. Вместо того, чтобы создавать свои собственные отделы, чтобы вылущить из новой эмиграции демократические и социалистические элементы, — центр тяжести всей деятельности Лиги свелся к тому, чтобы провести реабилитацию власовцев, установить

демократический и национально-патриотический характер деятельности движения ген. Власова под Гитлером, подготовить общественное мнение демократических и социалистических кругов к положительному отношению к власовцам.

В первый период Лига даже не пыталась дифференцировать власовское движение, принимала его целиком, возражала против критики его, против разоблачения антидемократических и антисемитских проявлений его. После того, как работа по реабилитации была в основном закончена, и большинство в самой Лиге и в ее периферии было уже приучено к мысли о том, что власовцы являются подходящими партнерами для русских демократов, — Лига и ее печать приняли не только про-власовский характер, но незаметно сами усвоили власовскую идеологию для прошлого. В конце концов меньшинство в Лиге не выдержало и начало бунт в Лиге. Деятели меньшевиков поставили условием своего пребывания в Лиге ее разрыв со всякими про-власовскими тенденциями. К этому же времени воочию начался процесс распада власовского движения, преобладающее большинство которого явно потянуло направо, в реакционный монархический лагерь.

Тогда в Лиге большинство было вынуждено сосредоточить свои усилия на том, чтобы хотя бы часть власовцев сохранить за собой, — а именно СБОНР, который под влиянием Лиги стал на республиканско-демократические позиции. Вопрос о политическом блоке или коалиции со СБОНР'ом вызвал некоторые трения в Лиге, ибо вначале Р. Абрамович повел против этого борьбу. Но

затем постепенно сопротивление идее политического сближения со СБОНР'ом ослабело, и он согласился на блок. Напротив, другой представитель меньшевиков в Лиге, Б. Двинов, с определенностью выступил с работой «Власовское движение в свете документов» (1950 год), которая вскрыла недемократический и антидемократический характер власовского движения и солидаризировалась с работой пишущего эти строки «Правда о власовцах» (1949 г.), с начала 1948 г. сигнализировавшего для русских демократов и социалистов опасность тактики, бардом и пропагандистом которой был упомянутый Б. Николаевский (см. «Новый Журнал», кн. 21).

7.

К этому времени уже выяснилось, однако, что СБОНР даже вместе со СВОД'ом (кстати, занявшим не республиканские, а непредрешенческие позиции) представляет собой самую незначительную ветвь власовской амальгамы: объединяет всего человек двести. Для Лиги становилось все яснее, что на этой «базе» очень трудно что-нибудь построить, что ни значительного объединения эмиграции, ни «возглавления» тут не осуществить. Тогда в поисках новых партнеров для объединения Лига остановилась — возможно, скрепя сердце, — на солидаристах.

Кто они такие? В печати уже появились материалы, свидетельствующие о фашистском характере идеологии этой старо-новой эмигрантской группировки, о беззастенчиво-лживой дезинформации ее, о хлестаковщине ее вождей, во имя рекламы берущих на свою совесть террористические акты, якобы совершенные ею в

СССР, о готовности их, благодаря своим связям в «подполье», совершить «национальную революцию» в России за 100 миллионов долларов и т. д. Одним из первых выступил против солидаристов Д. Далин. Но в Лиге нашлись горячие защитники мысли о привлечении солидаристов к общему делу объединения демократической эмиграции: благодать «демократизма» почилла после власовцев и на этих вчерашних фашистах. Говорили, что солидаристы совершают «эволюцию», что у них предстоит смена руководства, что люди, возглавлявшие НТС в течение долгих лет (со дня основания этой организации еще в 1930 г.) и сами являющиеся выходцами из монархически-реставрационных кругов, — вынуждены потесниться и уступить место советским эмигрантам, представителям технической интеллигенции, прошедшей в свое время искус «правой оппозиции» в ВКП и т. д., и т. д.

Б. Николаевский и особенно А. Керенский выступали горой за солидаристов. Противником сговора с солидаристами был в Лиге Р. Абрамович, ультимативно в конце концов заявивший, что, если Лига примет солидаристов в партнеры демократического блока, то меньшевики выйдут из Лиги, и опубликовавший это свое решение в «Социалистическом Вестнике». Бурный конфликт по вопросу о солидаристах, колеблющаяся позиция большинства Лиги вызвала в ней раскол. А. Керенский и Р. Гуль с группой сторонников покинули Лигу и образовали новую группу — Российское Народное Движение (неонародников), куда они перетянули тех немногих из новых эмигрантов, которые входили в Лигу. Обессиленная, обескровленная Лига

не нашла тогда в себе мужества противостоять оказанному на нее давлению в пользу сотрудничества с солидаристами. Это давление шло с разных сторон: со стороны СБОНР'а, со стороны Союза борьбы, к этому времени заключившего свой блок с НТС — солидаристами, наконец, со стороны возникшего к тому времени Американского Комитета освобождения народов России, поставившего в порядок дня вопрос о создании русского эмигрантского центра и предложившего для этой цели средства. Все возражения отпали. Солидаристы получили признание в левом секторе. Продолжавшаяся критика солидаристов не доводилась до логического конца: до признания принципиальной неприемлемости их в качестве партнеров в демократической коалиции.

8.

Мы можем подвести итоги злоключениям эмигрантской политики за послевоенные годы. Мы имеем здесь в виду эмиграцию политическую, — учитывая все время, что она составляет ничтожную часть эмиграции бытовой, что в каждой политической группировке действуют только небольшие кружки, что печать кружковщины лежит на всех проявлениях ее и разъедает ее, что всюду действуют «генералы без армии» и, если судить по внешним признакам, эти генералы мало беспокоятся о том, что «армии», т. е. сколько-нибудь широкой базы, у них и за ними нет.

Преобладание бытовых, даже не так называемых «честных беспартийных», получивших вкус к политике, — а именно эмигрантов, не желающих активно участвовать в политике, всегда наблюдалось в старой русской эмиграции. Это преобладание

бытовых эмигрантов над политическими оказалось столь же характерным и для новой эмиграции. Все активисты новой эмиграции среди монархистов, власовцев, солидаристов (да и в демократических кружках, — прибавим для объективности) составляют какие-нибудь считанные сотни человек на всю вместе взятую эмиграцию, численность которой несомненно определяется шестизначной цифрой. Особенно поразителен факт слабого участия интеллигенции в группировках новой эмиграции, — несмотря на то, что по всем имеющимся данным, среди новых эмигрантов есть сотни врачей, ученых, профессоров, деятелей искусства и проч. Почти никто из них к активистам новой эмиграции не захотел прикнуться.

Не следует недооценивать это явление нежелание многих представителей новой эмиграции входить в эмигрантскую политику. Этот факт объясняет в большой степени и низкий уровень политической культуры, характеризующий политические группировки новых эмигрантов, и недифференцированность их, и в сущности «неполитические» особенности их политики. Этим, возможно, объясняется, что на поверхности выпячиваются не столько деятели, болеющие душой за Россию и способные осознать всю серьезность проблематики русской революции, — сколько люди сталино-гитлеровской выучки, прошедшие через огонь, воду и медные трубы обеих диктатур, и извлекишие оттуда одни лишь уроки приспособляемости, беспринципности, авантюризма. Приходится с горечью констатировать, что «кухня» нашей эмигрантской кружковщины не только не привлекает к себе свежего

человека, но, наоборот, почти неизбежно отталкивает его.

В этих условиях естественным оказался печальный итог деятельности и левого сектора, — русских демократов и социалистов в эмиграции. Не шадя ни своих, ни чужих, мы попытались воссоздать картину упадка, ошибок, деморализации левого сектора. И, нам кажется, что из опыта последних лет вытекает необходимость радикального пересмотра всей политики и тактики. В каком направлении? Для того, чтобы точно ответить на этот вопрос, необходимо ввести в рамки общую проблему о шансах и возможностях, о пределах этих возможностей политической эмиграции вообще. В этой области русская эмиграция как будто располагает внушительным опытом.

До революции, особенно, до первой (1905 г.) революции, связь эмиграции с Россией была непрерывной, взаимодействие идей и людей носило устойчивый характер. Пропагандистская функция эмиграции, достигая в свое время вершины-ранее дворянской и земской, потом разночинной, крестьянской и рабочей, могла осуществляться и из прекрасного заграничного далека. Реализация же этих связей — эмиграции с родиной — могла быть достигнута только на другой день после революции, когда эмиграция закончилась, политические эмигранты вернулись на родину. Только вернувшись на родную почву, они смогли принять активное участие в ходе дел на родине и влиять на них. До момента возвращения работа эмигрантских кружков была очень скромна, — не случайно они часто ощущали себя «умной ненужностью», — хотя и в то время их голос — в смысле разоблачения ста-

рого режима — порой будоражил совесть западной интеллигенции.

Но послереволюционная эмиграция на печальном опыте трех с лишним десятилетий знает, как трудно было заставить себя слушать, да еще себе верить, — и русским социалистам, наталкивавшимся почти на каменную стену пробольшевистских иллюзий, — и реакционерам, встречавшим препятствия другого порядка. И если открывать глаза просвещенным иностранцам на сущность комдиктатуры все еще порой удавалось, то подталкивать их на «действие» оказалось делом просто исключенным. Вспомним время до второй мировой войны, когда подлинной идеей-фикс правого лагеря была война, интервенция, непризнание, бойкот, ультиматум и пр. Были времена, когда каждую весну и осень назначался очередной «поход на Россию», и потерявшие терпение укладывали чемоданы или устраивали краткосрочные курсы для подготовки полицмейстеров и загодя распределяли теплые местечки вице-губернаторов в черноземных губерниях. Что осталось от этих сладостных мечтаний? Одна нескрываемая горечь!

9.

Когда теперь читаешь статьи новых эмигрантов, еще только овладевающих азбукой демократического лепета, этих бряцающих оружием энтузиастов, зовущих: направо, налево, бьем, били и будем бить! — не сознающих, что они больны детской болезнью эмиграции, и копирующих, — порой буквально — словесные узоры старых эмигрантов 20-х и 30-х годов, — то неизменно видишь перед собой образ той неумирающей иллюзии, которой французы дали превосходное

выражение: тень кучера чистит тень лошади тенью щетки. Им мерещатся апокалиптические видения, они живут в мире эсхатологии. И, повидимому, не отдают себе совершенно отчета в том, как сложна и трудна проблема освобождения России, и как мало, черезчур мало может значить эмиграция со всеми ее генералами без армий и даже с генералами и армиями для ее решения.

Конечно, предусмотреть развитие международных событий, в цепь которых включилась и Советская Россия, невозможно. Все может произойти в этом лучшем из миров: и третья мировая война с ее непредвиденными последствиями, и революция может стихийно вспыхнуть в России, и даже дворцовый переворот, — в случае гибели или смерти диктатора, — может вскрыть назревший нарыв или, лучше сказать, открыть шлюзы для общественного оживления в замордованной стране. Все может быть с войной и — без войны!

Но эмиграция? Что она значит перед лицом всех этих катастрофических событий? Какая ей может быть отведена историческая роль? Сейчас эмиграция, захватываясь болезненной мыслью о своей провиденциальной миссии, спит и видит сон, как Запад, вовлеченный в войну, организует и объединяет ее и из «лучших сынов» ее создает русское правительство в изгнании, которое в обзоре западной армии торжественно въедет на территорию любезного отечества. Поистине, страшен сон, да милостив Бог!

Да кому нужно это правительство? Если оно должно отражать настроение широких кругов эмиграции, то оно должно состоять главным образом из монархистов, — может ли

кто-нибудь в здравом состоянии представить себе, что США или Англия возьмет на себя задачу — в случае войны — нести на своих штыках реставрацию бесславно погибшей монархии? Не следует ли в таком случае составить русское правительство в изгнании из власовцев и солидаристов? — может быть, скажут новые эмигранты. Но Запад, еще недавно отстоявший себя с такими усилиями от гитлеровского нашествия, неужели подымет на свой щит коллаборантов нацизма, — понимая, какой прием ожидает этих людей внутри России?

Уже не станем ворошить вопроса об амбициях некоторых демократов и социалистов, которые, чтобы набить себе цену, столь безуспешно ищут себе базу среди власовцев и солидаристов, стараясь из этой среды вылучить если не настоящих, то хоть «маргариновых» демократов, — весь опыт Лиги, РДН, переговоров вокруг провалившегося СОНР'а обнаружил их ничтожный удельный вес при сложившемся соотношении сил в эмиграции. Да, у русских демократов и социалистов были идеи, был моральный капитал, была верность

социализму, была принципиальная, бескомпромиссная тактика. Левый сектор имел свой шанс оказать воздействие на эмигрантскую среду, мог стать центром для действительной широкой демократической коалиции. Но становясь на ципочки, претендуя на возглавление, на представительство всей эмиграции, стремясь к кооперации со вчерашними фашистами и полу-фашистами, — левый сектор политически нанес сильный удар по своему престижу и сам подорвал все скромные возможности своего влияния.

Настоящий день эмиграции никогда не сегодня, и всегда — завтра. Только перестав вести эмигрантское существование и вернувшись на родную почву, эмигранты могут начать действовать. Поэтому подготовка кадров, забота о сохранении своего лица, своего идейного оружия, — есть единственная задача в эмиграции. Тот, кто пренебрегает этим и пускается во всю прыть в эмигрантскую, так называемую «реальную политику», — тот не приобретает ничего и рискует потерять все, — и прежде всего голову. А потеряв голову, уж по волосам нечего плакать!

ЛЕВ МИРАЕВ.

НА ОПАСНОМ ПУТИ

Почти два года уже прошло с тех пор, как на горизонте российской политической эмиграции появился Американский Комитет Освобождения Народов России. Его появле-

ние вызвало в рядах эмиграции целую бурю. Одни встретили Комитет лением «Осанна», другие — проклятиями, для третьих открылись «небывалые перспективы», а четвертые,

наблюдая, недоумевали: по какому поводу шум?

Американский Комитет созвал ряд совещаний и конференций. Основные вехи: Фюссен, Штуттгарт, Висбаден, Мюнхен и последний — Штарнберг. Российская эмиграция чуть было не объединилась, чуть было не создала политический центр, названный — в явное подражание власовскому КОНРу — СОНРом. Уже были опубликованы все полагающиеся в таких случаях документы, избрано Бюро, и мир был оповещен, что еще до истечения 1951 года СОНР будет ему показан по всем своим блеске и великолепию. А затем, уже спустя 8 месяцев, и после Штарнберга, мы из сообщения Президиума последней по времени конференции узнали, что вместо СОНРа эмиграция пока что ошастливлена только двумя «временными комиссиями». Совсем в стиле немецкого литературного оборота: сперва все хорошо, а к концу прибавляется «нихт» и получается, что ничего не вышло. Оказывается, что пока что созданы только «реальные предпосылки», и сказка начинается сначала.

Если еще в мае этого года в большой речи, произнесенной на «обеде свободы» глава Американского Комитета адмирал Аллен Кэрк говорил, что «мы должны помогать борющимся за свободу советским демократам» (курсив мой Л. М.), то в последней июльской речи на Украинском конгрессе он подчеркнул:

«Я могу заявить, что Американский Комитет стремится к тому, чтобы его задача была всегда и всем ясна: помогать **всем** беженцам, **всем** эмигрантам в их совместных усилиях осво-

бодить их страну от ужасной тирании большевистской партии» (курсив подлинника). «Мы не склоняемся ни в правую, ни в левую сторону»... «Мы не оказывали предпочтение ни одной группе эмигрантов»... «Мы готовы приветствовать различные группировки тех, кто не желает подчиниться коммунистической тирании: как новых пришельцев, так и тех, кто уже более длительное время оторван от их родных стран».

Если не искать здесь сокровенного умысла, а понять так, как оно сказано, то, говоря простыми словами, это означает призыв: «Антикоммунисты всех мастей, объединяйтесь».

Если раньше делали попытку превратить солидаристов, власовцев, монархистов-непредрешенцев в «демократов», ибо СОНР должен был быть чисто демократическим объединением, то сейчас такого рода мимикрия признана, повидимому, более ненужной, и Американский Комитет приветствует в эмиграции «всяк сущий в ней язык», лишь бы он был против коммунизма.

Воздержимся пока от предсказаний и обождем, как эмигрантские лебедь, рак да щука лихо повезут воз Американского Комитета на путях «Освобождения Народов России».

Заодно, быть может, станет более ясным, имеется ли и **положительная** программа у Американского Комитета? Что хочет он увидеть в России на место павшей диктатуры ВКП? Не будем и об этом гадать, — когда начнется реальная работа Комитета, и мы познакомимся с характером пропаганды созданной им радио-станции, тогда можно будет правильно оценить его политические устремления.

Однако уже сейчас необходимо остановиться на другой стороне этого вопроса, в уяснении которого одинаково кровно заинтересованы и русская и американская демократия, — о чем адмирал Кэрк говорил и на «обеде свободы», и на Украинском конгрессе: как добиться доверия народов СССР, как пробиться к России, — без чего вся затея и идея Американского Комитета и его радио-станции теряют весь свой смысл.

На «обеде свободы» адм. Кэрк сказал: «Мы должны устранить все следы того недоверия и подозрения по отношению к нам, которые коммунистическая пропаганда старается внедрить в их (народов СССР) умы. Мы должны ясно показать, что хотим только того, чего страстно желают и сами народы России: общественного строя, основанного на уважении к человеческой личности».

На Украинском конгрессе он повторил: «Мы должны помнить, что опытный и искусный аппарат пропаганды (Политбюро) следит за каждым нашим движением и ловит каждое наше слово, чтобы обратить их на пользу коммунистическому господству над массами». «Поэтому я предлагаю, чтобы мы... ни при каких условиях не говорили неосторожно того, что может, даже против нашей воли, оказаться полезно или выгодно для врага».

Все это правильно, и мы не хотим сомневаться в том, что Американский Комитет будет тщательно следить за тем, чтобы содержание речей, произносимых по его радио не давали агитпропу повода для использования в своих целях. Достаточно ли, однако, этого? А как от-

носительно того, от **чьего** имени эти радио-речи будут направляться в Россию?

Приведем небольшой пример: в российской эмиграции имеет хождение лозунг: освобожденная Россия «без эксплуатации человека человеком». Прекрасный лозунг, против которого не приходится возражать. Но когда мы находим под ним подписи таких организаций, как НТС — солидаристы, ген. Туркула, Высшего Монархического Совета, АЦОДНР и т. п., то этот превосходный лозунг теряет свое содержание и смысл.

Или другой пример: агитпроп в СССР и во всех «народных демократиях» надывается до хрипоты, заверяя, что там «самая свободная страна в мире», что они строят «социализм», что они пламенные «борцы за мир» и т. п. Почему никто этой пропаганде не верит? Разве дело в недостатке лозунгов и заверений? Полагает ли Американский Комитет, что он сможет «переплюнуть» агитпроп своими радикальными лозунгами и заверениями? Вряд ли это ему удастся, да и вряд ли это, вообще, возможно. Очевидно, что как ни важно само по себе содержание радио-речей, этого еще недостаточно, ибо весьма важно, а может быть, от этого зависит и самый успех дела, — **кто именно и от чьего имени** эти речи произносит. Сколько бы ку-клус-клан напр., не уверял негров, что он стоит за «уважение к человеческой личности», это будет звучать для негров столь же неубедительно, как аналогичные заверения гитлеровцев, обращенные к «унтерменшам». Негры в южных штатах Америки знают ку-клус-клан на деле, и на деле видели «унтерменши» гитлеровцев.

Но не только гитлеровцев они видели, а и тех, кто с гитлеровцами коллаборировал: солидаристов, разных монархистов из старой и новой эмиграции, разноцветных власовцев.

Прежний СОНР предполагал объединить «пять демократических организаций», включая НТС, СБОНР и Союз Борьбы. Чем и как кончатся труды «временной комиссии» и новый этап в политике Американского Комитета, мы не знаем, но для иллюстрации нашей мысли достаточно и ссылки на указанные организации. Из них «непредрешенческо-монархический» Союз Борьбы никакой деятельности не проявляет, лишь состоя в «законном браке» с НТС, с которым он в 1950 году заключил «демократический блок». Зато две других организации — НТС и СБОНР стараются произвести максимально возможный шум и, что греха таить, — именно на них то и была вся надежда Американского Комитета и СОНРА, ибо «молодым всегда у нас дорога».

Обе эти группы, в их нынешнем состоянии, своим истоком имеют «власовское движение», обе имеют какие-то секретные «оперативные» отделы, пытаются работать «на ту сторону».

Господа солидаристы, как более опытные, изощренные и циничные политики, стараются не вспоминать и напоминать о своем недавнем власовском прошлом: они понимают, что на этом теперь капитала не наживешь ни здесь, ни «там». Наоборот, свой шанс они видят в том, что их «там» никто не знает, и буквы НТС, и понятие «солидаризм», окутаны загадочной таинственностью.

СБОНРовцы наименее солидаристов и политически еще достаточно невежественны, чтобы свое власовское происхождение не только не скрывать, а, наоборот, выпячивать, конечно, только здесь, за рубежом. Что же касается их попыток подать голос на «ту» сторону, то там их власовство полностью исчезает, и СБОНР, как и НТС, стараются прислониться к «защитникам Родины», к борцам против Гитлера и даже к Комсомолу. Приведем некоторые иллюстрации из солидаристских и власовских прокламаций и листовок, рассчитанных на «ту» сторону.

Пишет НТС, обращаясь к солдатам и офицерам: «Мы прогнали Гитлера... нас, солдат и офицеров, прошедших от Сталинграда до Берлина...». Установив таким образом свое оборонческое происхождение и свой патриотизм, НТС гордо напоминает: «ценою многочисленных жертв, колоссальных страданий и лишений Россия в союзе с демократическими странами выиграла войну против фашизма. В этой войне наш народ победил врага, изгнал его из пределов Родины, вписав в длинный список славных побед России еще одну победу». «Благодаря победе над Гитлеровской Германией значение нашего народа неизмеримо возросло».

Кто может против этого спорить? Но не звучит ли это в устах солидаристов издевательством над советскими офицерами и солдатами и над народом, который, действительно, ценою большой крови прошел от Сталинграда до Берлина и изгнал из пределов родины **немцев вместе с солидаристами?** И разве так уж трудно будет агитпропу Политбюро доказать всю эту прискорбную прав-

ду? Каков же будет конечный эффект от такого листка?

Пишет СБОНР, обращаясь к молодежи Советского Союза: «На нашу долю выпала священная миссия отстоять свою Родину от гитлеровского нашествия. Ценою гибели своих лучших товарищей мы выполнили эту задачу, внося в написанную кровью книгу молодежной доблести имена Талалихина, кап. Гостелло, бесстрашных панфиловцев, Алексея Матросова, Зои Космодемьянской, Кошовой и многих других».

Здесь приведены имена погибших героев Советского Союза, комсомольцев, погибших в борьбе с полчищами Гитлера и помогавшими ему батальонами Власова, в которых участвовали и нынешние сбонровцы. Возможна ли большая фальшь, большее бесстыдство? И разве трудно будет агитпропу Политбюро разоблачить весь этот обман?

Еще из одной прокламации: «В суровых и кровопролитных боях, ценою смерти своих лучших друзей и товарищей, вы отстояли Родину от внешнего врага... Кто мы: победители или жертвы своей победы?»... «Неспроста нас обыскивают в Брест-Литовске, когда мы едем в отпуск» и т. д. «Какое надругательство над мундиром русского солдата», патетически восклицают те, кто в этой войне носили мундир немецкого солдата и украшали свою грудь свастикой.

Еще одна цитата из листка, призывающего к борьбе: «Пусть... вас будут вдохновлять образы героев Освободительного Движения Народов России — ткача Петра Алексея, стояра Степана Халтурина, лейтенанта Шмидта, Бориса Савинкова,

тамбовского крестьянина Антонова, матроса Петриченко и других безвестных героев, головы свои сложивших в борьбе с царским самодержавием и большевистской контрреволюцией». Как видим, не забыты и некоторые имена из эпохи Народной Воли, но... где же ген. Власов и иже с ним? Ни намека, ни слова, это только за рубежом справляют по ним траурные дни, ибо сбонровцы знают, что «там», на родине, имя «власовец» равносильно слову предателя. О нем лучше «там» не упоминать.

Так вот, полагает ли Американский Комитет, чья работа рассчитана именно на «ту» сторону, что если туда с самыми лучшими речами обратятся по его новому радио люди с власовским прошлым, бывшие гитлеровские коллаборанты, то агитпроп Политбюро будет бесильно слушать и молчать? Мы думаем, что в таком случае агитпроп не станет и заглушать передачу, а только от себя доскажет и докажет **правду**, которую никто не сможет отрицать: кто именно те освободители, которые обращаются теперь к русскому народу по американскому радио со своими заманчивыми призывами. О впечатлении не приходится гадать: то недоверие и подозрение, о которых говорил адм. Кэрк, будут обеспечены.

Больше того: агитпроп использует материал власовцев времени войны, чтобы показать их отношение и к союзной демократии, что, конечно, будет подхвачено и коммунистической прессой США. Что ответит Американский Комитет, если агитпроп приведет хотя бы следующие перлы из лейб-органа власовцев «Доброволец», редактором которого был ген. Жиленков:

«Наша борьба против англичан не временная необходимость сегодняшнего дня, а следствие постоянной вражды между Россией и Англией» («Доброволец» № 49 от 24.10.43).

«Борьба русских частей на Западе против Англии и Америки есть борьба против большевизма, борьба за национальную свободу русского народа». (№ 4-72, от 12.1.44 г.).

«Главный враг России и нашего народа — большевики. Но врагом нашим являются также и «демократические державы», на протяжении всей истории занимавшие антирусскую позицию» (№ 6-74 от 19.1.44 г.).

«Мы солдаты, унтер-офицеры и ефрейторский состав Н-ского батальона РОА, прочитав открытое письмо ген-лейт. Власова, заявляем: здесь, вдали от Родины... мы хорошо знаем, что успешная борьба на Западе является залогом победы над большевизмом на Востоке и будем упорно сражаться с иудо-капиталистической Англией-вековым врагом русского народа. Мы будем храбро защищать европейскую крепость и не позволим англо-американским плутократам нанести удар в спину блоку молодых европейских народов в борьбе за Новую Европу». (№ 8-76 от 26.1.44 г.).

Это были не только слова. За ними следовали боевые действия. Крепость Ля Рошель, которую защищали русские части, держалась дольше других. Храбрость русских частей отмечали и немцы.

«На днях немецкая печать сооб-

щила о замечательном подвиге нашего юного добровольца Андрея Балабанова, который, оставшись в бункере один, косил из пулемета наступавшие англо-американские цепи так, что наложил горы трупов. Сейчас тысячи таких героев появились в наших рядах» (№ 55-123 от 9.7.44 г.).

Не довольно ли иллюстраций? Что ответит Американский Комитет, когда агитпроп Политбюро приведет все эти и многие другие данные из власовской практики? Что ответит он и общественному мнению Америки? Не получится ли в результате компрометация нашего общего дела защиты демократии? Мы не говорим здесь о той части российской демократии, которая примет в этом участие, а об американской и общесоюзной демократии, о возможной компрометации всего дела нашей общей борьбы.

Необходимо тщательно просмотреть список союзников в борьбе за «демократию и свободу», ибо борьбу за эти идеи могут с успехом вести с Кремлем только те, у кого руки чисты, кто не был вчера еще во вражеском стане, и вел вооруженную борьбу и против России, и против союзников, и против всего демократического мира, чье имя для народов СССР является синонимом предательства.

Американский Комитет может сыграть большую роль. Но какую?.. Ответ впереди. Но пока приходится констатировать: он — на опасном пути.

КАК И ПОЧЕМУ ПРОВАЛИЛСЯ СОНР.

1.

В 1951 год мы вступили под знаком создания демократического центра эмиграции. Этот центр получил свое название — СОНР (Совет Освобождения Народов России). Как известно, три совещания — в январе — в Фюссене, в августе — в Штуттгарте, в ноябре — в Висбадене сопровождали неудавшиеся роды СОНР'а. В совещаниях участвовали представители ранее 4-х, потом 5-ти русских политических групп: Лига, РНД (группа Керенского), Союз Борьбы, СБОНР, солидаристы. В Висбадене на не вполне ясных основаниях участвовали также представители 6-ти национальных групп (украинцы представлены не были). Но действительным хозяином совещаний был Американский Комитет Освобождения Народов России. Всем своим весом, — политическим и финансовым, — он определил судьбу совещаний о создании русского центра и в сущности предрешил гибель СОНР'а.

Почему, собственно, провалился СОНР? На этом вопросе следует остановиться.

Но тут же нужно установить, что провал СОНР'а произошел никак не потому, что весь правый сектор вел против него отчаянную борьбу, обвиняя и Лигу, и СБОНР, и Американский Комитет, и особенно Керенского, — в том, что все они — «марксисты», чуть ли не пособники Сталина, сторонники разбазаривания России и, если посмотреть «в корень», — евреи и сионские мудрецы.

Из всех этих выступлений правых довольно прозрачно вытекало, что их задело главным образом то, что «дождь долларов», которым Америка, по мнению правой печати, «осыпала» левый сектор (а в него уже заодно попали и Союз Борьбы, и власовцы, и солидаристы) их, правых, незаконно и вопреки всем божеским и человеческим законам миновал и что они заявляют на эти доллары свои права... Это стоит зафиксировать, но задерживаться на этом не приходится.

Важно выяснить действительные причины, которые привели к провалу СОНР'а. Эти причины нельзя свести к чему-нибудь однозначному. Было множество подводных камней и рифов, которые нужно было обойти и немало препятствий, требовавших преодоления. Прежде всего большой удачей, с точки зрения объединителей, был самый факт, что удалось собрать вместе республиканцев из Лиги, непредрежденных и скрытых монархистов из Союза Борьбы, фашистов из НТС и власовцев СБОНР'а. Ко второму, Штуттгартскому, совещанию появились и нео-народники — РНД, ушедшие из Лиги во главе с Керенским. Удача предпринятого объединения, поддержанного финансовой помощью Американского Комитета, казалась вполне обеспеченной, — тем более, что из выработанного проекта конституции будущего СОНР'а, с общего, видимо, согласия, было выброшено упоминание о республике, — в уго-

ду непредрешенцам из Союза борьбы и СВОД'а, что открывало двери направо, навстречу умеренным и правым монархическим группировкам. Действительно, в это время печать сообщала о переговорах СВОД'а с КОВ'ом (Комитет объединенных владовцев, возглавляемый старым эмигрантом, ген. Туркулом, в начале войны высланным из Франции в Гитлеровскую Германию), а также о том, что представители Высшего Монархического Совета уже зондировали почву об условиях возможного включения в СОНР

Дело настолько успешно развивалось, что в эмигрантских кругах уже циркулировали проекты созыва представительного органа эмиграции, а иные импрессионисты говорили о всеэмигрантском «предпарламенте» в 60 человек. После Штутгарта было избрано Исполнительное Бюро по подготовке СОНР'а, стал выходить журнальчик «Освобождение». Словом, все шло по плану. В ноябре было созвано в Висбадене новое совещание 5-ти русских организаций, на которое были приглашены (повидимому, по усмотрению представителя Американского Комитета) представители шести национально-меньшинственных организаций (грузин, армян, азербайджанцев и др.). Как и откуда пришла беда, не вполне ясно, ибо участники совещания разошлись в своих показаниях: освещение вопросов у А. Дон-Левина — с одной стороны, и у А. Керенского (в «Новом Русском Слове») и у С. Мельгунова («Российский Демократ», № 2) — с другой — было разное. Но независимо от освещения, — после Висбадена стало ясно, что СОНР провалился. Почему? Кто сорвал попытку объединения 5-ти организаций? Амери-

канский Комитет! — утверждают его противники.

2.

Прежде чем мы коснемся вопроса о роли Американского Комитета, мы должны сказать, что странным образом готовые пойти на всякие взаимные концессии и уступки в любом разделявшем их вопросе, пять русских эмигрантских организаций не сумели найти компромисса по одному вопросу, несколько неожиданно всплывшему и сыгравшему роль апельсинной корки на паркете СОНР'а. Это вопрос национальный в будущей России.

Почему можно было отказаться от вынесения связывающих решений по ряду других принципиальных вопросов, даже относящихся к будущему строю освобожденной России, — по вопросу о политическом устройстве, об организации индустрии, о земельных требованиях, — вероятно, вызывающих в своем развернутом виде разногласия, и почему надо было именно в таком остром пункте, порождающем страсти, как вопрос национальный, — дать полный и отчетливый ответ? Но так случилось.

По идее своей СОНР должен был явиться органом, объединяющим не только российские организации, но и национальные группировки. Инициаторы СОНР'а стали зондировать почву у «националов» и довольно скоро выяснили, что в эмиграции почти не существуют националы, настроенные федералистически, стремящиеся оставаться под одной российской крышей после свержения большевиков, — напротив, в эмиграции преобладают группы, настроенные сепаратистски и ориентирующиеся на расчленение России. Казалось бы, это можно было

бы знать и раньше. Общеизвестно, что Гитлеру довольно успешно удалось разнудать сепаратизм, что в его задачи входило балканизировать Россию, с тем, чтобы легче разбить ее государственное и хозяйственное единство. Сразу после войны эти созданные под Гитлером национальные группировки объединились в АБН, в Антикommунистический Блок Народов, который исходил из заранее предрешенного факта суверенности и независимости всех народов, входящих в СССР, и, не возражая против идеи федерации объединяемых народов, однако мыслил эту федерацию... без России (то есть без Великороссии) и... против России. Было ясно как будто, что включение сепаратистов в СОНР никак не может являться задачей российских эмигрантских организаций. Но на деле мы присутствовали — в течение некоторого времени — при попытке, — совершенно очевидно заранее обреченной, — заигрывать с сепаратистами и обойти их с тыла.

Между Фюссеном и Штутгартом прошло около 8 месяцев, и это время было широко использовано всеми политическими группами на предмет выработки своей позиции по национальному вопросу. Началась дискуссия, началось «углубление» вопроса. Шло соревнование между отдельными группами. Не входя в детали, мы здесь можем только констатировать, что Лига заняла крайнюю позицию, провозгласив на завтра после освобождения принцип национального самоопределения вплоть до отделения для всех народов России. Лиге удалось повести за собой СБОНР, который в этом вопросе опирался на «традицию» власовского движения, выдвинувшего

под Гитлером идею превращения России в... Союз народов. Нео-народники заняли промежуточную линию в этом вопросе. Союз борьбы, поддержанный солидаристами, дал этим тенденциям решительный отпор, отстаивая при всех условиях сохранение государственного единства освобожденной России. Штутгартская резолюция по национальному вопросу, не отличаясь ясностью, все же высказывалась против идеи расчленения, — в ней нет во всяком случае сакраментальной формулы: «вплоть до отделения».

Когда в ноябре в Висбадене совещанию пяти русских группировок пришлось встретиться с приглашенными Американским Комитетом представителями шести национальных организаций, — сразу выяснилось, что общего языка нельзя найти. «Националы» в Висбадене исходили из предварительного, прелиминарного положения, что они представляют не часть России, а независимые, суверенные народы, с которыми русские эмигранты должны договариваться на равных основаниях. Они исходили как бы из совершившегося факта: России нет, Россия распалась. Теперь надо решить ее будущую судьбу. Кто хочет, пойдет на Федерацию, а кто — нет, тот обойдется и без русских. Никакой проверки путем плебисцита, как это предлагает Лига, по мнению националов и не надо. Вопрос о расчленении России предрешен.

Когда определилась эта позиция сепаратистов, начался раскол среди 5-ти русских организаций: в то время, как Лига и СБОНР остались верными формуле — «вплоть до отделения», Союз борьбы, солидаристы и народники, объявили их рас-

членителями. Как подробно рассказывает С. Мельгунов, в Висбадене представитель Лиги ультимативно заявил, что он приемлет СОНР только на основе соглашения с «националами», — и без такого соглашения он никакого СОНР'а не приемлет.

После Висбадена произошел разрыв между русскими группами, взявшими на себя инициативу создания русского политического центра. А. Керенский заявил в печати, что он туда больше не ходок, С. Мельгунов зарекся от поездки на «политический балаган». Когда стали искать виновника провала СОНР'а, то стали пальцами указывать на Американский Комитет и его европейского представителя А. Дон-Левина: он, мол, не только сорвал объединение, но он оказал поддержку расчленителям России.

3.

Так это или нет — несколько неясно, но роль Американского Комитета и его представителей оказалась очень значительной во всей повести о том, как и почему провалился СОНР. Началось еще в Фюссене, где произошел конфликт между представителем Американского Комитета (тогда это был Спенсер Вильямс) и одним из делегатов Лиги, Д. Далиным. Представитель Американского Комитета потребовал устранения Далина с конференции, как «американского гражданина». Это требование сопровождалось грубыми и нелепыми угрозами по адресу Далина, вызвавшего возмущение Комитета своей критикой солидаристов. Но дело в конце концов не в давлении со стороны Американского Комитета, дело в другом: в реакции членов Фюссенской конференции. Они мирились

с тем, что иностранная организация, субсидирующая попытки объединения русских эмигрантов, пользуется своим влиянием, чтобы определять состав совещания, определять состав представительства той или другой независимой русской организации. Мы не слышали о том, чтобы в Фюссене русские протестовали против этого недопустимого иностранного вмешательства. Более того, когда Д. Далин по возвращении в Нью-Йорк поставил вопрос перед Лигой и требовал защиты его прав организацией, пославшей его в Фюссен, — Лига, в свою очередь, его не поддержала. Естественно Д. Далин покинул тогда Лигу, которую он несколько лет тому назад помогал создавать.

Эта покорность эмигрантской общественности перед Американским Комитетом имела в дальнейшем самые пагубные последствия. Как засвидетельствовал Р. Абрамович в печати, Лига пошла на совещания с солидаристами по ультимативному требованию Американского Комитета. Когда после Висбадена члены Бюро, выбранного ранее в Штутгарте, пытались продолжать переговоры, выпустить журнал и проч., «хозяин», недовольный их поведением в Висбадене, «расчитал» их, лишил их субсидии и фактически ликвидировал еще трепыхавшиеся остатки СОНР'а. Наконец, Американский Комитет решил совершенно развязаться с политическими группировками эмиграции и задачу создания СОНР'а попытался осуществить в ином плане. К этому времени произошла внутренняя перестройка Американского Комитета: вместо Юджина Лайонса был избран новый председатель — бывший посол в Москве, адмирал А. Кэрк. На другой день после этого американ-

ский Комитет открыто прокламировал акцию так называемых беспартийных для создания СОНР'а...

Четверть века тому назад П. Милюков в книжке «Эмиграция на распутье» (Париж, 1926 г.) между прочим отмечал, что для правых, монархических кругов, «наиболее чуждых политике», — «идея беспартийности или надпартийности была самой естественной идеей». Призыв Американского Комитета, его ставка на «беспартийность», вызвала довольно широкий отклик и в новой эмиграции, политический и общественный опыт которой был, примерно, не выше опыта монархистов из старой эмиграции. «Непартийная масса оттого и требует объединения, что хочет избавиться от труда — выбирать», — писал тогда Милюков. Она тешит себя «чистой иллюзией», будто бы можно создать политический центр эмиграции, — без сговора политиков и политических групп. Так тешат себя и честные беспартийные новейшего призыва.

Что получилось из всей этой затеи? Во всяком случае в течение целого ряда месяцев 1952 года — ровно ничего. Собирались подписи, публиковались декларации, состоящие из общих мест, — наконец, на газету СБОНР'а в Мюнхене была возложена задача стать рупором этой акции беспартийных, — но воз и поныне там. Впечатление такое, что никто из иностранных опекунов движения беспартийных и не знает, что делать дальше и как объединить русскую эмиграцию, как создать для нее политический центр.

Едиственное достижение этой акции, — что в эмиграционную политику было втянуто — сверх власовцев и солидаристов — еще несколь-

ко проблематичных фигур типа «Коллабо»: беспринципные сотрудники Розенберга и редакторы гитлеровских изданий на русском языке осмелели и в качестве «бепартийных» выдвинули свои кандидатуры на водительство русской эмиграцией. Надо надеяться, что наступит момент разоблачения и этих кандидатов в вождей. Тогда, вероятно, скатится в Лету, — в реку забвения — неудавшийся эпизод с мобилизацией беспартийных. И тогда, вероятно, станет общим достоянием то, что для посвященных с самого начала было ясно, что из всей этой беспартийной акции торчат ничьи иные уши, как... солидаристские: эти мастера инфильтрации и проникновения согласны на все случаи: в качестве сторонников государственного единства они делают оппозицию Американскому Комитету, заигрывающему с расчленителями, а в качестве беспартийных они готовы получить всяческую поддержку Американского Комитета и даже просочиться в его поры.

Акция беспартийных никого не обманула. В политической жизни эмиграции после Висбадена наступило затишье, хотя возможно и временное. Люди использовали его для обычного эмигрантского времяпрепровождения: раскол произошел в СБОНР'е, — образовалось течение, которое хочет рвать с Лигой, не хочет сотрудничать с «марксистами». Начавшись в Северо-Американском Отделе СБОНР'а, раскольничья эпидемия перенеслась в Центральное Бюро СБОНР'а, в Мюнхен, и состоявшийся в мае 1952 г. съезд, оставил от руководства долголетних вождей организации. Раскол произошел также и в РНД — у народников, где на почве конфликтов из-за солидари-

стов и «активистов» произошло исключение из Ц. К. одного из создателей РНД, генсека Р. Гуля и — возникновение двух параллельных организаций. Лига борьбы за свободу тоже использовала политические вакации для того, чтобы окончательно уйти в небытие (ни органа у Лиги давно нет, ни собраний она не устраивает, и о деятельности (?) ее ничего не известно), но также и для того, чтобы парализовать несколько эмигрантских организаций, которые в большей или меньшей мере прислонялись к ней и рассчитывали на ее поддержку: это — «Крестьянская Россия», не проявляющая признаков жизни, это Общество политкаторжан, угасающее после расколов в глухой тиши, это, наконец, комитет украинских федералистов, куда проникла баццла раскола, это — и стоящий под угрозой деморализации наш клуб меньшевиков, большинство членов которого поставило на эту лошадь. Все эти организации, в свою очередь, поддерживают Лигу так, как Лига поддерживает их, — то есть выражаясь точнее, — как веревка поддерживает тело повешенного.

Пост скриптум. Когда эта статья была набрана, к трем географическим пунктам, в которых эмигрантские объединители столь неудачно пытались создать СОНР, прибавились новые: Франкфурт на Майне (7 июня) и Штарнберг возле Мюнхена (21 июня), где состоялись совещания 4-х российских политических групп и 6-ти «националов», знакомых нам по Висбадену. Правда, и на этих совещаниях создание СОНР'а не было достигнуто. Дело это трудное, затяжное и сопряженное, как мы видели,

не столько с объединением эмиграции, сколько с отколами.

На сей раз, как можно судить по официозному оповещению, в задачу совещания входило создание не только политического центра, но также и технического органа по управлению новой радио-станцией антикоммунистической пропаганды, сооруженной Американским Комитетом Повидимому, эту техническую задачу 10 эмигрантским группировкам удалось благополучно, на время во всяком случае, разрешить, — хотя на каких началах, неизвестно. Будет ли выработан при выступлениях по радио компромисс, нейтрализующий расхождение между «сепаратистами» и «единонеделимцами», или всем будет предоставлена свобода вещать «от имени российской эмиграции» по принципу: кто во что горазд, — посмотрим...

Был однако на Штарнбергском совещании один момент, не лишенный серьезного политического значения, который нам хочется приветствовать: ни в совещание, ни в технический орган не вошли солидаристы. Это хорошо! Хорошо также, что мотивы неучастия солидаристов как бы увязаны с выдвинутыми в печати в течение последних лет обвинениями солидаристов в профашистских и антисемитских тенденциях. Это — мотивы серьезные, и если они послужили причиной недопущения солидаристов в Штарнберг, то, пожалуй, теперь приходит черед для недопущения в коалицию и других: власовцев, напр. Давно уже этот вопрос стучится в двери совещаний эмигрантских объединителей.

Еще неясно однако, правильно ли

общественное мнение информировано в случае с солидаристами. Неизвестно, какова позиция, занятая парижским Союзом Борьбы (С. Мельгунова), находящегося с декабря 1950 г. в политическом блоке с солидаристами. Неизвестно также, что думают об этом предмете в РНД (А. Керенского), порвавшем с нью-йоркской Лигой именно потому, что в Лиге в последнее время как будто окрепли настроения в пользу разрыва с солидаристами, как с партнерами по СОНР'у.

К тому же циркулирует и неофициальная версия совсем иного характера, по которой будто бы солидаристов не «ушли», а они сами уклонились от участия в Штарнбергском союзе. Вопрос с политической

стороны будто бы не имел для них значения, потому что никакого СОНР'а пока не создано, и неясно еще, будет ли он создан вообще. Что касается участия в техническом комитете по новой радио-станции Американского Комитета, то солидаристы в этом деле мало заинтересованы, ибо уже свыше года они располагают собственной радио-станцией, получающей средства, вероятно, тоже из американских источников. К чему же им своим участием поддерживать «конкурирующее» предприятие?..

Пока отсутствует исчерпывающая информация о новейших событиях на кухне эмигрантских объединений и расколов, пожалуй, будет благоразумно воздержаться от слишком далеких идущих выводов.

О КНИГЕ Б. ДВИНОВА

(Отклики)

«Написано очень правильно, и я сказал бы, что слишком мягко. Власовцы видели на каждом шагу, какую роль они играют. Идеиные власовцы были под всевозможными причинами от работы отстранены (это в лучшем случае). Я знаю много фактов, когда власовские пропагандисты убирались только потому, что они проводили русскую линию. Я слышал, что Бюро Лиги отмежевалось и осудило Вашу книгу. Это меня просто возмутило. Не знаю, насколько это верно, но если это нужно, то я помогу Вам, опираясь на факты доказать, что Вы с Вашим

мнением о Власовском движении правы. Не обращайтесь к эмигрантским дразни, будьте правдивы и прямы, правда все равно возьмет верх».

В. В.

Германия, 28.11.1950 г.

От редакции.

Автор этого письма власовский офицер, прошедший курс в Дабендорфской школе пропагандистов, который был арестован, как только он попробовал вести русскую, а не прусскую, пропаганду. Он добился потом свидания с ген. Власовым и, как он пишет, «от Власова я вышел уже не власовцем».

ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО...

I. «ОБЪЕДИНЯЮТСЯ»

Так и осталось невыясненным: кто первый сказал «Э» — Добчинский или Бобчинский?

Вряд ли историку удастся докопаться и до того, кто из российских демократических Добчинских первым произнес роковое слово: «объединение».

Известно лишь, что первой начала объединяться Лига Борьбы с власовским СБОНРом. Оставляя в стороне донсторический период, не нашедший пока отражения в печати и придерживаясь строго проверенных «исторических» документов, можно установить, что после длительной подготовки «Объединение» началось с «дела» члена Совета Лиги Б. Двинова, выпустившего книгу «Власовское движение в свете документов». В этой книге Двинов открыл «секрет», что Власов сотрудничал не с демократией, а с Гитлером и Гимлером. Лига признала, что это есть «удар по объединенной демократии», вынесла Двинову публичное осуждение и отлучила от своей церкви. «Власовское движение» оказалось в числе «объединенной демократии».

Но вскоре обнаружилось, что в «объединенную демократию» следует включить не только нынешних «наследников Власова», но и его прошлых идеологов-солидаристов. И тогда обнаружен был еще один опасный «уклон»: член Совета Лиги Д. Далин раскрыл другой «секрет», что солидаристы — фашисты. Праведники

и монополисты «объединенной демократии» из Лиги вынесли вторую булду осуждения, и Далин тоже оказался за пределами ее.

Освободившись от этого балласта, корабль Лиги под флагом «Объединение» гордо устремился вперед в гавань «СОНР», но на ходу, в порыве объединительного экстаза, раскололся пополам, и получились: «просто Лига» и «Лига приятная во всех отношениях» во главе с самим Керенским.

Как в кадрили пары «расходятся, чтобы сходиться», так и здесь: вчера «разошедшиеся» лиговцы в лице Керенского и Зензинова сегодня полетели в Германию, чтобы там вновь... объединиться. В Германии, как известно, воздух издавна «объединительный» и «освободительный», а потому там — в Штутгарте — и состоялось объединение «пяти демократических организаций», при чем солидаристы принесли в приданное 30.000 курьеров, 10 миллионов распространённых прокламаций и одного «вождя» — Байдалакова, отдающего по радио от лица «Революционного штаба» приказы советским генералам. Другие принесли свои именные — и только.

Объединились, расписались и разъехались. Штандарт скачет, музыка играет...

«Небывалые перспективы» появились в воображении вождей «пяти демократических организаций». Как некогда Чичиков, они мечтательно повторяли: «Реки, реки потекут... и

в сладостном упоении поехали в Висбаден, чтобы там «еще пуще» объединиться. Но тут объединительный азарт дошел до того, что — как говорили римляне — получилась «война всех против всех» и каждый «вышел» из остальных, а основоположник российского нео-народничества Роман Гуль даже «вышел из самого себя»: «Я тебя породил — я тебя и убью», сказал не то Гуль, не то Бублиба...

На этом пока что объединение было закончено, и председатель Американского Комитета — он же «отец и благодетель» — констатировал в печати, что Сталину нанесен жестокий удар. На подготовку его ушло полтора года и энное количество долларов.

Дело не кончено, «небывалые перспективы» продолжают, на банкетах встречается уже «вся российская эмиграция» и, по всем видимостям, музыканты готовятся пересечь в другом порядке. Кто то вновь скажет «Э», и сказка начнется сначала. «Объединяются»!..

2. БУБЛИКИ

Всем известно, как делается бублик: берется дырка и обкладывается тестом. Опыт показал: чем меньше теста — тем больше дырка. Изобретение сие — российское, но не патентовано.

Обыкновенный бублик, однако, как бы он ни был испечен, не обладает свойством размножения: на него завет — плодитесь и размножайтесь — не распространен. Не то в политике: тут наш русский бублик показал «высшие показатели» размножения.

Вряд ли мы проявим большую

нескромность, если раскроем всем известный секрет, что охват Лиги Борьбы за Народную Свободу во времена ее высшего расцвета не превышал 25 человек. Печати она не имеет уже давно и, вообще, «молчит на всех языках». О существовании ее мир узнает по уходам, отколам и расколам. Словом, по всем своим «показателям» — политический бублик и только. Но бублик с большой дыркой и множеством вождей. Посему он в некий день и начал размножаться: сперва удвоился, а затем и утроился. Процесс незакончен. Это — у «старой» эмиграции.

Что же касается «новой», то здесь сперва был «монолит» власовцев в лице АЦОНДР, откуда и пошло многочисленное потомство: САФ, КОВ, СБОНР, СВОД и иные неудобоваримые. Бубликов оказалось столько, что скоро алфавита не хватит.

Дальше — больше. Жил был на свете бублик махонький и тощий и хоть шумел изрядно и марку наклеил себе весьма звучную — «Российское Народно-Державное Движение», но никого не прельщал. Тогда он догадался, что он не хуже других, и в один день один Арцюк начал так размножаться как это млекопитающим не свойственно, а разве насекомым: арцюковский бублик сразу оказался сам-семнадцать... Догоняй, кто может!..

Но на то Белосельский князь, да еще при своем капитале, чтобы переплюнуть всех этих смердов. Посему, в день 12 апреля сего года, на глазах у всего народа, Рацовский бублик при помощи собранных 90 делегатов сразу образовал 103 бубликовых потомства, чтобы тут же объединить их в агромаднейший бублик, обложенный доброхотными

даниями князя и супруги и нареченный «национальномыслящим».

За кем очередь? А еще российская эмиграция жалуется, что ей плохо живется. Где еще найти пример такой веселой живучести и столь быстрого размножения?

Не унывайте, господа, не унывайте: американский карман широк, народ здесь тароватый, а наивности у него непочатый край. Посему, стучите и авось отверзется, ищите и авось обрящете. А пока что — по советской песенке: купите бублички, горячи бублички, гоните рублички вы поскорей...

3. ГОСПОДА СНОХАЧИ

Старая русская деревня знала малопочтенный институт «снохачей»: угоняли сына в солдаты на долгие годы и оставалась «без призору» молодая солдатка. Дабы она не «баловалась» и не было бы греха, свекор заменял ей, на время солдатчины, мужа. Послушание свекру было обязательно, не то арапником «прочит». Такие мужики назывались «снохачами».

Деревня знала в лицо всех своих снохачей, неодобрительно косилась на них и в дни запрестольных праздников, когда крестный ход шел по деревне, староста урезонивал их, приговаривая: «господа снохачи, честву просят, уйдите отседова, не срамите лика святого... И снохачи уходили. Совесь была...

В осевшей после войны в Германии российской эмиграции политических «снохачей» избыток. Чтобы разобраться, например, в пахучей карьере редактора штрейхеровской газеты «Посл. Новости» или его помощника по литературным делам в Киеве, надо надеть калоши и

резиновые перчатки. Нет охоты этим заниматься — пусть живут со своим пахучим прошлым и занимаются своими житейскими делами. Но пусть — ради Бога — не поучают нас демократическим принципам и не призывают нас к «объединению демократии». Пусть вообще оставят политику и демократов в покое.

Как будто с нас достаточно было бы и одного такого «снохача» — господина «Коллабо». Неужели придется вскрывать все псевдонимы всех этих новоявленных «вождей», «идеологов», «объединителей» и «освободителей» горемычной российской демократии?

Недавно Иван Солоневич писал в «Нашей Стране» (а ему и книги в руки), что среди взывающих к «объединению» беспартийных имеются бывшие сотрудники Розенберга и что один из них даже «ближайший сотрудник Нового Русского Слова». К сожалению, он скрыл псевдоним, под которым этот «снохач» пролез в демократическую печать. После этого, тот же Солоневич назвал имя проф. Лагодина, который под своим настоящим именем работал у Розенберга. «Проф. Лагодин» не согласен отойти в сторону и «не срамить лика» российской демократии. Он проявляет огромную деятельность, ничуть не меньшую, чем при Розенберге: пишет, учит, проповедует, объединяет, освобождает...

Придется ли вскрывать псевдоним «проф. Лагодина»?

Намерена-ли «объединенная демократия» заняться санитарной работой по очистке своих авгиевых конюшен от проникших в нее разных Коллабо, Лагодиных, всевозможных борзопицев из «Нового Слова» Деспотули,

«Парижского Вестника» Жеребкова и тому подобных пахучих изданий Гитлера-Гимлера-Розенберга, или этим господам будет позволено под «высоким покровительством» и дальше «объединять и освобождать», и вообще «руководить» российской де-

мократней, чтобы затем предстать сперва перед лицом Западной демократии, а потом и перед лицом народов России? Придется ли брать каждого в отдельности и выводить за ушко да на солнышко?

Господа снохачи, честью просят...

ОВОД

В ДВУХ СЛОВАХ

1.

Вездесущий власовский Канитферштан — К. Кромиади письмо, разосланное в свое время всей эмигрантской русской печати (См. «НРС» № от 6.4.50 г.) кончает так: «Что касается второй половины статьи Б. Д., где автор... делает свои заключения и приходит в недоумение от роли, как самого ген. Власова, так и всего его движения, то на нее мне придется ответить отдельной статьей».

С тех пор прошло более двух лет, но г. Кромиади так и не собрался ответить. Отсюда мораль: прежде чем обещать что-нибудь сказать, нужно хорошо подумать о том, есть ли что сказать.

2.

О том же письме Кромиади. Американский журналист Воллэс Кэрролл писал в магазине «Ляйф», что Власов дал согласие отказаться от Украины и Кавказа, остальную же часть СССР согласился поставить в поло-

жение не то доминиона, не то протектората при Рейхе.

Полк. Кромиади в своем письме «категорически заявил», что ген. Власов «таких обещаний никому не давал». Столь же категорически заявляем, что утверждение Кэрролла вполне обосновано: у ген. Власова натура была широкая...

Отсюда следует, что не только в обещаниях, но и в опровержениях следует соблюдать осторожность.

3.

В газете «Русская Мысль» от 14 марта 1952 г. напечатано:

«Воскресенье, 2 марта (прошное воскресенье) в Брюсселе было отмечено траурным собранием, благотворительным вечером, балетом и угощением блинами стариков.

Траурное собрание, посвященное выдаче в Платинге, Лиенце и других местах чинов РОА, было устроено от имени следующих организаций: САФ, СВОД, СБОНР, КОВ, РНД, ЛИГИ Борьбы за Народную Свободу

и Казачьей Станицы. Зал, где состоялось собрание, был декорирован национальными русскими флагами и флагом РОА, а на фоне бело-синекрасных цветов выделялся большой портрет ген. Власова. К сожалению, на собрание пришло всего человек 25 власовцев и столько же эмигрантов первой эвакуации».

Поздравляем вождя Лиги с приобщением к столь широкому «фронту российской общественности». Это тем более для них важно, что, как видно из отчета, Лига ни одного человека за собой там не имела, несмотря на блины.

4.

На приеме у председателя Американского Комитета Освобождения Народов России присутствовал еще более «широкий фронт»: от Р. Абрамовича до митрополита Анастасия. Напоминаем: митр. Анастасий писал «Высокочтимому господину Рейхсканцлеру» (Гитлеру): «моления о Вас будут возноситься во всех православных церквях», «лучшие люди, желающие мира и справедливости, видят в Вас вождя в мировой борьбе за мир и правду». «Мы знаем из достоверных источников, что верующий русский народ... постоянно возносит к Богу молитвы о том, чтобы он сохранил Вас, руководил Вами и даровал Вам Свою вселенную мощь».

Гитлер не ответил митрополиту, а молитва, как будто, не помогла. Не полагает-ли Американский Комитет и организуемый им СОНР тоже прибегнуть к благословию любвеобильного иерарха и испытанного друга русского народа?

5.

В центральном органе солидаристов «Посев» от 25 мая 1952 года напечатан текст листовки, обращенной НТС к советской оккупационной армии 1-го мая с. г. В этой листовке читаем: «Товарищи! Друзья!..» **«Наши боевые товарищи, инвалиды Отечественной войны»... «Вечная память героям, павшим в борьбе за независимость и свободу России»...**

Господа солидаристы как то позабыли, что, находясь в рядах гитлеровской армии, они помогли приумножить и число «павших в борьбе» и «инвалидов Отечественной войны». Воистину бумага все терпит. А еще газета «Посев» своим лозунгом выбрала слова: **«Не в силе Бог, а в правде»**. Вот именно...

6.

Из того же «Посева» (№ 22 от 1 июля 1952 г.):

«Мне точно известно, что НТС с самого своего зарождения по сей день всегда отказывался от всякой деятельности по саботажу и шпионажу и всегда резко осуждал единоличный террор против отдельных представителей советской власти кем бы они ни были совершены».

Головоломка:

Когда же «зародился» такой НТС?

7.

Еще головоломка: — Сколько раз попытки «объединения» эмиграции должны провалиться, чтобы провал был объявлен удачей и объединение — состоявшимся?

ИЗ ЖИЗНИ РСДРП

Б. ДВИНОВ

НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ

Спор меньшевизма с большевизмом не был спором о конечной цели или о философии пролетарского социализма. Раскол с Лениным и его учениками был результатом прежде всего разногласий о методах борьбы, о тактике.

Меньшевизм, отстаивающий идеи демократического социализма, не отделял средств от целей. Он знал, что в процессе борьбы выковываются ценности, во имя которых идет борьба. Для меньшевизма вопрос о средствах был нераздельной частью всей нашей борьбы, не был изолирован от нашей конечной цели, как это представлялось большевизму. Храм социализма, храм свободного человечества будет, конечно, чист и лучезарен, но построен он может быть, а то и должен быть, на грязи и крови, на лжи и лицемерии, — так думали большевики. Во имя конечной цели допустимы любые компромиссы, любая неразборчивость в средствах, — до получения немецких денег включительно, или до расстрелов в порядке массового террора. Они, эти строители будущего, — «непогрешимы». Они вправе штыком облегчить «акушерке истории» роды нового социального порядка. Это был путь большевизма.

Мы, меньшевики, этот путь отвергали. Мы отрицали право «профессиональных революционеров» насильно «вгонять в рай» бессознательную массу и мы не верили в этот рай, построенный кроваво-грязными руками.

За 34 года большевистского владычества история подвела нашему спору неоспоримый итог: большевистская диктатура удержалась у власти, но только ценою отказа от своих идей, ценою явного идейного банкротства. Как библейские семь тощих коров проглотили семь тучных, так беспринципная и безыдейная тактика большевизма проглотила великую цель — построение свободного общества. И сейчас, после трети века жестокой борьбы и неограниченного владычества не то над 1/6, не то над 1/4 частью земного шара, большевизм являет миру картину идейной выпотрошенности, картину перерождения в тоталитарную деспотию.

Возвращаясь памятью к годам великих потрясений — 1917-20, — вспоминаю споры в меньшевистской среде с теми, кто требовал тогда от меньшевизма соглашения с большевизмом. Это требование обосновывалось тремя положениями:

1) У меньшевиков и у большевиков общая конечная цель. Мы все боремся за торжество социализма. Это решает вопрос, ибо тактические расхождения переходящи, тактика меняется в зависимости от условий.

2) Нельзя оставаться в стороне от большой исторической дороги, нельзя пребывать в изоляции, когда речь идет о борьбе за столь высокие общие цели.

3) Если мы будем «внутри», то мы сможем повлиять на ход развития, на направление, в котором будут приняты исторические решения. Во вне мы останемся «бесплодными весталками», а влияние будет принадлежать другим.

В этих положениях был соблазн, и много малых сих они за собой увели в стан лжующих.

Однако, меньшевизм в целом, выпестованный и закаленный в борьбе с большевизмом за прошедшие с раскола 15 лет, понял, что в известные исторические моменты самой важной, хотя бы и самой трудной, задачей является сохранение верности основным идеологическим принципам, если даже это почти неизбежно связано с изоляцией в данный момент. Более того, меньшевизм понял, что самая эта изоляция явится непрременным условием самосохранения. Меньшевизму, при его тогдашнем руководстве, это было совершенно ясно, и он не поддавался соблазну принять участие в «великом эксперименте», примкнуть к «Октябрю». Всими своими силами безостановочно и беспощадно он боролся, критиковал и отвергал теорию «ленинизма», и практику «сталлинизма».

Меньшевизм был организационно

разбит, никакой реальной политической силы он собою сейчас не представляет. Но идейно он оказался прав. Он сохранил свою идеологию, и тем самым сохранил себя для будущего, для грядущей свободной России.

В то же время меньшевизм не поддавался и другому соблазну: во имя великой исторической цели — освобождения России от гнета и террора Кремля он отказался пойти на другое соглашение, на другую политическую коалицию — с антибольшевиками. Мы не приняли этой тактики в первые годы революции в России, когда страна пылала в пожаре гражданской войны, и отвергли ее в эмиграции, отказавшись от участия во всяких общеэмигрантских «акциях», направленных к «общей цели», — свержению большевизма, возглавляемых к тому же большей частью монархистами. Мы все эти три десятилетия нашего изгнания и на чужбине оставались в той же «изоляции».

И здесь можно подвести итоги. Если наша «изоляция» от «Октября» и от «строительства социализма в одной стране» сохранила меньшевизму его идейную, идеологическую сущность, то та же изоляция от всевозможных «объединительных» и «освободительных» комбинаций помогла нам в эмиграции дольше всех других групп сохранить свою спайку, свою организацию, свою способность к действию.

Конечно, меньшевизм не избег влияния столь затянувшейся эмиграции: дыхание распада коснулось и его, и коснулось жестоко. Но со всем тем непреложным фактом является, что именно меньшевики, одни из всей российской демократической эмигра-

ции, сохранились за эти долгие годы, как идеологически-сплоченная и организационно-дееспособная группа. Сохранились после того, как другие группы, охваченные болезнью изоляции и жадной «объединения всех живых сил», давно уже перестали существовать и на общественной арене себя проявлять. Организационный оппортунизм жестоко отомстил им за проявленную слабость. Погоня за миражем «блоков» и «коалиций» привела их к разложению.

В свете этого опыта мы подходим и к тем спорам о тактике, которые захватили наши партийные круги в последние годы и итоги которым, итоги печальные, можно уже сейчас подвести...

Предварительно однако необходимо отметить, что на всех крупных исторических поворотах России последнего десятилетия наша партия оказывалась едина и принципиально выдержана. По отношению к Гитлеро-Сталинскому пакту, к нападению Кремля на Финляндию как и на Польшу, к нападению Гитлера на Россию, — во все эти критические, трагические моменты наш партийный центр в лице Заграничной Делегации оказывался совершенно единодушным.

Мы были единодушны в оценке предательского пакта 23 августа 1939 года и связанного с ним раздела Польши, мы единогласно заняли пораженческие позиции во время Совето-Финской войны, призывая Красную армию не сражаться против финнов, а повернуть штыки против Кремля. И та же ЗД столь единодушно встала на **оборонческие** позиции во время гитлеровского похода на Россию, заявив, что РСДРП «ста-

новится на почву защиты нашей страны от гитлеровского нападения, подчиняя борьбу за ликвидацию сталинской деспотии верховным интересам войны против мирового фашизма».

Эта резолюция, принятая ЗД 23 июня 1941 г., определяла позицию партии во все время войны. Предложения о пересмотре ее никогда не поступало, как не было и до сих пор в нашей среде заявления о пересмотре этой резолюции или об ее ошибочности. Из этой резолюции само собой вытекало осуждение другой тактики. Когда до эмиграции дошли сведения об образовании добровольческих русских отрядов, сражавшихся в рядах Вермахта против Красной Армии, то это показалось столь чудовищным даже с точки зрения элементарного патриотизма, что не потребовалось ни обсуждения, ни специального осуждения. И это несмотря на то, что по тем же сведениям речь шла о массовом поражении и о сдаче в плен без боя целых войсковых соединений Красной Армии (что впоследствии оказалось неверным).

В развернувшейся народной войне против Гитлера, задача народов России не вызвала ни малейшего сомнения, и когда до нас докатилась пораженческая проповедь с ориентацией на «освободителя-Фюрера», то «Соц. Вестник» писал об этой ориентации, как о «холодном душе», который «должен убедить всех, в ком, независимо от политических убеждений, сохранилась хотя бы капля патриотизма, что в русской эмиграции и для злейших врагов большевизма нет сейчас другой политики, как борьба за Россию против Германии» (№ 17/18, 1941 г.).

Это положение бесспорно выражает тогда настроение всех демократических (а частью даже и недемократических) кругов российской политической эмиграции.

Отшумела война. Как после гигантского шторма в океане, на послевоенной отмели Германии остались сотни тысяч выброшенных бурей войны новых эмигрантов — будущих Ди-Пи.

Для российской политической эмиграции, бывшей долгие годы отрезанной от родины и жадно искавшей встречных вестей с «той стороны», эта масса новой эмиграции казалась неисчерпаемым источником новых сил. В эмигрантской пустыне волшебными узорами засверкали миражи, к которым с неудержимой силой потянулась вся старая эмиграция. Ее охватило лихорадочное оживление, и психологически это было вполне понятно.

Естественно, поэтому, что вопрос об отношении к массе «новой» эмиграции был поставлен на обсуждение и в Заграничной Делегации нашей партии. Обмен мнений несмотря на расхождения в настроениях, закончился **единогласно** принятой резолюцией. Ни одного однако голоса не было в защиту «власовского движения». Спор шел о том, насколько необходимо, предпринимая попытку объединения российской демократической эмиграции, уже сейчас определить и зафиксировать свое отношение (разумеется, отрицательное) к «власовскому движению» или можно обойтись и без этого. Было постановлено:

«1. Взять на себя инициативу по созданию центра демократической эмиграции;

2. Поручить осуществление этой задачи Р. Абрамовичу, Д. Далину и Б. Николаевскому;

3. Вступить в переговоры с кругом лиц, группирующихся вокруг «Нового Журнала» и партии С-Р.» (Резолюция от 13.1.48 года).

Как видно, эта резолюция ограничивала инициативу только элементами «старой» эмиграции. Сложный вопрос о «новой» должен был встать позже. Однако, дальнейшее развитие пошло иным путем, и это привело к роковым последствиям. Началось с того, что одновременно с предпринятой инициативой член ЗД Б. Николаевский начал за свой страх и свою ответственность широкую кампанию за реабилитацию «власовского движения» и за признание его «антибольшевистским движением на базе демократической программы».

В этом именно смысле им были напечатаны две статьи в «Соц. Вестнике» (№№ 1 и 2 за 1948 г.) и две обширные, незаконченные по сих пор, статьи в «Новом Журнале» (книги 18 и 19). Хотя и он писал о «порочности» самого «движения», но общая его трактовка «власовского движения» находилась в полном противоречии к позиции большинства членов ЗД. С ответными ему критическими статьями выступил другой член ЗД — Г. Аронсон, напоминавший, «что надо знать о власовском движении», т. е. о фашистских и антисемитских его чертах («СВ» № 3, 48 г. и «НЖ» кн. 21)

В то же самое время выступил со статьей о «власовцах» и автор этих строк («Новое Русское Слово» 29.4.48). Ссылаясь на печатые возрожденных уже после войны власовских организаций, показывавшую наличие в

этом движении и **сейчас** фашистов и антисемитов, статья полагала, что «не меняя нашего прежнего сурового политического осуждения власовской акции, демократия должна привлечь к себе лучшие элементы этого движения». Вопрос о «власовцах» стал таким образом в центре наших споров.

Развитие этой полемики привело вскоре к такому обострению внутри ЗД, что 24 мая 1948 года три члена ЗД: Далин, Ленике и Николаевский сделали заявление о своем выходе из состава ЗД и о прекращении своего сотрудничества в «СВ». Первый послевоенный кризис кончился расколом Заграничной Делегации нашей партии.

Это событие отразилось самым роковым образом не только на дальнейшей деятельности нашей партийной организации, но и на судьбе того центра российской демократической эмиграции, о котором трактовала резолюция ЗД.

Оказавшись вне пределов ЗД и вне контроля коллектива, трое ушедших товарищей не чтили себя связанными ими же одобренной резолюцией ЗД и сами приступили к организации будущего центра на совершенно других основах, привлекая людей по собственному выбору и не очень заботясь о политической устойчивости тех «новых», которые ими были привлечены к организации центра.

В результате, из инициативной группы по созданию центра ушел ряд старых демократов, не согласившихся на включение в центр власовцев, как бывших соратников Гитлера. Будущая организация — Лига Борьбы за народную свободу — сразу дала крен направо, и это привело к тяжелым последствиям.

Лига Борьбы была формально организована на открытом митинге 13 марта 1949 года. К этому времени кризис в ЗД успел сделать еще один шаг: на заседании 14 февраля 1949 года ЗД приняла проект тезисов «об отношении к так называемому «власовскому движению», впоследствии напечатанный в «СВ» (№ 10 октябрь 1950 г.). Проект этот, который являлся компромиссом и имел целью добиться возвращения в состав ЗД ушедших трех «диссидентов» (переговоры об этом велись при посредстве И. Г. Церетели едва ли не полгода и закончились провалом), признавал, что «все планы (власовцев) были построены на внутренне-порочной основе, ибо власовцы находились «в полной материальной зависимости от Гитлера, подчиненные контролю его полицейского и партийного аппарата» и еще раз подтверждал, что «как бы отрицательно ни было наше отношение к большевистской диктатуре, в войне 1939-45 годов все демократы обязаны были быть в антигитлеровском лагере».

Но вместе с тем заключительный параграф «проекта» говорил о том, что «с теми из них, которые не запятнали себя в прошлом участием в гитлеровской пропаганде или насилиях и которые искренне стремятся к демократии, демократическая эмиграция должна будет установить сотрудничество».

Эти оговорки, конечно, весьма суживали тот круг бывших «власовцев», с которыми допускалось «сотрудничество». «Проект» никогда не стал документом, принятым ЗД, так как основная его цель — восстановление партийного единства в ЗД — не была достигнута. В ЗД против него голосовали Г. Аронсон и Б. Сапир.

Г. Аронсон противопоставил проекту свою формулировку отношения к власовцам («С.В.» янв. 1951). Осенью 1949 г. он опубликовал книжку «Правда о власовцах», в которой решительно высказался против всякого сотрудничества с ними. Б. Сапир не ограничился отрицательным вотумом в ЗД, а — согласно протоколу — заявил, что «в создавшихся условиях он не сможет бывать на заседаниях ЗД». Все это было дальнейшим обострением внутрипартийного кризиса.

Как сказано, 13 марта 1949 года был прокламирован созданный, наконец, Центр в лице Лиги. Но еще до этого, 18 января, в этой неродившейся еще Лиге уже наметился серьезный кризис и, говоря словами Р. Абрамовича в его «тезисах доклада» от 7 января 1950 года: «только угрозой немедленного ухода из Лиги добились мы отсрочки принятого Советом (Лиги) 18-го января (1949) решения немедленно принять предложение об организационном блоке и образовании общего «Демократического Центра» со СБОНР, который в этот момент еще даже не принял республиканско-демократической платформы и продолжал еще входить в АЦОДЦ², руководимый монархистами и абантюристами всякого рода».

И дальше из тех же «тезисов» Р. Абрамовича: «начиная с января (1949 г.)... в порядок дня Лиги был поставлен, и с тех пор не сходит с него, вопрос об организационном объединении с СБОНР». Соответственно этому, с тех пор был поставлен и не сходил с повестки дня ЗД и вопрос о Лиге. Почти на каждом заседании ставился вопрос об уходе из Лиги наших представителей там (Р. Абрамовича и Б. Двинова), неиз-

бежность чего понемногу становилась общим достоянием ЗД.

Приведем несколько выдержек из протоколов заседаний Заграничной Делегации.

На заседании 11 мая 1949 года «С. Шварц, Г. Аронсон и Б. Двинов высказываются за то, что продолжение нашего участия в Лиге при ее нынешней политической и тактической линии невозможно и высказывают предположение, что нам придется уйти из Лиги». «Абрамович считает необходимым собрать совещание более активных и решающих лиц Лиги и выяснить с ними возможность сговора».

Из сделанной попытки ничего не вышло, а Лига продолжала тяготеть к сближению с власовцами из СБОНР.

На заседании 18 июня Двинов «сообщает о своем желании уйти из Лиги, считая политику и тактику Лиги неприемлемыми. Р. Абрамович, И. Церетели и С. Шварц считают выход из Лиги сейчас невозможным и настаивают на том, чтобы Б. Двинов оставался пока в Лиге, ожидая дальнейшего развития». Принято решение «о необходимости настаивать на расширении состава Совета рядом приехавших наших людей и на реорганизации Бюллетеня Лиги».

На заседании от 13 июля 1949 г. Б. Двинов утверждает, что «Лига убита политической и тактикой нынешнего руководства». В заседании же ЗД от 6 сентября 1949 г. была принята предложенная Р. Абрамовичем резолюция: «ЗД считает неприемлемым проект блока Лиги со СБОНР» и т. д., а спустя месяц — 3 октября 49 г. «Р. А. сообщает о решении, принятом Советом Лиги вступить в блок со СБОНРом, против чего мы возра-

жали»... «В силу принятого решения Р. А. и Б. Д. предполагали заявить о своем выходе из Лиги, в соответствии с решением ЗД». Однако... большинство Совета, под угрозой ухода меньшевиков, постановило «вынесение решения по вопросу о взаимоотношениях Лиги со СБОНРом отложить» и потому «ЗД не считает нужным выносить сейчас новое решение».

Была сделана попытка разрешения кризиса путем образования социалистической фракции Лиги из входивших в ее состав с-д. и с-р. под председательством невходившего в Лигу И. Г. Церетели. Это была явная попытка майоризировать Далина, Денике и Николаевского, которые в сущности и были «политическим мотором» Лиги, тянувшим ее в сторону влассовцев. Здесь, на заседании 16-го сентября 49 года, Р. А., выступая от имени всех нас, категорически заявил, что для нас политический блок со СБОНР неприемлем, что последний политически — это «приготовительный класс» и что «это не наши партнеры». Вместе с тем Р. А. констатировал, что «Лига фактически стала провласовской организацией, каким то неоформленным филиалом влассовского движения. Это для нас неприемлемо... Лучше мы тогда выйдем из Лиги... Оставаться в нынешних условиях в Лиге — значит рисковать единством нашей организации, а на это мы не пойдем».

Социалистическая фракция однако оказалась недееспособной и не могла разрубить этот все туже стягивавший и душивший нас узел.

Тогда вопрос об отношении к Лиге был перенесен на общее собрание членов Нью-Йоркской Группы РСДРП. Это собрание состоялось 7

января 1950 года, были заслушаны доклады — Р. Абрамовича и Б. Николаевского — и подавляющим большинством голосов была принята резолюция, являвшаяся заключительной частью представленных Р. Абрамовичем «тезисов». В этой резолюции говорилось, что

«дальнейшая работа представителей РСДРП в Лиге возможна и целесообразна только при условии соблюдения Лигой, как таковой, политики «нейтралитета» по отношению к так называемому влассовскому движению и при установлении организационных гарантий, что Лига... не внесет каких-либо изменений в эту политику»...

Эту резолюцию постигла та же участь, что и все предыдущие решения: даже попытки ее осуществления не было сделано. Это был паралич воли, неспособность превратить в действия свои собственные слова. А это только демонстрировало нашу слабость нашим «контрагентам» в Лиге, легко убедившимся в том, что эти угрозы и резолюции не идут дальше слов.

Результат был тот, что, спустя год, не только не стоял вопрос об уходе из Лиги в случае ее блока со СБОНР, но в январе 1951 года Лига, с одобрения Р. А. и С. Ш., строила в Фюссене блок не только со СБОНРом, но и с явно фашистским НТС, что привело к окончательному распаду ЗД и к параличу деятельности партии.

30-го марта 1950 года Далин, Денике и Николаевский заявили о своем выходе из социалистической фракции Лиги, которая тем самым и распалась, а в ЗД продолжалось прежнее действие с той же монотонностью:

Заседание 25-го апреля 1950 года. «Б. Двинов предлагает... представителям РСДРП выйти из Лиги». Р. Абрамович возражает: «хотя условия резолюции и нарушены», но... «если мы уйдем, то Лига будет взорвана»... К тому же, «мы не можем уйти из Лиги, не обсудив предварительно вопроса на общем собрании Н. И. Группы партии».

Заседание 17-го мая 1950 г. «Б. Двинов полагает, что настало время сделать выводы», т. е. уйти из Лиги. Голоса разделились поровну. Вопрос остался нерешенным. (Б. Двинов перестал посещать заседания Лиги).

Из протокола заседания ЗД от **28-го июля 1950 года:**

«Р. А. сообщает, что от Б. Н. получено сообщение из Германии, что он предполагает организовать в Германии конференцию с участием представителей Лиги, СБОНР, СВОД и солидаристов. Р. А. категорически протестовал в Лиге против привлечения солидаристов к этой конференции, но большинство Лиги провалило внесенную негативную резолюцию и постановило запросить Б. Н. о подробностях... Б. Д. ставит вопрос о нашем поведении в случае, если конференция состоится. Обсуждение отложено».

Как мы видим, здесь уже изменена и сама постановка вопроса: уже со стороны Р. А. нет протеста против конференции Лиги со СБОНР и СВОД (последняя-непредрешенческая владовская военная организация), но впервые появляется новый вопрос о НТС (солидаристах).

Лига, и вместе с нею и представители в ней РСДРП, сделала следующий шаг вправо. И здесь началось

повторение пройденного: теоретический протест и практическое толерирование.

В «Социалистическом Вестнике» не раз появлялись статьи, разоблачающие фашистскую и авантюристскую сущность НТС (солидаристов). Казалось, не было сомнений в том, что Р. А. и С. Ш. считают какую-либо кооперацию с этой организацией невозможной. О невозможности какого-либо сотрудничества с нею не только по политическим, но и по моральным соображениям Р. А. заявлял на собраниях Н. И. группы РСДРП. Наконец, в «Соц. Вестнике» № 4 за 1951 год в редакционном примечании к статье сказано: «Р. Абрамович и С. Шварц, входящие в Лигу Борьбы за Народную Свободу, решительно воспротивились идее тесного политического блока с НТС, поставив свое дальнейшее пребывание в Лиге в зависимость от создания или несоздания такого блока».

И статья кончается утверждением, что в данном случае речь идет «о той политической линии, которую проводит наша партия в этом столь жизненном для судеб российской и международной демократии вопросе».

Казалось бы, не может быть сомнений, что для Р. А. и С. Ш. дальнейшее пребывание в Лиге и несение какой-либо политической ответственности за кооперацию с НТС невозможно.

Увы, все это были лишь слова и, как в 1950 году их слова и дела не совпадали в отношении СБОНРа, так они в 1951 году не сходились в отношении НТС. Слова, резолюции, протесты, заявления — все это своим чередом, а фактическое сотрудничество через Лигу со СБОНР и НТС продолжается.

На совещании 17-20 августа 1951 г. в Штутгарте был образован политический центр пяти организаций, включая Лигу и НТС. Было выбрано общее Бюро, подписана общая политическая платформа и создан фактический блок в лице СОНРа. Но Р. А. и С. Ш. своих торжественных обязательств не сдержали и из Лиги не ушли. Более того, как бы для того, чтобы еще раз подчеркнуть расхождение между их словами и делами, Р. А. и С. Ш. еще 5 октября 51 г. в проекте своей резолюции, предложенной общему собранию Нью-Йоркской Группы еще раз прокламировали, что «РСДРП решительно отказывается от всякого сотрудничества с группами фашистскими или реакционно-монархическими».

«Решительно отказывается... И в то же время они участвовали в СОНРе!

Три члена Загр. Делегации — Г. Аронсон, Б. Двинов и Б. Сапир, не считая возможным нести далее ответственность за столь ярко выраженную политическую беспринципность, сочли необходимым именем большинства членов ЗД заявить протест против компрометации партии. 8-го марта 1951 г., после того, как раскрылась печальная эпопея Фюссена, они послали Р. А. и С. Ш. письмо, критикуя их тактику и требуя их немедленного выхода из Лиги.

«До получения ответа на этот вопрос мы в создавшихся условиях не считаем для себя возможным участвовать в заседаниях ЗД и нести ответственность за «СВ» — заканчивают авторы свое письмо.

Так как Р. А. и С. Ш. не ушли из Лиги, то сотрудничество большинства и меньшинства ЗД прекрати-

лось. Это было заключением того кризиса и распада, который начался в мае 1948 г. уходом «тройки» из ЗД.

1-го мая 1951 г. те же три члена ЗД опубликовали «тезисы»: «Задачи и тактика РСДРП в эмиграции». В этом документе дается еще раз обзор и анализ как общеполитического положения, так и положения и роли российской эмиграции и, в частности, Лиги.

«Возлагая на Лигу ответственность за упущенные возможности по объединению демократических социаллистов с другими группами демократической эмиграции, РСДРП считает совершенно недопустимым дальнейшее пребывание в Лиге социаллистов». Поэтому, «возвращая себе полную независимость по отношению ко всем эмигрантским группировкам, а также Лиге, РСДРП считает, что «СВ» должен выступить с решительной критикой всяких провласовских, реакционных, авантюристских тенденций в русской эмиграции и тщательно охранять чистоту своих демократических и социалистических позиций — этого единственного духовного и морального наследства, которое мы должны стремиться донести в незапятнанном виде до освобожденной от коммунистического ига России».

В этом требовании и формулируется существо наших разногласий, вызвавших новый раскол ЗД партии и тем самым ее паралич.

Настаивая на необходимости «беречь Лигу» (которую все-таки не уберегли от развала!), как нечто «единственное данное и неповтори-

мое», и на необходимости участия в ней и через нее, или самостоятельно, в общей эмигрантской «акции», меньшинство ЗД вновь возвращается к старой теории «изоляции».

Скользкий путь!.. Мы слышали этот мотив в первые годы революции в России, в первые годы эмиграции; к этому, в сущности, сводятся и оправдательные речи «власовцев».

«Нельзя было оставаться в стороне, когда шел бой против диктатуры Сталина, а другой обстановки не было, — пришлось приспособляться к Гитлеру», заявляют «власовцы».

«Нельзя оставаться в стороне, когда происходят объединение и подготовка к борьбе с диктатурой Сталина, а лучших контрагентов нет, — надо приспособляться к «власовцам» и к НТС» — повторяют сейчас «Лиговцы».

Нет, отвечаем мы, — разговор об общей борьбе, о войне со Сталиным — иллюзия. Другая, чужая сила только использует всех вас для своих целей, как Власов был использован Гитлером. Прежде всего надо сохранить наше идейное существо, наш моральный капитал, наше единственное достояние, а не проматывать его в сотрудничестве с сомнительными демократами и явными фашистами.

В своем ответе на заявление нашей группы от 5-го ноября 1951 г. (см. страницу 63), Р. Абрамович пишет («СВ» № 12, 1951 г.), что он «не считает «блоком» всякое пребывание в одной комнате с какой-либо политической группой», что «не является блоком участие в ко-

ординационном комитете из многих десятков человек разного направления».

Не возражаем: если Р. А. будет сидеть «в одной комнате» — ну, скажем, на вокзале, на собрании, в суде и т. п. — «с какой-либо политической группой», то это не будет блоком. Но если в результате этого «сиденья» создана общая организация, опубликована общая политическая платформа, выработан общий устав объединения и избрано общее исполнительное Бюро, то это для нас, как и «для всех политически мыслящих людей» будет означать именно создание политического блока. А именно это и имело место в результате «сиденья в одной комнате» с солидаристами, монархистами и власовцами в Штуттгарте, где был создан СОНР, ныне уже как будто «в Бозе почивший». И ничего не меняется от того, что Р. А. попытается стыдливо окрестить этот блок «координационным комитетом».

Да и к чему это? Ведь Р. А. сам тут же объясняет смысл этого шага: «Мир вступил в эпоху ... которая создает совершенно новую ситуацию для всех российских группировок в эмиграции, открывает для них новые, до того небывалые перспективы, но зато и накладывает на них новые обязательства». Эти «обязательства» выражаются в том, что «время чистой литературы прошло, к литературе надо прибавить политическое действие в тех формах и рамках, какие доступны эмигрантским группам».

Если говорить без тумана, простыми словами, то речь идет об организации — под высоким покровительством так наз. «Американского комитета» — СОНРа, т. е. объединения, состоящего из социалистов, демокра-

тов, монархистов, фашистов, и власовцев. (Р. А. возмущенно ставит знак вопроса над употребленным нами словом «авантюристы»: о ком, мол, идет речь? Поясняем: о стержне объединеня — солидаристах, о всяких «Коллабо» и о разноцветных власовцах).

Что касается эпохи, в которую мир вступил, то нам кажется, что эпоха эта наступила не сейчас, а в 1917 году. Тогда существовала еще наша партия, и все мы были в России, а это, как будто, тоже «накладывало на нас обязательства». Мы их и выполнили, отстаивая свои идеи и не смешиваясь ни с революцией Ленина, ни с контрреволюцией разных генералов. Мы устояли идейно. И мы вынуждены признаться, что читать о «небывалых перспективах» для российской эмиграции, наступивших сейчас — повидному, в связи с новым атомным оружием — под пером социалиста просто неловко. Когда в предвидении военного кризиса «скажут и играют» всевозможные монархисты и фашисты, подчитывая свои силы и мечтая о «русской национальной армии», которая под водительством Туркула или фон Лампе войдет на Родину наводить «порядок», то им и книги в руки. Это и есть то «политическое действие», как они его понимают. Но о каком «политическом действии» в эмиграции говорит Р. А., если он говорит **как социалист**? Когда монархист Иван Солоневич учит своего недогадливого собрата Чухнова: «не мешайте Керенскому и Абрамовичу, пока они делают наше дело», то это понятно, но когда Р. А. не хочет больше заниматься «чистой литературой» (а чем другим он занимался всю жизнь?), а стремится «моби-

ловать свои силы» на «политическое действие», ибо ему надоело «четверть века все в той же позиции сидеть», то... ах, как нехорошо все это выглядит и как скверно это может обернуться!

Р. Абрамович пишет, что он не желает быть «весталкой в белых ризах», не желает «сидеть в келье под елью» и что его тяготит его «никому ненужная политическая невинность». Пришло, мол, время выйти на простор и, ввиду «небывалых перспектив», зажить хоть грешной, но полной жизнью, дабы потом «предъявить требование на водительство».

Ну, о «водительстве» сейчас спорить не стоит. Но в чем же выразилось «политическое действие» вышедшего на «политический простор» Р. Абрамовича? Как будто пока в попытке построить Центр «пяти демократических организаций» — СОНР, которая кончилась потерей невинности, но — без приобретения капитала. А дальше что? Дальше последовал «Манифест» 14-ти социалистов (см. «СВ» № 3, 1952 г.), завершивший нас, что в России, будущей России, расцветет социализм под водительством единой социалистической партии. Очень хорошо! Ну, а как эти 14 «реалистов», отказывающихся от своей «невинности» и от «сохранения традиций», полагают реализовать свое «политическое действие», не пописывая статейки, ибо «время чистой литературы, ведь, прошло»? На этот вопрос нет ответа, а к нему все то и сводится. Не означает ли это, что готовится новая комбинация «Американского комитета» под новым его руководством, но с теми же, уже не раз пребывавшими «в одной комнате» монархистами, фашистами и власовцами на

том основании, что других нет, а «перспективы небывалые»?..

Тот, кто ориентируется только на войну — «освободительницу» и на открывающиеся в ней «небывалые перспективы» для эмиграции, тот, — говоря фигурально — стоит лицом к эмиграции с ее мнимыми большими задачами и свершениями, тот неизбежно потонет во всех комбинациях этой эмиграции, ныне организуемой, во имя **своих целей**, т. н. «Американским комитетом».

Для российского социализма и российской демократии это означает участие в неумной, мало почтенной и сомнительной игре, в которой в конечном счете пострадают не только их интересы, но и интересы **мировой демократии**. Появление социалистов и демократов **в любых условиях и любой обстановке** в «координационном комитете» вместе с бывшими коллаборантами Гитлера — солидаристами и власовцами — может встретить весьма «невежливый» отклик в самой России, о чем Р. Абрамович и его друзья могут получить справку у послевоенных перебежчиков.

Но и до этого вряд ли дойдет: наши новые Мальбруки просто не дойдут до России — они только будут бесовестно использованы разными Туркулами и Байдалаковыми. В истории русской революции имеются тому красочные примеры, и об одном из них только что напомнил ныне покойный В. М. Чернов (в том же номере «СВ», в котором появился «Манифест»). Он пишет:

«Эс-эры энергично работали для свержения диктатуры. Но, нуждаясь в союзниках, они делили власть с всевозможными «демо-

кратами», которые были ими только на словах».

Результат известен. Но в то время эти эс-эры были реальной силой и сами, они только не учли «реального соотношения сил». А что теперь? На какие силы эти 14 социалистов полагают опираться в своем «координационном комитете»? Во что выльется и может выразиться их «политическое действие», помимо «чистой литературы»?

Слова о «политическом действии» в наших условиях являются в лучшем случае пустым звуком, а в худшем — компрометацией и потерей того морально-политического капитала, который накоплен нашей партией за пол-века борьбы.

Та группа социал-демократов, которая солидаризуется с тактической линией нашего сборника, вовсе не является противником «политического действия», но она не видит этой возможности и не желает **итти на поводу** у кого бы то ни было. Она также не против создания центра российской **демократической** эмиграции, но она не согласна «считать девницей» разных монархистов, фашистов и гитлеровских коллаборантов только потому, что так это угодно «Американскому комитету», деятельность которого может стать роковой по своим последствиям не только для российской, но и для американской демократии.

Не всякий «Центр» приемлем для демократии, и совсем недавно это было ясно для всех нас. Когда три года тому назад Высший Монархический Совет обратился к «Руководящему центру социалистических партий за рубежом» с предложением создать совместно «Русский Национальный Центр», то РСДРП за под-

писями Р. Абрамовича и Б. Николаевского и П. С.Р. за подписями В. Чернова и В. Зензинова совместно ответили ему, что нам с ВМС «не по пути» и объяснили почему:

«Для создания такого Центра недостаточно одного желания посадить за один стол возможно большее количество людей самых разнообразных политических взглядов. Как показывает опыт прошлого, создание подобного рода центров, объединяющих деятельность различных партий и групп, имеет какие-то шансы на успех только в том случае, если объединение строится на базе той или иной, но вполне определенной, политической программы, которая по общему согласию кладется в основу всей работы объединения». («Соц. Вестник» № 6, 1948 год).

Какова же «вполне определенная политическая программа», которая объединяет фашистов из НТС, монархистов из неопределенческого Со-

юза Борьбы, гитлеровских коллаборантов из СБОНРа, и нео-народников из РНД, демократов из Лиги Борьбы и социалистов из «Соц. Вестника»? В чем она заключается?

Как согласуют они свои разнородные цели и свою тактику? Никак. Они просто умалчивают обо всем, предоставив каждому участнику блока делать свое дело под прикрытием общего «центра».

Для социал-демократии это — разрыв со всем идейным прошлым партии, неизменно отвергавшей всякие коалиции с антидемократическими течениями. Этой тактике уже можно подвести итоги: она не только не привела к «умножению рядов», к нашему организационному укреплению, к идейной консолидации и к росту политического престижа партии, а наоборот: к организационному распаду, к идейному разброду и к явной потере морально-политического авторитета. Это — единственный результат «новой тактики». Продолжение ее — смерти подобно.

ДОКУМЕНТЫ И ЗАЯВЛЕНИЯ

Задачи и тактика РСДРП в эмиграции

(Тезисы)

1. Внешняя политика Сов. Союза с каждым послевоенным годом обнаруживает все отчетливее свой агрессивный характер. Действуя шантажом, бессовестной демагогией, лживой пропагандой и соучаствуя в военных действиях, сталинское правительство стремится во всем мире установить тоталитарный режим под прикрытием идей коммунизма. В между-

народной обстановке, созданной политикой СССР, вызывающей повсюду необходимость вооружения в интересах самозащиты, СССР является главным, если не единственным, источником угрозы третьей мировой войны.

2. Внутренняя политика в Сов. Союзе определяется все большим углублением пропасти между властью и народом: страхом правительства пе-

ред острым недовольством народа и страхом народа перед могуществом аппарата насилия, созданного властью. Усиление после войны полицейского зажима, беспощадные чистки оппозиционных элементов, новое наступление на деревню в форме «укрупнения колхозов», нивелирование всей культурной жизни, закрепощение рабочих, широкое распространение концлагерей, построенных на основе рабского труда: все это на фоне вопиющей нужды и неспособности власти обеспечить населению минимум спосных условий существования влечет за собой острую напряженность всей обстановки в стране.

3. В этих условиях в русской эмиграции складываются, с одной стороны, настроения безнадежности, упадка и неверия в преодоление коммунистической диктатуры внутренними силами народа и, с другой стороны, заметно вырастают иллюзии на вмешательство извне, посредством войны, которое должно, наконец, освободить Россию от невыносимого коммунистического ига.

4. Русская демократическая эмиграция, в случае возникновения новой войны, развязанной Сталиным, занимая по отношению к сов. правительству пораженческие позиции, сможет полностью определить свою политическую линию только в зависимости от того, каковы будут цели обороняющихся демократических держав в отношении России во время войны. От русской эмиграции требуется чрезвычайная сдержанность в определении своей позиции и программы на случай войны. Поэтому, независимо от степени неизбежности и предвидимых сроков грозящей войны, РСДРП отвергает для русской

эмиграции политику, которая могла бы быть понята, как ориентация на войну — как на средство освобождения от диктатуры; отвергает всякие обращения к иностранцам с этой целью и в частности предостерегает против попыток создания русской армии за границей, рассматривая их, как подготовку своего рода «карательной экспедиции» для освобождающейся России.

5. Мы отдаем себе полностью отчет в том, что при тоталитарном строе существуют глубокие препятствия для развития антикоммунистического движения и для возникновения сколько-нибудь активного сопротивления диктатуре. Тем не менее в виду наличия глубокого недовольства в стране, пророчащегося и в армию, и в аппарат, и в молодежь, не говоря уже о крестьянско-рабочей и интеллигентской толще населения, не исключена надежда, если не на массовое восстание, то на взрыв в какой-нибудь точке, близкой к кремлевским верхам, — и этот взрыв, направленный против ненавистного диктатора и его политбюро, может открыть шлюзы для подлинного демократического, общественного оживления в России. Несмотря на всемогущество тайной полиции Сталина, эти надежды на ликвидацию диктатуры внутренними силами страны есть единственно приемлемая ориентация для русских демократов и социалистов в эмиграции, оправданная морально-политическими соображениями и учетом длительных интересов России. Ни иностранные державы с их неизбежно двойственным в случае войны отношением к России, ни тем более русские эмигранты, действующие в фарватере иностранной политики, не могут заменить

собой в антикоммунистической борьбе внутренние силы страны, которые подавляет, но и вскармливает диктатура своей антинародной политикой.

6. Исходя из этих общих положений, РСДРП продолжает считать в настоящее время своей главной задачей в эмиграции: пристальное изучение внутреннего положения в СССР и внешней политики диктатуры; систематическое разоблачение в «Соц. В.» и в иностранной печати преступлений сов. власти; пропаганду идей демократического социализма; разработку вопросов тактики в интересах борьбы за освобождение России.

7. Признавая в принципе целесообразным объединение для этих целей родственных групп в русской эмиграции, в частности объединение русских социалистов с демократическими группировками, РСДРП не может не учесть, что опыт ознакомления с политическим обликом новой, послевоенной эмиграции и трехлетний опыт сотрудничества с Лигой борьбы за народную свободу обнаружили всю несостоятельность, если не обреченность, идеи демократической коалиции при данных условиях.

8. За последние годы выяснилось, что многие новые эмигранты, отличающиеся известной общественной активностью, находятся до сих пор в плену той порочной политики, которая во время войны привела их к сотрудничеству с Гитлером, к соучастию в антидемократической и антисемитской пропаганде. Распад власовского движения за 1947-50 гг. и эволюция его «амальгамы» обнаружили, что большинство власовцев влечется к сближению с монархическими и реакционными кругами старой эмиграции, что даже склонные

к усвоению демократических лозунгов власовцы (главным образом в силу навязываемой им обстановкой «западной» ориентации) фактически остаются в фарватере власовской идеологии, верными своему прогитлеровскому прошлому под власовским руководством. Присматриваясь к деятельности и литературе власовцев всех группировок, мы должны прийти к выводу, что русским демократам и социалистам с ними не по пути.

9. Что касается власовской организации СБОНР, то, несмотря на формальное принятие ею республиканско-демократической платформы, эта численно-небольшая и полувоеванная организация, по своей приверженности к власовству и по своим авантюристическим тенденциям, не является чем-либо существенно-отличным от других ветвей власовского движения и не может рассматриваться как заслуживающий доверия партнер в демократической акции.

10. Еще в большей мере черты власовской и фашистской идеологии, авантюризма и аморальности характеризуют собой организацию НТС — солидаристов. Насколько можно судить по беспринципной и скоропалительной смене их программ, по пропагандируемым ими идеям «отбора» правящего слоя — элиты, по демагогическим выступлениям перед иностранцами и по их партийной литературе, солидаристы придерживаются тактики, вынесенной из школы коммунизма и фашизма, сочетая авантюризм со лживостью и бесстыдством информации. Они претендуют на монопольное руководство эмиграцией и ведут, если им верить, опасно-подозрительную работу в «подполье», которая легко может быть использована агентами Москвы.

Поэтому солидаристы больше чем другие группировки, прикрываясь своим антикоммунизмом, вносят в эмигрантскую среду элементы деморализации, компрометируют ее перед иностранцами и своей деятельностью наносят ущерб делу борьбы за свободу и демократию.

11. РСДРП должна подвести печальный баланс той попытке создания демократической коалиции старой и новой эмиграции, которая связана с Лигой борьбы за народную свободу. Возникшая в 1948 г. по инициативе Загр. Дел. РСДРП на основе соглашения с эсерами и группой «Нов. Журнала», Лига должна была начать свою деятельность объединением демократов и социалистов в эмиграции. Если бы Лига ограничилась мобилизацией этих сил, создала свои собственные организации и проводила широкую пропагандистскую работу, она могла бы стать серьезным фактором политической жизни эмиграции. Однако, ряд беспринципных шагов, продиктованных погоней за эфемерным успехом и соображениями стратегии, обрел Лигу на деморализацию, а затем и на прозябанье.

Руководители Лиги провели кампанию по реабилитации власовского движения. Лига стала проводить сближение со СБОНР'ом и образовала с ним политический блок. Лига видела свою базу не в собственных организациях, а в СБОНР'е и его организациях в лагерях Ди-Пи. Лига стала провласовской организацией. Ее «Бюллетень», одно время выходявший в свет, растворил идейно Лигу во власовщине. Лига приняла участие в совещании в Фюссене совместно с власовцами, солидаристами и т. н. испредрешенцами, пафос ко-

торых сейчас сводится к борьбе с «марксистами» и социалистами.

В результате развития этих тенденций, приведших к ее идейной и политической деградации, Лига, которую покинул ряд независимых деятелей, а также видных представителей новой эмиграции, превратилась в небольшой засекреченный кружок, избегающий гласности, фактически лишенный печати, стоящий вне общественного контроля, реально почти ничем себя не проявляющий.

12. Возлагая на Лигу ответственность за упущенные возможности по объединению демократических социалистов с другими группами демократической эмиграции, РСДРП считает совершенно недопустимым дальнейшее пребывание в Лиге социалистов.

13. В случае возникновения широкого демократического представительства эмиграции РСДРП не видит принципиальных возражений против участия в таком органе, поскольку он будет действовать гласно и под общественным контролем и поскольку он не имеет характера политического блока. РСДРП выступает в нем самостоятельно от собственного имени.

14. Возвращая себе полную независимость по отношению ко всем эмигрантским группировкам, а также и к Лиге, РСДРП считает, что «Социалистический Вестник» должен выступать с решительной критикой всяких провласовских, реакционных, авантюристских и антисемитских тенденций в русской эмиграции и тщательно охранять чистоту своих демократических и социалистических позиций, — этого единственного духовного и морального наследства, которое мы должны стремиться до-

нести в незапятнанном виде до освобожденной от коммунистического ига России.

1 мая 1951 г.

Члены Заграничной Делегации
РСДРП

Г. Аронсон
Б. Двинов
Б. Сапир

ОБ ОТНОШЕНИИ К ЛИГЕ БОРЬБЫ и К СОВЕТУ ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ

(Тезисы к докладу Б. Двинова)

1. Лига Борьбы за Народную Свободу была организована с целью объединения всех демократических элементов — лиц и групп — как «старой», так и «новой» российской эмиграции. Однако, руководство Лиги с самого начала встало на путь соглашения с власовскими организациями и тем самым привело не к объединению, а к разложению демократической эмиграции.

2. В целях выпрямления политической линии Лиги была организована социалистическая фракция Лиги, на заседании которой 16-го сентября 1949 года Р. Абрамович заявил, что «наше меньшинство (в Лиге) получилось в результате искусственного подбора большинства», что «Лига фактически стала провласовской организацией, каким-то неоформленным филиалом власовского движения. Это для нас неприемлемо. Оставаться в нынешних условиях в Лиге — значит рисковать единством нашей организации, а на это мы не пойдем».

3. В виду того, что Лига продолжала все теснее объединяться с власовской организацией СБОНР и

провласовские статьи появлялись в «Бюллетене» Лиги, вопрос о нашем отношении к Лиге был поставлен на решение общего собрания Нью-Йоркской группы РСДРП. 7-го января 1950 года общее собрание группы приняло, на основе представленных Р. А. тезисов, предложенную ей Заграничной Делегацией резолюцию о том, что «дальнейшая работа представителей РСДРП в Лиге возможна и целесообразна только при условии соблюдения Лигой политики «нейтралитета» по отношению к так называемому власовскому движению и при установлении «организационных гарантий», что это решение не будет нарушено.

4. Никаких попыток к осуществлению этой резолюции не было сделано. Более того, Лига публично осудила книгу, посвященную критике «власовского движения», и устранила меня, как ее автора, за это из Лиги. Несмотря на это явное нарушение резолюции Общего собрания и Заграничной Делегации, представители нашей партии Р. Абрамович и С. Шварц продолжали оставаться в Лиге, поддерживая тенденцию заключения блока со СБОНР.

5. Тем временем вопрос о блоке со СБОНР был расширен в вопрос о создании политического блока четырех организаций: Лиги, СБОНР, НТС (солидаристов) и Союза Борьбы. Подготовленное в тайне от общественности и созданное в январе 1951 г. в Фюссене совещание указанных четырех организаций не дало результатов, а сделанные после этого разоблачения в печати Д. Далиным вынудили Р. А. и С. Ш. категорически заявить на собраниях Н. И. группы, что они выйдут из Лиги, если последняя пойдет на блок с НТС, с

которым невозможно никакое сотрудничество по политическим и моральным соображениям. О своем выходе из Лиги в случае создания политического блока с НТС и Р. А. и С. Ш. заявили в «Социалистическом Вестнике» (№ 4, 1951 год).

6. Однако, в нарушение всех принятых на себя обязательств Р. А. и С. Ш. не выступили против резолюции Бюро Лиги от 3-го июля с. г., «еще раз подтверждающей неотложную необходимость создания объединительного комитета общероссийской эмиграции» и что «демократическое совещание Лиги, СБОНР и СВОД» является «подготовительным к нему» актом.

7. Последовавший раскол Лиги и образование «Народного Движения» во главе с А. Керенским увеличило число партисеров блока с четырех до пяти. 17-20 августа с. г. в Штутгарте состоялось совещание, в котором приняли участие: демократы из Лиги, «нео-народники» из «Народного Движения», власовцы из СБОНР, непредрешенцы из Союза Борьбы и фашисты из — НТС. В официальном оповещении за десять подписями представителей пяти организаций сообщается, что участники совещания, «выработав общую политическую платформу, пришли к полному соглашению о создании координационного центра — Совета освобождения народов России» (СОНР). «В ближайшее время будут опубликованы политическая платформа и организационные основы Совета освобождения народов России».

8. Таким образом создан политический блок не только с организацией бывших гитлеровских коллаборантов в лице СБОНР, но и со скры-

вающимися за «непредрешенчеством» монархистами Союза Борьбы и с откровенно фашистской организацией НТС (солидаристов). Все это Р. А. и С. Ш. покрывают авторитетом РСДРП.

9. Продолжать эту политику означает не только «рисковать единством нашей организации», о чем в 1949 году говорил Р. А., но несомненно ставит под удар самое существование ее и грозит полной морально-политической компрометацией партии. Оно превращает уже не Лигу в «филиал власовского движения», а всю нашу партию. Более бесславного конца партии с полувекowym прошлым и придумать трудно.

10. С целью отвлечь общественное мнение партии от нарушения данного ими обязательства не вступать в блок с солидаристами, Р. А. и С. Ш. пытаются представить дело таким образом, что центральным вопросом повестки дня является сейчас проблема, как следует соц.-демократим отнестись к совещанию представителей русской эмиграции, проектируемому СОНР.

В создавшихся условиях подобное Совещание, если оно осуществится, явится игрушкой в руках ни перед кем не ответственных и в значительном своем числе не демократических деятелей. Поэтому участие представителей РСДРП в СОНР, под каким бы камуфляжем он ни выступал, ни непосредственно, ни через Лигу Борьбы, является невозможным.

Нью-Йоркская Группа РСДРП считает поэтому необходимым немедленный выход Р. Абрамовича и С. Шварца из Лиги Борьбы, полный отказ от всякого соучастия в образованном СОНР и обеспечение про-

ведения независимой социал-демократической политики в органе партии — «Социалистическом Вестнике».

Только это может сохранить остатки нашей партии от окончательного распада.

5 октября 1951 года.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Собрание Нью-Йоркской Группы РСДРП 21-го октября 1951 года большинством 29-ти голосов против 17 по предложению Р. Абрамовича и С. Шварца фактически санкционировало участие РСДРП в так называемом Совете Освобождения Народов России (СОНР) вместе с власовцами, солидаристами и непредрешенцами.

Впервые за долгие годы нашего существования в изгнании социал-демократической организацией принято решение, порывающее со всем идейным прошлым партии, неизменно отвергавшей всякую коалицию с антидемократическими тоталитарными течениями. Этим решением подводится итог почти трехлетней борьбе в нашей среде о тактике социал-демократии в эмиграции в эпоху, сложившуюся после Второй Мировой войны и характеризующуюся агрессивней коммунистической диктатуры в СССР.

Этот итог организационно чрезвычайно неблагоприятен для РСДРП: Заграничная Делегация партии, после 30 летнего существования, обеспечивавшего ей достойное место в Социалистическом Интернационале и авторитет в русской демократической эмиграции, оказалась парализованной; журнал «Социалистический Вестник», выражавший коллективное мнение партии и оттенки, в ней пред-

ставленные, превратился в личный орган редактора журнала, который не предоставляет возможности высказываться другим направлениям в партии; Нью-Йоркская Группа РСДРП, втянутая в борьбу в угоду стратегическим соображениям, очутилась на грани распада. Все это свидетельствует о глубоком кризисе, в котором находится РСДРП за границей.

Ответственность за создавшееся положение падает в большой мере на деятелей партии, которым были доверены руководящие посты в заграничной организации, которые, однако, своей деятельностью за последние годы не укрепляли, а расшатывали ее единство и привели не к сохранению и умножению, а к потере идейного и морального наследия и престижа меньшевизма.

Перед возможной перспективой международных осложнений такая тактическая сдача позиций российских социалистов может только способствовать укреплению коммунистической диктатуры в России. Сближение русских социалистов и демократов с профашистскими элементами, каковыми «Социалистический Вестник» даже в его нынешнем составе считает солидаристов, приводит к утрате социалистами собственного лица и облегчает работу советской пропаганды по дезориентации общественного мнения.

Со всем этим мы мириться не можем.

Против отмеченных выше тенденций, против ликвидации нашего единственного партийного центра — Заграничной Делегации, против монополизации «Социалистического Вестника», против идейной капитуляции перед антидемократическими элементами в русской эмиграции, против

дальнейшего пребывания в Лиге Борьбы за Народную Свободу, против участия в Совете Освобождения Народов России (СОНР), против тактики, порывающей с традициями меньшевизма и изолирующей нас в Социалистическом Интернационале — мы заявляем решительный протест.

Поддержка политических блоков с участием в них антидемократических и авантюристских групп тем более вредна, что она отвлекает от основной задачи по формированию ядра общественных сил, способных на другой день после краха комдиктатуры, явиться опорой демократического строя в России. Во имя будущей освобожденной России, во имя укрепления демократии и успеха в ней идий демократического социализма мы поднимаем свой предостерегающий голос.

5-го ноября 1951 года

По поручению группы членов
РСДРП

Г. Аронсон, Б. Двинов, Б. Сапир.

О Т. Н. ДЕКЛАРАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ СОЦИАЛИСТОВ

В течение четырех лет идет борьба в нашей партии за сохранение тех начал, на которых наша партия строилась и которые помогли ее самосохранению, как организованной и идейной группы.

Подводя сейчас итоги этой борьбе, мы констатируем полный провал политики и тактики тех членов Заграничной Делегации и партии, которые связали себя с Лигой Борьбы за Народную Свободу, которые стремились к политическому блоку с влазовским СБОНР'ом и которые — из страха перед мнимой «изоляцией» —

шли на поводу у тех «пяти демократических организаций», включавших и монархистов, и солидаристов, которые пытались построить СОНР.

В результате всей проявленной ими политической беспринципности не только не был создан СОНР, этот мнимый центр российской демократической эмиграции, но фактически приказала долго жить и развалившаяся Лига Борьбы, и жестокий кризис внесен в ряды нашей партии. Не к усилению наших рядов, не к усилению демократической эмиграции привела эта тактика, а к их развалу и распылению.

Ныне, с целью скрыть свое банкротство, нам предлагают создать амальгаму настоящих и бывших социалистов, с.-д'ов и с.-р'ов, как будто именно этот вопрос стоит сейчас в порядке дня нашей партии. Эта фикция «объединенного социализма», в жертву которой приносятся остатки РСДРП и ее орган — «Соц. Вестник», нужна для оживления умирающего под единоличной редакцией Р. Абрамовича единственного органа партии и для того, чтобы в закулисных торгах о воссоздании нового СОНРа под высоким покровительством так называемого «Американского Комитета» получить видимость силы, прислонившись к находящемуся тоже накануне развала СБОНРу.

В этих же целях они капитулируют и перед настроениями новых эмигрантов, охваченных лозунгом борьбы с марксизмом, прикрывающим на деле борьбу с идеями демократического социализма.

Мы вновь подтверждаем наш протест против этих ликвидаторских попыток в отношении нашей партии, на которые никто из нас не правомочен и в особенности протестуем

против того, чтобы этот создаваемый коллектив, состоящий из с.-д'ов, с.-р'ов и бывших социалистов, продолжал пользоваться Центральным органом РСДРП — «Социалистическим Вестником». Мы заявляем, что будем это рассматривать, как акт узурпации и оставляем за собою право открыто разоблачить этот маневр.

По всем указанным соображениям

мы выступаем против так называемой «Декларации объединенных социалистов», призванной лишь скрыть от партийного коллектива истинный смысл происходящего и цели его авторов.

Нью-Йорк, 6 апреля 1952 года

По поручению группы
членов РСДРП

Б. Двинов.

ПАМЯТИ М. А. ПЕСКИНА

За несколько месяцев до выхода сборника «Против течения» — 12 апреля, — разрыв сердца внезапно унес из наших рядов Матвея Абрамовича Пескина, старого социалдемократа, прекрасного товарища, вынужденного добывать свой горький хлеб изгнания тяжким трудом рабочего-гладильщика. Покойный товарищ всю свойственную ему страсть отдавал подготовке сборника, включился в инициативную группу по его изданию и взял на себя немало черной, неблагодарной работы, чтобы осуществить дело, которое ему казалось особенно важным в полосу политических сумерек, надвинувшихся на демократическую эмиграцию и особенно на нашу с.д. организацию за границей. В одной из записок, незадолго до своей смерти, М. А. писал нам, что главной задачей сборника должно быть «отражение политических идей и теоретических взглядов представителей независимой с.д. мысли. Для этого мы ринулись в борьбу, тяжелую морально и эмоционально, ужаснувшись тому, что делают «там» с РСДРП»...

Даже в среде старой гвардии мень-

шевиков, отличающейся традиционной верностью знамени, М. А. Пескин в течение десятилетий выделялся особенно страстной преданностью и привязанностью к РСДРП за границей. Тем существеннее отметить, что именно безкорыстный партийный патриотизм заставил Пескина всей душой примкнуть к нашему течению и забыть тревогу, когда ряд видных с.д. деятелей принял тактическую линию, нанесшую ущерб идейной чистоте социал-демократии, грозившую исказить и ослабить ее сопротивление советской диктатуре.

В навязанной нам внутривнутрипартийной борьбе М. А. не знал колебаний, он был готов оставаться в меньшинстве в составе нью-йоркской группы РСДРП, одним из руководящих деятелей которой он был, и мужественно боролся против тенденций к погружению в коалиционное болото с властителями, солидаристами и пр., куда влеклись остатки РСДРП за границей наступившим антисоциалистическим поветрием.

С благодарностью мы вспоминаем покойного товарища и с глубокой скорбью отмечаем его кончину.

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

Рабочее движение в борьбе с большевистской диктатурой

1.

В начале ноября 1917 г., — еще до выборов в Учредительное Собрание, — по инициативе Союза рабочих печатного дела, была поднята борьба за свободу печати, уже в то время подвергавшейся всяческим ущемлениям со стороны большевистской власти, и был образован Комитет борьбы за свободу печати. Кроме союза печатников в состав Комитета входили представители ЦК меньшевиков, ЦК эсеров и Петроградской Городской Думы. В воззвании, выпущенном комитетом, политическая обстановка в стране получила яркое изображение: «Наша страна горит в огне гражданской войны... Непримиемые фанатики губят и революцию, и Россию... Свобода печати стала привилегией одной только партии — большевистской. У революции отнято слово». Именно под лозунгом борьбы за свободу печати и была сделана первая попытка сплочения сил рабочей и социалистической общечественности. В конце декабря на Всероссийской конференции союза печатников в Москве принята была обширная резолюция в защиту свободы печати, в которой два тезиса имеют общее принципиальное значение: 1. «Преследование печати Советом Народных Комиссаров... лишает народ последней возможности быть осведомленным о действиях власти и делает эту власть совершенно бесконтроль-

ной и безответственной» и 2. «Установление исключительного права на пользование печатным словом для одной партии, группы или класса задерживает развитие самосознания народа, и особенно нарушает интересы рабочего класса в его борьбе за социализм». Эта резолюция, принятая всеми голосами конференции против 12-ти, после дискуссии, в которой против лидеров печатников Кефали, Кибрика, Бовшовского, Романова и др., выступал от большевиков Бухарин, — существенна не только для характеристики воззрений союза рабочих-печатников, этой цитадели антибольшевистского движения в рабочей среде, — но и потому, что печатники именно явились первой организованной группой рабочих Петрограда, поддержавших впоследствии идею создания института уполномоченных от фабрик и заводов. Разгон Учредительного Собрания 5 января 1918 г. и расстрел демонстрации в его защиту явились непосредственным толчком к созыву собрания уполномоченных, вызвавшего к себе активное сочувствие со стороны петроградского пролетариата. 18 января 1918 г. и состоялось первое совещание по этому вопросу, о котором в газетах сообщалось, как о «рабочей конференции Союза защиты Учредительного Собрания», — и на этом совещании было положено начало собрания уполномоченных.

По существу корни инициативы лежали не только в настроенных широкой рабочей массы, явившейся благоприятной питательной средой для подъема движения, но и в тех общественно-активных элементах, преимущественно социал-демократической партии, которые с момента октябрьского переворота стали в непримиримую принципиальную оппозицию к «захватчикам власти». В совещаниях, в которых принимали участие Б. О. Богданов, Б. С. Батурский, Г. Д. Кучин, К. М. Ермолаев, А. Э. Дюбуа, С. М. Зарецкая, А. А. Трояновский, А. П. Краснянская и др., и была в Петрограде выдвинута идея создания института уполномоченных от фабрик и заводов. К инициативе деятелей с.-д. партии примкнули и ее активно проводили среди широких масс пролетариата выдающиеся представители петроградских рабочих, пользовавшиеся в ней большим влиянием, как А. Н. Смирнов, Ф. А. Юдин, К. А. Гвоздев, М. С. Кефали-Камермахер, Голиков, Борисенко и др. Из северной столицы движение быстро перенеслось в Москву, а затем захватило и глубокую провинцию.

II.

После разгона Учредительного Собрания наиболее сильным ударом по политическому сознанию рабочей массы явился Брест-Литовский мир, принять который не только народные массы, но и значительная часть большевиков решительно отказывались. К чувству национального унижения примешивалась горечь сознания, что этот мир означал начало государственного распада России: ведь Украина, Крым, Кавказ оказались отрезанными от России и, кто знает,

насколько времени. Капитуляция перед немецкими империалистами большевиков пошедших на все лишь бы сохранить власть своей клики, вызвала естественное обвинение в «распродаже» большевиками России и отталкивала от власти даже их верных союзников (левых эсеров). А в это время внутри страны «власть на местах» продолжала насаждать произвол и анархию. У «ревкомов», — часто заменявших собою советы, в которых большевикам не удавалось иметь большинства, — у «троек» и «пятерок», испытывавших чувства административного восторга, — то и дело происходили кровавые столкновения с населением. Комиссары из солдат и матросов вносили в жизнь русских городов свою специфическую струю короткой и стремительной расправы. Всякие политические гарантии и свободы были фактически отменены, и наступило царство насилия. А к этой внутренней политической анархии прибавилась острая экономическая разруха, усиленная бестоварьем, кризисом топлива и продовольствия, разрушением транспорта, закрытием предприятий, безработицей и голодом масс и бесплановой, беспорядочной демобилизацией армии. «Костлявая рука» голода, который предсказывал Рябушинский до октября, действительно грозила задушить революцию. В Петрограде, в апреле месяце, продовольственная нужда достигла своего апогея. 28 апреля Центр. Продов. Управа довела до сведения населения, что «в виду исчерпания хлебных запасов и задержек в пути хлебных грузов, ЦУ вынуждена временно уменьшить, начиная с понедельника 29-го апреля, хлебный паек до од-

ной восьмой фунта в день, как по основному, так и по дополнительным карточкам» (Шелавин: «Из истории птб. комитета большевиков», «Кр. Летопись», 1929 г.). Этот поистине черный понедельник вызвал такое возмущение в народных массах, что большевики вынуждены были уже к 30-му апреля восстановить выдачу пайка в четверть фунта. Но эта восьмушка или четвертушка дает представление о наступившем голоде. О размерах безработицы, охватившей в эти же месяцы Петроград, Москву, и некоторые другие промышленные центры, свидетельствуют и следующие данные. На 832-х предприятиях Петрограда работало к январю 1917 г. — 365,8 тысяч рабочих, а к апрелю 1918 г. число их упало до 144,5 тысяч, т. е. на 60 процентов («Петр. Раб.», от 2.6.1918 г.). В московском районе за март-апрель 1918 г. закрылось 36 текстильных фабрик со 130.000 раб. и 24 механ. завода со 120 тыс. Этот язык цифр красноречиво свидетельствует о росте безработицы.

В Петрограде были и некоторые свои, добавочные, мотивы в пользу развития оппозиционного движения среди рабочих. В связи с Брестским миром создалась опасность сдачи Петрограда немцам. На очередь встал вопрос об эвакуации Совета Народных Комиссаров в Москву. Рабочих волновали слухи о том, что правительство собирается эвакуировать с собой машины и оголеть фабрики и заводы, и без того закрывавшиеся от отсутствия сырья и угля. На Путиловском, Обуховском, Семянниковском, Патронном и др. заводах происходили многотысячные митинги протеста, которые сопровождалась столкновениями с красногвардейца-

ми. В этой атмосфере и стало возникать движение уполномоченных фабрик и заводов.

На первом совещании 18 января, где было положено начало этому движению, выступали представители разных районов. Делегаты с Петроградской стороны, с Охтенского района, Путиловского завода (который к тому времени был закрыт), Сименс и Шуккерта, Обуховского завода (закрытие которого вскоре ожидалось) и др. констатировали единодушно «перелом, происшедший в настроениях рабочих масс» и приветствовали инициативу объединения на платформе защиты Учред. Собрания широких беспартийных элементов рабочего класса. Это совещание и поручило выработать «общий план работ в целях выявления перелома в настроениях рабочих масс». Отчеты о собраниях уполномоченных фабрик и заводов Петрограда, состоявшихся в течение марта-июня 1918 г., дают большой материал к характеристике рабочих настроений этого периода русской революции.

III.

В эти бурные моменты большевики оказались в сущности изолированными от рабочей массы. Большевикам не давали выступать на фабриках и заводах. Даже Спиридоновой не удалось получить слова на Семянниковском заводе. Евдокимову, Залуцкому и другим большевикам, — при всех их связях в рабочей массе, также не давали слова. Сانونники типа Зиновьева и не решались нос показать на рабочих собраниях того времени, поскольку не было гарантии, что настроение благонадежное. В это время пульс живой жизни бился на собраниях уполномо-

ченных, открывшихся уже в феврале, а с марта месяца ставших уже в центре всей взволнованной петроградской общественности. Резолюции, принимаемые на собраниях на фабриках и заводах, содержали основные политические требования: прекращение террора, восстановление свобод, созыв Учредительного Собрания. Характерно, что находящийся по соседству с Петроградом Кронштадт, — эта цитадель большевизма еще в февральскую революцию, и матросы, задававшие в нем тон, — после демобилизации флота и расстрела адмирала Щастного (один из первых расстрелов новой власти, вызвавший гул возмущения во всей стране), примкнул к оппозиционному движению рабочих. В кронштадских резолюциях-протестах уже вошло по адресу большевиков: «За что проливали кровь? Почему разогнано Учредительное Собрание?».

Перед нами сообщения об одиннадцати заседаниях уполномоченных фабрик и заводов Петрограда: 1 — в марте, 4 — в апреле, 3 — в мае и 3 — в июне. На первом из этих собраний — от 27 марта (присутствовало 170 делегатов от 56 фабрично-заводских предприятий) докладчики и ораторы М. С. Кефали, А. Н. Смирнов и Глебов (Степан Голубев) давали общую оценку большевистской политики по отношению к рабочему классу, ограничиваясь словами протеста против развязываемой большевиками гражданской войны и террора, — на последних же собраниях уполномоченных от конца июня (26 и 29-го) были приняты резолюции с призывом к организации всеобщей политической забастовки против большевистской вла-

сти под лозунгами перехода всей власти к Учредительному Собранию. За несколько месяцев движение прошло от робких, неоформленных чувств возмущения к ярким политическим требованиям, намекающим определенный выход из тупика, куда загнали страну большевики. На собрании 3 апреля были выдвинуты меры борьбы с безработицей, был принят протест против эвакуации промышленных предприятий и с большим сочувствием выслушан наказ фабрики Сименс и Шуккерт, в котором выдвигалась идея образования обще-социалистической власти и требовались перевыборы Совета. Еще более острые политические ноты звучали в дебатах о 1-ом мая, о голоде, осылке делегации в Москву, для того, чтобы связать петроградских рабочих с рабочими других городов и придать всему оппозиционному движению общероссийский характер. В связи с обсуждением вопроса о праздновании 1-го мая отметим выступление рабочего-путловца Глебова против участия рабочих в демонстрации, организуемой правительством. «Наоборот, — заявил оратор, — следует призвать всех рабочих объявить день 1-го мая днем траура, выкинуть черные знамена и сидеть по домам. Этим мы подчеркнем ту глубину утрат и потерь, которые мы понесли за последний год». Собрание уполномоченных решило однако манифестировать в день 1 мая, но самостоятельно под своими лозунгами, не взирая на угрозы Зиновьева расправиться за всякое проявление независимого духа. По докладу А. Н. Смирнова, было решено выдвинуть следующие требования: Хлеба и труда! Долой Брест! Созыв Учредительного Со-

бранья! Протест против произвола и насилия!

В течение апреля-мая воочию определилось, что рассчитывать на изменение большевистской политики не приходится. Ни уступок, ни реформ правительство Ленина не знает. И с властной силой рабочими овладела одна мысль: о необходимости смены власти. Когда на собрании 18 мая обсуждался вопрос о продовольственной нужде, петроградские уполномоченные вынесли резолюцию, в которой вопросы голода и продовольствия «тесно и неразрывно» поставлены с вопросом о власти. «Чрезвычайное собрание уполномоченных требует созыва Уч. С.». Для борьбы с голодом необходимо «восстановление органов местного самоуправления и передача им продовольственного дела».

IV.

Вопрос о всеобщей забастовке первоначально встал из соображений самозащиты: стало известно, что власть готовится насильно прекратить собрания уполномоченных. Первое предостережение в этом смысле было дано еще в конце марта. В «Утре» появилось сообщение секретаря бюро собрания уполномоченных А. П. Краснянской о том, что 31 марта в 8 час. утра в помещении собрания 6 красногвардейцев, по ордеру ЧК, произвели обыск и забрали литературу. Если не считать этого обыска, то надо признать, что движение уполномоченных развивалось в Петрограде и в остальной России совершенно легально. Собрания происходили открыто, оповещения, как и отчеты о них, печатались в газетах. Были случаи, когда большевистские рабочие организации привлекались к

участию в собраниях уполномоченных. Наконец, впоследствии, к финалу движения, в Москве, Организационный Комитет по созыву Всероссийской конференции пригласил и большевиков делегировать своих представителей.

В ответ на слухи о предстоящем роспуске рабочих собраний в Петрограде, уполномоченные от фабрик и заводов собрались 23 мая и вынесли чрезвычайно резкую резолюцию по адресу большевиков: «Советская власть, как всякая власть меньшинства, опирается на штыки, и в каждой независимой демократической организации видит своего врага, — читаем мы в резолюции. — Мы, представители петроградских рабочих, считаем свободу союзов неотъемлемым правом народа и одним из драгоценных завоеваний революции. Мы заявляем, что это свое право будем отстаивать всеми доступными нам средствами вплоть до организации всеобщей политической забастовки». («Вечер» от 24 мая).

На собрании 1 июня вопрос о всеобщей политической забастовке получил более актуальную постановку, — ибо сгущенная атмосфера в стране, повсеместный рост террора, начавшиеся во многих городах расстрелы вызвали острую реакцию в среде представителей рабочих. Вот текст резолюции, принятой собранием уполномоченных: «Заслушав доклад представителей фабрик и заводов Петрограда о настроениях и требованиях рабочих масс, Собрание Уполномоченных с удовлетворением устанавливает, что отход рабочих масс от власти, ложно именуемой себя рабочей, все усиливается. Собрание Уполномоченных приветствует готовность рабочих последовать

призыву Собрания Уполномоченных к политической стачке. Собрание Уполномоченных призывает рабочих Петрограда усиленно подготавливать рабочую массу к политической стачке против современного режима, который именем рабочего класса расстреливает его, бросает в тюрьмы, душит свободу слова, печати, союзов, стачек, задушил народное представительство. Эта стачка — будет иметь своими лозунгами переход власти к Учредительному Собранию, восстановление органов местного самоуправления, борьба за единство и независимость российской республики. Отвергая частичные выступления, Собрание Уполномоченных призывает рабочих теснее сплотить свои ряды вокруг него, как единственного выборного органа рабочих Петрограда, имеющего право говорить от имени петроградского пролетариата». («Утро», от 3-го июня).

В течение июня месяца идея всеобщей стачки приняла конкретные формы. Это должна была быть всероссийская однодневная забастовка протеста и дата ее намечена была на 2-ое июля. На собрании 26-го июня, где был заслушан доклад А. Н. Смирнова, была дана информация о настроении рабочих. Несмотря на падение активности, вызванной безработицей и голодом, несмотря на большевистские угрозы расправы, — Путиловский, Речкин, Картонажный, Русско-Балтийский, Вестингауз, Семяниковский, Новый Арсенал, Патронный, Фарфоровый, Колпино, Сименс-Шуккерт и др., словом, крупнейшие предприятия Петрограда, — целиком поддерживают требования собрания уполномоченных и готовы примкнуть к забастовке протеста.

На Обуховском заводе уже объявлена забастовка, в виду предстоящего расчета. Резолюция, принятая на этом собрании единогласно, при 4-х воздержавшихся, составлена в очень решительных выражениях: «Преступления советской власти продолжают. Люди расстреливаются по суду и без суда. Рабочие собрания разгоняются и арестовываются. Тюрьмы переполнены. Свобода стачек убита. На стачки отвечают локантами. Рабочие ряда городов уже выступили против политики насилия. Молчать дальше невозможно. Собрание Уполномоченных, обсудив вопрос о невозможном положении пролетариата и всей страны, постановило призвать петроградских рабочих к однодневной политической забастовке протеста». («Искра», 27 июня).

V.

Слухи о предстоящей забастовке перекинулись в Москву, где готовилась в это время Всероссийская конференция и куда были открыто избраны делегаты петроградских рабочих. Также из провинции, — из Рыбинска, Ярославля, Тулы, Сормова и др. мест получены сведения о подготовительных шагах к забастовке.

Последнее собрание уполномоченных, о котором у нас имеются сведения, состоялось 29-го июня, на котором было принято следующее постановление: «Нас душит голод. Нас мучит безработица. Наши дети валяются с ног от недоедания. Наша печать раздавлена. Наши организации уничтожены. Свобода стачек упразднена. А когда мы поднимаем голос протеста, нас расстреливают и выбрасывают за ворота, как т. т. обуховцев. Россия вновь превращена в

царский застенек. Наша страна отдана врагам на расстрел и разграбление. Так долгие жить не в моготу... Мы, уполномоченные петроградских рабочих, зовем вас к однодневной политической забастовке протеста. Стачка 2 июля покажет, что по старому, как при царизме, рабочие ведут борьбу за народовластие, за гражданские свободы, за единую независимую республику. Долой смертную казнь! Долой расстрелы и гражданскую войну! Долой локауты! Да здравствует Учредительное Собрание! Да здравствует свобода слова и союзов! Да здравствует свобода стачек! Да здравствует стачка 2 июля!» («Вечер», 30 июня).

...К этому моменту началось наступление большевиков. Независимый голос собрания уполномоченных оказался не ко двору при новых порядках, наведенных в России после октября. Забастовка 2 июля не состоялась, была сорвана. Движение, обескровленное репрессиями, голодом, безработицей пошло на понижение. Нужно признать, что оппозиционная волна спала не только вследствие большевистского террора, но вследствие убыли внутренних сил, внутренней веры в возможность успеха. Придавленная, распыленная, лишенная свободы рабочая масса не видела выхода из тупика. А «когда начальство вернулось», оправившись от растерянности и покончив со всякими сентиментами рабочелюбия, — оно уже представляло собой значительную силу, военную и материальную, у которой рабочая и социалистическая оппозиция своими методами борьбы не могла вынудить уступки и реформы.

Мы в начале перечислили имена инициаторов движения уполномочен-

ных. Кто же были руководителями этого органа независимого рабочего движения? Нам удалось установить следующий состав Организационного Бюро, куда входили исключительно представители от фабрик и заводов: Смирнов (Патронный завод), Кефали (союз печатников), Берг, Кононов (Обуховский), Глебов (Путиловский), Борисенко (Трубный), Шаповский (Русско-Балтийский), Перфильев (Н. Арсенал), Филиппов, Михайлов (Патронный), Орлов, Данилов. По преимуществу это были социал-демократы-меньшевики.

VI.

В Москве движение уполномоченных от фабрик и заводов возникло гораздо позже и только по инициативе Петроградского собрания уполномоченных. Первая делегация из Петрограда в составе Борисенко (Трубный завод) и Розенштейна (Путиловский) выехала в Москву в начале апреля, выступала на московских заводах и в общем встретила сочувствие. Вторая делегация в составе Кононова (Арсенал), Земницкого (Речкин), Борисенко (Трубный), Семенова (Эриксон), Панина (Сименс - Шуккерт), Грабовского (Гильзовый), Кузнецова, Хробостова, Краковского (Сестрорецкий), Кузьмина (Обуховский) была выбрана во второй половине мая и провела большую работу в Москве. К маю июню антибольшевистские настроения широко захватили и рабочих Москвы.

Собрания протеста происходили на предприятях Богатырь, Густав Лист, Грачев, Бромлей, у железнодорожников Московско-Казанского и Александровского узлов, в круп-

ных типографиях и пр. Менее заметно, но достаточно остро развивалось движение и в Сокольничьих мастерских, в Минусинском трамвайном парке, на Семеновской мануфактуре и пр.

В наказе делегации Петрограда к московским рабочим звучит яркий протест против Бреста, против разгона Учредительного Собрания, против гражданской войны и террора. «Нашим именем прикрывалась власть, враждебная нам, власть противонародная, власть принесшая нам только муки и бесчестье... Пусть она уйдет!». Таким языком говорят петербургские рабочие своим московским товарищам. (Текст наказа издан отдельной листовкой, по которой мы его цитируем).

В «Деле Народа» от 19 июня был опубликован доклад московской делегации Петроградскому собранию уполномоченных, представляющий собой исключительный интерес. «В Москве мы нашли много общего с Петроградом», — отчитывается делегация, рисуя бедственное и бесправное положение московского населения. «Советы оторвались от рабочей массы и являются проводниками антирабочей и противореволюционной политики... Объявлено военное положение. Газеты закрываются десятками. Собрания запрещаются. В рабочей среде производятся аресты. Охранное отделение, именуемое комиссией по борьбе с контрреволюцией, получило право расстреливать без суда и широко пользуется этим правом». После этой общей характеристики положения делегация рассказывает о политических настроениях московских рабочих. «Рабочей массой, которая на некоторых заводах устраивала нам настоящие ова-

ции, мы были повсюду встречены очень сочувственно». Рабочие московской области и более отдаленной провинции, узнав о приезде делегации петроградских рабочих, послали в Москву и свои делегации. Так, к этому времени прибыли в Москву представители Брянских и Мальцевских заводов (Орловская и Калужская губернии) и делегация Коломенских заводов. Ожидалось прибытие делегации из Сормова (где 9 июля была запрещена властями местная рабочая конференция, как «контрреволюционная») и из Тулы. По соглашению с рабочими Богатыря, Бромлея и Александровских ж. д. мастерских, петроградская делегация созвала в Москве собрание уполномоченных, куда происходили выборы на фабриках и заводах. Но к этому времени большевистская власть решила пресечь крамольную деятельность делегации петроградских рабочих. Рабочие собрания стали срывать агенты власти, привезенный из Петрограда «наказ» они не давали проголосовать. При помощи фабрично-заводских комитетов, этих местных ячеек власти в предприятиях, собрания не допускались. Советы Московской области также запрещали рабочие собрания. Большевистская печать стала травить делегатов, обзывая их «коммивояжерами социал-предательства», «агентами желто-черного блока» и т. д. Власть арестовала двух членов петроградской делегации: Краковского и Кузьмина. В заключительных строках своего доклада делегация призывает петроградских рабочих продолжать борьбу за Учред. Собрание, за спасение революционной России от насилия и террора «большевистской контрреволюции».

VII.

Не успела еще вернуться уцелевшая часть делегации в Петроград, а в Москве к этому времени уже был совершен разгром местного движения: 13 июня в помещении клуба Александровских ж. д. мастерских была арестована конференция уполномоченных Москвы, а также несколько делегатов Петрограда, Брянска, Тулы. Всего было взято 56 человек, из них, за вычетом 6-7 интеллигентов, остальные были рабочие. Среди арестованных деятелей мы находим и некоторых инициаторов петроградского движения уполномоченных, как Кучина, Кефали, Трояновского и др. Московские аресты вызвали непосредственный отклик в Туле, где в результате обостренных столкновений рабочих с властями, был образован стачечный комитет и на 18-20 июня была назначена трехдневная забастовка протеста — с требованием освобождения арестованных рабочих.

Вообще в провинции, особенно начиная с апреля месяца, оппозиционное движение чрезвычайно ширилось и росло. Не всюду оно выражалось в создании института уполномоченных, — во многих пунктах оппозиция обнаруживала себя в пере выборах советов, передавая большинство голосов меньшевикам и эсерам. Весна и лето 1918 г. оказались бурным временем для провинции. В ряде городов происходили столкновения ревкомов и комиссаров не только с населением, но даже с советами, имевшими большинство большевиков (в Рязани, Орле и др.). Перечень городов, где большевистская власть ознаменовала себя столкновениями с населением — можно было бы продолжать до бесконеч-

ности: Златоуст, Сызрань, Белый, Тула, Балашов, Калуга, Курск, Рыбинск, Витебск, Киев, Ижевск, Тамбов и др.

В Коломне 25 мая состоялся десяти тысячный митинг, на котором было решено примкнуть к движению уполномоченных. 26 и 27 мая пошли большие аресты. Тогда забастовали местные заводы. («Нов. Ж.» от 4 июня). В Туле на почве голода (с 9 июня выдавалась одна восьмушка фунта хлеба на едока) возникли столкновения. Рабочая конференция решила бойкотировать Совет. Объявлено было военное положение. Начались аресты. Возникли забастовки. («Новая Жизнь» от 7,13,22 июня). В Сормове после закрытия с.-д. и с.-р. газет 5 тыс. рабочих забастовали. Весь июнь были столкновения. Советские уполномоченных (делегатов было 180 от 40 тыс. рабочих Нижегородской и части Владимирской губ.) было разогнано военной силой. 5 человек ранено. 18 июня началась забастовка протеста. В воззвании говорилось: «Власть потеряла доверие народа, ухудшает и без того тяжелое положение страны». В наказе избирателям формулированы требования: немедленная отставка Совнаркома, возобновление работ Учредит. Собрания, обеспечение свобод, независимость профессионального движения. («Нов. Жизнь», 4 июня).

Рабочие собрания в провинции в течение июня политически заметно радикализировались. В Клине была принята резолюция с требованием отставки Совнаркома. В Пензе собрание железнодорожников протестовало против роспуска Учред. Собрания. В Рыбинске на конференции проф. союзов большевики получили 20 голосов из 248. На Воткинском

заводе была принята резолюция в защиту Учредит. Собрания. В Одессе, Харькове, Кневе (еще до немецкой оккупации, в конце марта) были политические забастовки протеста против большевистских насилий. В газетах промелькнуло известие о большом успехе выступлений в Саратове М. И. Либера, одного из видных деятелей февральской революции в Петрограде. Намечалось даже падение влияния большевиков в давно завоеванных ими пунктах: напр., в Иваново-Вознесенске число членов большевистской организации к апрелю упало с 7200 до 700. В Витебске в связи с кампанией по выборам уполномоченных от фабрик и заводов были арестованы видные меньшевики и эсеры, а двое рабочих подвергнуты расстрелу.

Процесс решительного разрыва рабочих с большевиками и перелом политических настроений ярко выразился во время перевыборов в местные Советы. Почти всюду большевики вынуждены были уступить свои места меньшевикам и эсерам. В Рыбинске 75 процентов голосовало за меньшевиков и эсеров. В Колпине свыше 50 процентов на крупных вагонно-паровозостроительных заводах голосовали за меньшевиков. В Брянске и Бежице на Мальцевских заводах меньшевики получили большинство. На Ижевском заводе 70 с.-д. и с.-р. прошли против 64 большевиков. В Ростове-на-Дону — 89 меньш. и бесп. против 53 большевиков. В Севастополе за перевыборы Совета (против существовавшего большевистского) голосовали 12.008 и против 3.442 (матросы). В Сормове из 17.000 избирателей паровозостроительного завода 10 тыс. голосовали за меньшевиков и эсеров. В Бо-

городске на фабрике Богатырь отозваны делегаты большевики и выбраны меньшевики. В Витебске большинство в Совете получили с.-д. и с.-р. В Торжке на 100 меньш. и с.-р. прошло 60 больш. В Орле, Твери, Златоусте, Рославле, Луге и в др. городах победила на перевыборах в Советы оппозиция, и большевики понесли значительный урон. Даже в Кронштадте на перевыборах большевики получили 53 мандата вместо 131, а в рабочей курии совета большинство имели меньшевики.

VIII.

В эти месяцы решительного перелома в политических настроениях масс, большевистская власть как бы истощена притаилась, выжидала и порой отсутствовала. На поверку оказалось, что она собирала «кулак», чтобы с железной силой обрушить его, и в жестоких репрессиях, не останавливаясь перед пролитием крови, подавить оппозиционное движение рабочих. До мая-июня 1918 года большевики ограничивались случайными, непланированными актами насилия в рабочей среде, острей террора направляя главным образом против социально-враждебных классов и групп. Расстрел демонстрации 5 января 1918 в защиту Учредительного Собрания в столицах, разгон красногвардейцами громадных рабочих собраний на территории Путиловского или Обуховского заводов, наконец, — разгром Советов, имевших меньшевистско-эсеровское большинство в отдельных индустриальных пунктах — все это носило эпизодический характер и скорее свидетельствовало об отсутствии тактической линии у правящих большевиков, — нежели об определенном

плане расправы с оппозицией внутри пролетариата. В ЦК большевиков еще не установилось единство мнений; колеблющиеся элементы давали себя чувствовать. Еще было непривычно диктатуре явно выступать против рабочих. В этом смысле характерно, что институт уполномоченных от фабрик и заводов Петрограда существовал легально, открыто выпуская свои воззвания, — и газеты разных направлений, тогда еще существовавшие (беспрерывно меняя свои названия), хотя и сдавленные тисками прижимистой цензуры, — давали регулярные отчеты о собраниях уполномоченных. Обыск в бюро, аресты отдельных уполномоченных, наконец, московский арест 13 июня местной конференцией, как и аналогичные события в провинции свидетельствовали, что час расправы с оппозиционным движением приближается.

Этот час наступил в конце июля, когда была арестована Всероссийская конференция уполномоченных фабрик и заводов в Москве, которая должна была проложить дорогу созыву широкого беспартийного Рабочего Съезда. В Москве было создано Организационное Бюро по созыву такого съезда. В состав Бюро входили представители крупнейших профессиональных союзов, — металлистов, железнодорожников, печатников и др., а также делегаты от ЦК РСДРП, ПСР, Бунда. Рабочий съезд «должен будет поставить перед собой прежде всего во всем объеме общий вопрос о политике рабочего класса» — читаем мы в одной из газет того времени («Вечер» от 7 июля). Но конференция была арестована в начале своей работы и не смогла подойти к очередным жгу-

чим политическим проблемам. Это не помешало официальной большевистской печати, на основании якобы обнаруженных при обыске материалов, предъявить участникам конференции обвинение «в призывах к свержению советской власти путем вооруженного восстания» и дело о них направить в Верховный Революционный Трибунал.

«Известия ВЦИК'а» в статьях и заметках со свойственной большевикам лживостью пытались опорочить конференцию. Она созвана, мол, меньшевиками «с целью фальсификации воли рабочего класса». Это «широкозадуманный план борьбы с советской властью». Но опасаясь вызвать впечатление, что речь идет о серьезном оппозиционном движении в рабочих кругах, эта печать старалась представить конференцию в возможно более смешном и глупом виде. С первого взгляда, как будто, среди делегатов имеются представители предприятий из промышленных центров, Нижнего-Новгорода, Тулы, Петрограда, Перми, Ярославля, Сызрани (почему-то участие делегатов Москвы тщательно замалчивалось!), а на поверку выходит, что «подлинных рабочих почти совсем нет», все больше «такие рабочие, как известный лидер меньшевиков, литератор Абрамович». Так писали в «Известиях» от 24 и 25 июля. Фельетоны зубоскалили по поводу конференции, называя ее «совещанием уполномоченных фабрикантов и заводчиков», а разные следователи ВЧК давали в газеты справки, что при обыске у делегатов были найдены драгоценности, крупные суммы денег и пр.

В конечном счете делегаты Всероссийской конференции не были пе-

реданы суду Верховного Трибунала, а без суда, в административном порядке, провели несколько месяцев в тюрьмах. Одно время опасались расстрела руководителей движения, и на Дальнем Востоке (тогда там существовала независимая республика) возникла мысль об «обмене» арестованных, и в этом духе велись переговоры с большевиками. Но наступили дни красного террора, — после покушения на Ленина и убийства Урицкого... Среди арестованных на конференции было много выдающихся рабочих, долголетних участников социалистического и профессионального движения: А. Н. Смирнов, Берг, И. Г. Волков, Замараев, Шпаковский, Борисенко, Глебов, Воронин, Башкиров, Шестаков, Кошелев, А. Кузовлев и др. Из социалистической интеллигенции было арестовано много деятелей, принимавших активное участие в движении уполномочен-

ных от фабрик и заводов, в том числе Р. Абрамович, Г. Кучин, А. Трояновский, И. Смирнов, Ю. Денике, Виктор Альтер, пишущий эти строки и др.

...В июле была ликвидирована оппозиционная печать. Убийство немецкого посла Мирбаха и мятеж левых эсеров вызвали взрыв репрессий. В это же время выступление чехословаков, восстание в Ярославле, Муроме и других местах, крестьянские движения, наконец образование народной армии на Волге и мобилизация белого офицерства на юге России открывали новую страницу в истории большевистской революции. Гражданская война продолжалась, но уже не столько политическими, сколько чисто-военными средствами. Начавшееся весной и летом оживление в рабочей среде в сложившейся обстановке было обречено на гибель.

Как только стали они у власти, с первого же дня, объявив об отмене смертной казни, они начали убивать... При Николае Романове иногда удавалось, указав на чудовищную жестокость приговора, остановить его исполнение и вырвать жертву из рук палача. При Владимире Ульянове невозможно и это... Зверь лизнул горячей человеческой крови. Машина человекоубийства пущена в ход... Позор партии, которая званием социалиста пытается освятить гнусное ремесло палача!.. Рабочие России! И вам не велел молчать Лев Николаевич Толстой в эту минуту, когда палач снова стал центральной фигурой русской жизни! Вам не велел молчать и Карл Маркс, и надругательством над его памятью является совершаемая во имя социализма кровавая работа палача!..

Ю. МАРТОВ:
«Долой смертную казнь!»
(август 1918).

СОЛИДАРИСТЫ НА РАБОТЕ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ

О СОЛИДАРИСТАХ

Государственный Департамент выпустил специальную брошюру, посвященную солидаристам, с оговоркой, что брошюра издана для осведомления и что Государственный Департамент не отвечает за ее содержание*).

Рассказав вкратце историю возникновения НТС — солидаристов, брошюра устанавливает, что «единственная группа, с которой НТС установил прочные отношения, это — Российский Фашистский Союз, возглавлявшийся К. В. Родзаевским». НТС имел при РФС своего постоянного представителя — Алексеева.

Эта общность идеалов и дружба, особо расцветшая в годы 1938-39, продолжалась, пока не грянул гром германо - советского пакта августа 1939 года. Пакт вызвал к жизни в рядах НТС оппозицию, возглавлявшуюся бывшим основателем НТС и ее генеральным секретарем — Георгиевским. Последний выступил против прогерманской ориентации НТС, но был побежден Байдалаковым, который уже тогда был связан с нацистской партией (Отдел Внешней политики) и с военной разведкой (Абвер).

Осенью 1940 г., когда приступили к подготовке похода на Россию немцы, в лице Георга Лейбранда, правой руки Розенберга в его «Ост-министернуме» были в поисках какой-нибудь русской группы, которую можно было бы использовать в качестве пропагандистов и для разведки.

Хотя НТС знал о планах немцев и члены его были против расчленения России, но верные своему девизу, что «любая комбинация и в любых условиях должна быть использована, чтобы вызвать Национальную Революцию», и считая, что любая тактика хороша, ибо «цель оправдывает средства», в конце концов уступили немцам в национальном вопросе, и таким путем «Байдалаков и Поремский, глава отдела НТС во Франции, заслужили милость немцев». В Берлин съехались все вожди НТС, и любопытно отметить, что и в 1946 году, уже после войны, НТС писал, что было бы «преступно не стать рядом» с той стороной, которая была уже «отмечена судьбой» (Материалы Совета НТС, 1946).

Оказавшись, таким образом, в начале войны в фаворе у немцев, НТС приложил все старания к тому, чтобы ввести своих людей во всевозможные немецкие военные учреж-

*) "NTS—The Russian Solidarist Movement"
External Research Paper. Series 3, N. 76.
(Washington, 1951)

дня... Им удалось занять места пропагандистов в школе в Вустрау, организованной Остминистерием Розенберга, и с тех пор тактика инфильтрации так и называется у главарей НТС — тактикой «Вустрау». Затем они заняли места пропагандистов в школе в Дабендорфе и одновременно проникли и в печать: Островский (Романов) и Рождественский вошли в редакционное ядро пронемецкой газеты «Новое Слово» в Берлине, а Казанцев стал редактором власовской «Воли Народа». При помощи своих связей в «Остминистерие» они добились для своих людей — Поремский, Роман Редлих, Тензеров — руководящих постов. О Поремском Герхард фон Менде, глава национальной секции в Остминистерие, сказал, что он «200 проц. наци».

Совершенно естественно поэтому, что с появлением «власовского движения» НТС удалось занять своими людьми ключевые позиции этого «движения». Во время похода НТС разбросал своих людей в разные места занятой немцами территории: Смоленск, Минск, Бобруйск, Рига, Харьков, Орел, Могилев и др. Им был закрыт доступ в район действия знаменитого основателя «Русской Национал-Социалистической партии» — Каминского, бывшего автономным гауляйтером в Локоти, но при нем был один из лидеров НТС — Хомутов, совмещавший в себе две политические души: члена НТС и русско-го наци.

После отступления немцев из России НТС оставил там своих людей для продолжения партийной работы. Это были, конечно, старые эмигранты, которые начали привлекать к себе более молодые силы из тех, кто

впоследствии составил кадры «новых эмигрантов». Эти новые рядовые члены были неудовлетворены прогерманской тактикой НТС и впоследствии — после войны откололись от партии, образовав самостоятельные власовские организации. Из них, в частности, составил впоследствии СБОНР. В настоящее время, по данным брошюры, НТС насчитывает не более 400 членов.

Далее брошюра останавливается на пресловутом представителе НТС — Боддыреве и его предложении за 100 миллионов долларов свергнуть Сталина, а также на разных статьях НТС, появившихся в американской печати, в которых рассказывается о громадной подпольной деятельности НТС. «В то же время — говорит брошюра — ответственные американские официальные лица в частных беседах указывают, что нет ни малейших доказательств какой бы то ни было деятельности НТС в Советском Союзе. Некоторое количество листов было распространено ими при помощи немцев в советской зоне в Германии».

Отмечает брошюра и антисемитизм НТС, причем интересно отметить, что это свое «умонастроение» НТС проявил еще до того, как связал себя организационно с Гитлеризмом, а уже в ту пору, когда вожди НТС — те же, что и сегодня — Байдалаков, Поремский, Романов — пребывали еще на Балканах, но правда, уже всемерно восхищались звездой Гитлера. Тогда они изображали большевистскую власть, как «шесть Кагановичей и Литвинов-Финкельштейнов», продолжая усиленным подчеркиванием еврейских фамилий и разоблачением политических псевдонимов создавать впечатление, что в

СССР у власти едва ли не одни евреи. «НТС атаковывал марксизм, как типичный продукт «Германского еврейства» и, даже говоря о февральской революции 1917 года признавал, что «второстепенным фактором» ее рождения могла явиться «жидо-франкмасонская конспирация».

При таких условиях не приходится удивляться, что в изданной НТС во время войны «Схеме» — программе мы находим специально посвященный евреям пункт, исключающий их из российского гражданства и предоставляющий им покинуть пределы страны «без вывоза своих капиталов».

В изданной НТС после войны программе этот пункт исключен, и вопрос обходится полным молчанием. Вообще после войны в органе солидаристов «Посев» нет никаких анти-демократических высказываний, а в своих внутривнутрипартийных изданиях солидаристы развивают ныне мысль, что солидаризм «совместим» с демократическими формами. Вместе с тем анти-либеральный элемент остается во всей силе: «Либерализм ведет к моральной деградации и к падению внутренних ценностей человека и общества» и т. д. («Воля» ном. 1.).

В основном солидаризм подражает итальянскому корпоратизму времен Муссолини, усматривая своих врагов в капитализме и коммунизме и борясь с политическим строем, признающим существование политических партий. Что касается будущей России, то солидаристы за 20 лет своего существования меняли свои идеи и представления. В тридцатых годах они мечтали о России, во главе которой стоит «Правитель России», т. е. «фюрер» или «дуче»,

а на местах власть, которую образуют «силы Национальной Революции», т. е. члены НТС. Во время войны изданная ими «Схема» трактует о «Главе Государства», при котором будет совещательный орган из представителей корпораций, а на местах — советы из представителей трудовых союзов. В программе 1948 года Глава Государства сохранен, но вопрос об его избрании или назначении обойден молчанием. Сказано только, что при нем будет совещательный орган. Если в программе 1944 года ясно говорится, что России не нужна комедия парламентских выборов, то в программе 1948 г. это опять таки обходится молчанием. Но зато одно остается неизменным во всех программах: ориентировка на «элиту» и на «ведущий слой», который составит путем отбора. «Первым делом русских националистов должна быть работа по созданию новой элиты», читаем мы в «Основах национального мировоззрения», изданных в Белграде в 1939 году и переизданных в Лимбурге — Германия в 1947 году. Пример германских наци воодушевлял всю деятельность солидаристов до и во время войны и, проводя параллель между собою и наци, их орган «За Россию» горделиво писал: «Мы имеем несравнимо больше Хорст Весселей», чем германские наци, видя в этом залог своих будущих успехов.

«Вряд ли необходимо, — пишут авторы брошюры Государственного Департамента, имея в виду исключительную пропагандистскую ловкость солидаристов — отмечать, что они после войны, да уже и после ареста их вождей Гестапо в 1944 г., усвоили твердую антинацистскую ли-

нию поведения. Но в их идеологии мы не находим и следа разрыва с концепцией «элитизма», сверхнационализма, противозападничества и анти-либерализма.

Подводя итоги всей деятельности солидаристов, брошюра останавливается и на вопросе об их претензии на представительство во всех «блоках» российской эмиграции. Претензия построена на мнимой работе их «закрытого сектора», проводящего будто бы широкую работу в советской зоне Германии среди советской армии. «Необходимо сказать — указывается в брошюре — что на основании всего того, что до сих пор известно об этом как американцам, так и русским эмигрантским группам, подавляющая часть претензий солидаристов основана на блефе».

Неизменной остается и их тактика, так называемая «Вустровская»,

основанная на проникновении во все те организации, которые в случае вооруженного с СССР конфликта могут играть какую-либо роль. Своей полной безпринципностью и саморекламой в своей печати НТС удалось добиться некоторой популярности и даже провести некоторых своих членов в ряд американских организаций.

«Тактические соображения — кончают авторы брошюры Госуд. Департамента — могут привести НТС к любой комбинации, как они привели их в прошлом в Берлин, ибо неизменным остается их девиз: «Любая комбинация и любые события должны быть превращены в Национальную Революцию». С их умелой рекламой на Западе, с их верой в свои силы, они перефразируют слова Маркса: «Призрак солидаризма бродит в Европе (а может быть и во всем мире)». «Воля» ном. 1, 1947).

СОЛИДАРИСТЫ О СЕБЕ

Приводим в извлечении главу из «Общетехнического Руководства», изданного НТС — солидаристами в 1938 году.

Сожалеем, что за недостатком места лишены возможности воспроизвести полностью этот документ лабораторного творчества солидаристов, до сих пор остававшийся общественному мнению неизвестным.

Ярко характеризую «демократические» идеалы и «тактические» методы политической группировки, претендующей на руководство эмиграцией, этот документ заслуживает

внимания всех, кто хочет знать подлинное лицо солидаристов, оголенное от «мировоззренческой» философии.

«КУРС ОБЩЕТЕХНИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ»

Глава XV

«Осведомительная работа сложна и ответственна», говорится во вступлении, и в дальнейшем приводится подробно разработанная инструкция о том, как эта осведомительная работа должна вестись. На первом месте — **«Подбор работников и их подготовка»**. От людей, которым по-

ручается осведомительная работа, требуются: **«Преданность делу, способность разбираться в людях, наблюдательность, находчивость, личная храбрость, энергия и бодрость».** Затем идет подробное объяснение, как эти качества применять на деле, как проводить наблюдение, как судить о человеке и по его жестам, и по его лицу, и даже по его галстуку.

«Осведомительная работа — читаем мы в этой главе — может вестись в главных чертах следующими путями:

1. Собрание сведений.
2. Наружное наблюдение.
3. Внутреннее наблюдение.
4. Перлюстрация писем.
5. Допрос.
6. Обыски и выемки».

В этом перечислении уже видна опытная рука. Детализация же каждой из статей делает честь руководителю любой охраны или Чеки. Это явствует из классификации способов допроса:

«1. Перекрестный допрос. 2. Допрос измором. 3. Запугивание. 4. Физическое мучение. 5 Следователь утверждает, что ему все известно. 6. Обвиняемому говорят, что его предали товарищи и руководители и т.д.».

«Перечисленные методы, конечно, не исчерпывают всех методов допроса, которые меняются и комбинируются в каждом отдельном случае», — читаем в Руководстве.

Если отдельные части этого «Руководства» можно отнести так сказать к науке о самозащите, т.е. о том, как надо защищаться от чужой полиции, то другие пункты не оставляют и тени сомнения в том, что

речь идет о полицейских функциях тех, кого призвано «Руководство» готовить и обучать. Один пример из отдела **«Обыски и выемки».** «Для производства обыска основное правило: учить занятие и психологию обыскиваемого. Прячущий не может, обыкновенно отделаться от влияния своей профессии и каждодневного занятия. Так, например, библиофил спрячет в книги, печник — в дымоход, хозяйка в шкаф с бельем и т.д. При обыске необходима система и строгий порядок. Обыскивать помещение слева направо, затем предметы, находящиеся посередине. Постоянно и незаметно наблюдать за поведением обыскиваемого».

Заканчивается «Глава 15-ая» указаниями административного характера, общим послесловием и «дополнением». Приводим все это полностью. **..«Администрация».** «Полученные работниками разведки сведения стекаются в руководящий центр. Рядовые работники не должны быть непосредственно связаны с центром и не должны знать друг друга. Каждый работник имеет лишь одного начальника, который им руководит и передает полученные сведения в следующую инстанцию. Полученные сведения центр суммирует и сохраняет. При обилии материала нужно вести картотеку с отдельным картоном для каждого интересующего нас лица. На этот картон выписываются поступающие о нем сведения и, если удалось достать, наклеивается фотография. Большие дела вносятся в отдельную папку. Секретные работники должны иметь псевдонимы, под которым они проводятся во всех делах и переписках. Документы, ко-

торые удалось получить на время, фотографируются».

«Заканчивая это руководство, надо сказать, что оно дает лишь мысли и направления, но ни в коем случае не является учебником. В разведывательной работе нельзя действовать по шаблону. Кроме указанных основ есть много способов и направлений, разработка и проведение в жизнь которых предоставляется соответствующим руководителям. Живое дело требует живого творчества. Работа разведчиков не работа автомата, а изыскателя. Неустанное стремление помочь родине поможет каждому в изыскании этих путей и новых возможностей».

Перейдем теперь к последнему отделу главы:

«ДОПОЛНЕНИЕ»

Срывание докладов, прений и митингов.

а) Наивные вопросы во время речи противника.

б) Выражение чрезмерного восторга в самых неудачных местах доклада — чем они подчеркиваются.

в) Указать аудитории, что она умнее вашего оппонента, что и вам, и ей вполне ясно, что оппонент говорит глупости.

г) Полезно говорить «мы», «нас», тем отождествляя себя с аудиторией и выделяя противника, как общего неприятеля.

д) Иногда после собрания полезно говорить, если противник встретил сочувствие, что он хоть и слабо знаком с вопросом, но все таки лучше, чем аудитория. Это, обыкновенно, встретит протест задетых самолюбий, защищая себя, люди легко отреагируют от понравившегося им раньше вашего противника.

е) Нарочно поднимая шум, лучше придать этому естественный вид, поднимаясь с места, шумно садясь, выходить, хлопая дверьми, — это отвлекает внимание аудитории от речи и доклада противника.

ж) В крайнем случае — выкрики, свистки, уколы булавками, химическая обструкция, петарды, выпустить воробья, мышь и другие меры, однако, нужно помнить, что эти способы могут вызвать и обратное действие.

РАЗЛОЖЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

I. Вступление в организацию.

Для этой работы нужны люди или фанатически преданные делу, считающие, что для него все можно, что цель не только оправдывает, но и освящает всякое средство, или хорошие артисты, идущие на работу из за денег, или боясь репрессий и разоблачений. За ними нужен строгий контроль.

Первые, конечно, много ценнее, но они должны быть очень крепки морально, ибо эта работа страшно развращает.

Вступая в организацию, нужна крайняя осторожность и выдержка.

Эту работу нельзя вести наспех. Если знают, что прежде вы были во враждебной организации, нужно постепенно от нее отойти, прикинувшись неудовлетворенным или разочарованным.

Лучше, если вас пригласят в наметенную вами организацию. Если входите сами, делайте это постепенно, ни в коем случае не проявляйте сразу же восторгов по поводу новой организации. Сделайте вид, что вы только постепенно проникаетесь новой идеей. Заставьте вас убеждать, иногда возражайте, только постепенно

но сдаваясь на уговоры и доказательства.

Постепенно входите в работу, начинайте с самой простой. Не требуйте доверия — надо зарекомендовать себя хорошим скромным работником.

Если возможно, стать незаменимым и только тогда приступить к основной задаче.

II. Дискредитировать возглавителей.

1. Дискредитировать лучших работников из рядового состава в их среде. Указывать на то, что сейчас то они хороши, а каковы будут на ответственной работе — «наверное струсят».

Дискредитировав их в среде рядовых членов, вы тем самым дискредитируете их и в глазах управительных органов.

2. Дискредитировать водительство, начиная с второстепенных фигур. Их легко развенчать, развенчав, указывать, как могли таких людей назначить на ответственные посты, тем подкапываясь под выше стоящие управительные органы. Начинать сразу с верхов опасно.

3. Дискредитируя когонибудь, надо идти путем постепенности, лучше начинать с дружеских острот, переходя постепенно к насмешке и издевательствам. Особо стоят сплетни про жизнь, хотя бы и личную, намеченных лиц; при распускании сплетен нужно, чтобы они в какой то мере были правдоподобны.

4. Полезно указывать на превышение власти отдельными представителями управительных органов, на их ненормальность, на неспособность, на нетактичность по отношению к рядовым членам.

Ити таким путем постепенно снизу вверх.

Достаточно подорвав авторитет возглавителей, переходить к следующей стадии работы.

III. Дискредитировать технику работы

1. Что работа ведется неумело и вяло.

2. Что вожаки ставят перед организацией задачи, удовлетворяющие их личное самолюбие, увеличивающие их личный и общественный вес, или дающие им материальные выгоды...

3. Указывать на ненужность и мелочность очередных каждодневных работ.

4. Поддерживать в споре самых ленивых и неисправных членов, говоря, что на серьезной, ответственной работе они, наверное, будут первыми.

IV. Испортить отношения между членами организации.

Одна из основ крепости организации есть доверие и дружба между ее членами.

Необходимо эту дружбу уничтожить.

Способов много: игра на честолюбии, указать, что кто то работает больше кого то, а пользуется меньшим весом.

Посеять споры на почве полезности отдельных членов для работы.

Завести счеты в работе, указывая то одному, то другому, что на нем «выезжают». Иногда полезно использовать личное отношение между двумя членами для образования двух враждебных групп, иногда помимо их ведения.

Распространить сплетни о личной, семейной или половой жизни отдель-

ных членов, а в первую очередь о лицах возглавления.

Если в распоряжении ведущего работу есть средства, задача сильно облегчается. Сводить в ресторан, помочь в трудную минуту, чем легко можно приобрести союзника. Нельзя однако вербовать посвященных агентов. Могут выдать.

Разрушив авторитет водителей, дискредитировав и затормозив техническую работу, можно переходить на главное — разрушение самой идеи противника.

V. Подрыв идеи.

Когда авторитеты разрушены, техническая работа остановлена, переходите к организации идейного раскола.

Нападение на идею, как и на водительство, должно вестись постепенно, начинать надо с второстепенных тезисов и положений.

Образовывать «правые» и «левые» уклады.

Если авторитет водительства разрушен, организация с ним не справится. Развить страсть к идеологическим спорам и второстепенным тезисам, превращая тем живое служение идее в схоластические споры.

Когда водительство лишилось авторитета, личные отношения между членами испорчены, техническая работа остановилась, а идея потеряла

свою движущую силу, превратившись в тему споров — надо постепенно отойти, ибо организация все равно обречена на гибель. Ваше же разоблачение может только затормозить это естественное умирание, вызвав реакцию и дискредитировав для дальнейшей работы в других организациях.

РАСПУСКАНИЕ СЛУХОВ

Цели при распускании слухов могут быть разные: посеять панику у противника или бодрость среди сочувствующих, дискредитировать противника, замести следы, направить внимание населения в определенном направлении и т.п.

Слух должен быть интересен или остроумен, или тревожен. Он должен быть правдоподобен, поэтому даже лучше если он имеет какое то обоснование, напр. заранее зная о каком либо событии, пустить в виде слуха свое трактование его. Слух должен содержать интересные подробности.

Нужно иметь правдоподобную вылазку на случай розыска источника слуха. Лучше пускать его сразу из нескольких мест. Лучшая форма передачи: «я вам скажу, но вы лучше дальше не передавайте».

Быстрота распространения сенсационных слухов огромна.

О КНИГЕ Б. ДВИНОВА (Отклики)

«Вопреки воплям власовцев, что вся новая эмиграция против Вас, я бы сказал обратное. Каждый рядовой власовец, умиравший голодной

свертью в лагере военнопленных, невольно попавший во власовскую армию, достойно оценит Вашу книгу с положительной стороны».

Рабочий-Шахтер П. Г.

Германия.

ГОЛОС НОВЫХ И НОВЕЙШИХ ЭМИГРАНТОВ

Н. АЛЕКСЕЕВА

БОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Как я понимаю, два вопроса продолжают волновать старую эмиграцию: лицо Ди-Пи и тема о «властестве». Есть всяческие разновидности Ди-Пи, с большими отклонениями в лучшую и худшую сторону. Если искать типические черты в них, то, по моим наблюдениям с начала войны и до сих пор, — громадная часть — это народ довольно ловкий, предприимчивый, не очень склонный в чем-либо «раскаиваться». Как в СССР, так и в «Гросдейтшланд» и потом в оккупированной Германии, очень многие из них, не обременяя себя «самоанализом», в своем поведении руководствовались одним весьма прозаическим и житейским лозунгом: продержаться, достать себе и своей семье кусочек пожирнее и для этого громко, обязательно громко, выражали свои мнения, всегда совпадающие с мнением очередной власти. При немцах они яростно ругали большевиков, только большевиков и закрывали глаза на то, чему были свидетелями: убийства евреев, уничтожение русских военнопленных и затем расправы с украинскими националистами.

В Германии люди с цепкой хваткой крепко держались за квартиру, за пайки переводчиков, за службу в бесчисленных «ост-амтах» и в редакциях разных «русских газет» до самого последнего вздоха «Гросдейтшлад». Потом так же громко и азартно принялись ругать немцев и теперь плюют в колодец, из которого тихосенько попивали водичку в эти страшные годы.

Я часто задаю себе вопрос: что было бы со мной, если бы я попала в условия плена 41-42 годов? Устояла бы я от соблазна «чистой работы» в каком-либо «Ост-амте»? Закрыв глаза, вспоминаю это страшное время и — боюсь сознаться — думаю, что и я бы пошла на эту работу. А если бы в то время заворшилась совесть, то было столько рецептов, чтобы совесть усыпить. Есть предел человеческой выносливости. Но одно я знаю твердо, что сейчас я сидела бы тихо, сознавая, что я виновата, и не ввязывалась бы в свалку со своими «освободительными идеями». Люди эти могут сказать: «я — человек, я — слаб духом. Я не хотел умирать, и я по-

шел работать там то и там то. При-знаюсь в этом», и это — все. Но когда начинают говорить об «идейных ошибках» (конечно, у единиц это было и так), то это только злит.

Для этой массы людей, о которых я пишу, участие во власовском движении тоже было средством спасения живота своего и одновременно одним из рецептов успокоения встревоженной совести. Я говорю, конечно, о массе, я ничего не знаю о верхушке.

За все те годы, что я пробыла в ост-лагере, — а лагерь этот был весьма оживленный, было бесконечное количество слухов о всевозможных молодечествах и одурачиваниях разных «арийцев». Власов и власовцы там не занимали почти никакого места. И я уверена, что $\frac{2}{3}$ «остяков» так и отбыли на родину, не имея ни малейшего представления об «освободительном движении». И не от безграмотности, а от непопулярности этого «движения». А если иногда и мелькало имя Власова, то почти ни одна душа не сомневалась, что «эти работают на немца». Иные и вздохнут: «от голода и не на то пойдешь»...

В том человеческом месиве деревенского и городского люда, которое собралось в лагерях, ненависть к немцу была единственной крепчайшей спайкой всего этого разношерстного народа. Все «пронемцкое» было синонимом врага-жестокоего и беспощадного, в борьбе с которым все средства хороши. И естественно, что когда изредка читалось в пронемецких русских газетках о «легендарном генерале Власове», то встречалось это глумливо и порой даже с ненавистью. На наш «непросвещенный» взгляд они за-

щищали ту тюрьму, где мы уже изнемогали и задерживали пулеметом того «врага», который нес нам освобождение. Вина ли наша, что власовская пропаганда не донесла до «остяков» тех глубоко-подпольных намерений, о которых мы так красочно читаем сейчас? А уж мы то были как раз тот русский народ, именем которого так часто сейчас козыряют власовцы.

Та же, с позволения сказать, «русская» печать, которую мы получали — звучала насмешкой над нами, над нашей горькой участью. Там потерявшие совесть «редактора» что то сюсюкали о сытой «остовской» доле, усовещевали нас работать прилежно для пользы «общего дела», с лицемерной радостью сообщали нам, что отныне мы обязаны носить — о радость! — не синенький значек «ОСТ», а национальный знак с ладонь величиной: особый для русских, для украинцев и для белорусов. Но и этот взлет редакторской фантазии остался неосуществленным.

Дважды приезжал к нам в лагерь какой-то власовский полковник для бесед. В первый раз собрание не состоялось, ибо докладчик, узнав, что это не лагерь военно-пленных, а «остовцев», где на 50% — женщины, отказался от своих намерений, не считая нужным тратить на нас драгоценное время: для него важны были «кадры». Второй раз тоже приезжал вербовать кто-то. Результат был плачевный: ни один не был завербован, но это уже был конец 1944 года, когда неизбежный конец гитлеровской авантюры был очевиден, и никто больше связываться с власовцами не хотел.

Уже после войны в качестве Дип я встретила в лагере с несколькими власовцами и должна сказать, что поскольку я могла заметить, для них характерна какая-то стандартность мышления, какая-то ограниченность, отсутствие подлинного желания понять своего противника. Эти впечатления не следует обобщать, так как с организацией власовцев я совсем не знакома — только с отдельными лицами. Нередко приходилось слышать в лагере и весьма почтительные отзывы, вро-

де: «о, да — это хороший человек: власовский офицер»...

Мне кажется, что вы правы со своим осторожным подходом в признании во «всероссийском масштабе» этого «освободительного движения». Не ляжет ли «либеральное» отношение к власовцам самым вежливым обвинением на русскую политическую эмиграцию в случае подлинной встречи с настоящей Россией? И кто знает, может быть явятся там и живые свидетели, вопиющие о возмездии этому самому «движению»?..

А. ЦУРИЧЕНКО

ОТПОВЕДЬ ЖУРНАЛИСТУ — ВЛАСОВЦУ

Мне не удалось до сих пор ознакомиться с проектом «нравственно-го возрождения власовцев», о котором Вы упоминаете в своей статье. Но если он и существует, то этот проект выработан зря. Он не нужен для тех власовцев, которых нестерпимая нужда и боязнь гибели в немецких лагерях заставила пойти в РОА, — а таких вне всякого сомнения подавляющее большинство, — и которые не объясняют свой поступок ни патриотическими целями, ни идеологическими соображениями, а говорят прямо: это была попытка сохранить жизнь. Но таких власовцев, как Вы, хоть кол на голове теши, все равно никаким проектом нравственного возрождения не проймешь. От Вашей власовской «доброкачественной демократии» несет таким же фашистским духом, как и от сталинской «народной демократии».

Под каким лозунгом Вы начинали «власовское движение»? До ноября 1944 года этим лозунгом неизменно оставался геббельсовский «Новый порядок» в будущей Европе. С ним Вы вербовали своих сторонников, этот лозунг широко популяризовало на русском языке берлинское «Новое Слово». Этот «Новый порядок» для России, выраженный словами Розенберга в начале войны с СССР, намечался следующий:

«Нам нужна территория без населения, и пусть не думают белые русские (заметьте, — «белые русские» — которые имели значительно больше заслуг в борьбе с большевизмом, нежели вы, и которым немцы доверяли тоже больше, чем любому из вас), что мы идем в Россию, дабы предоставить им теплые места и нашей кровью отвоевать им власть».

Разве вам не было известно, что Гитлер начинал войну для приобретения «жизненного пространства» своему Рейху? Разве вы не видели новых географических карт, выпущенных уже в 1942 году, где с Востока в пределы Великой Германии входили Украина, Белоруссия и Польша? Разве вы не знали, что немцы считали вас и многие другие народы «унтерменшами»?

Конечно, все это вы прекрасно знали, но упоенные победами немцев, решили послужить установлению «Нового порядка», надеясь на милость победителей-немцев. И вы стали вербовать тех, кто, проживая за колючей проволокой под наблюдением церберов и выдрессированных собак, изнемогали от непосильной работы, скверного питания. Вам удалось многих соблазнить. Но сколь больше устояли, предпочитая голодать, переносить издевательства, собирать окурки, искать отходов пищи в мусорных ящиках, но не менять своего рабского существования на немецкую униформу. И разве они были умнее и сообразительнее вас? Или они больше знали о зверствах немцев на родине и об их завоевательных, а не освободительных целях? Или они верили хоть скольнибудь коммунизму? Ничего подобного. Они были только честнее вас и не торговали своей совестью.

В этих условиях развивалось «власовское движение» под лозунгами Геббельса, директивами Розенберга и контролем Гимmlера, вплоть до Пражского Манифеста, то бишь до того момента, когда военное банкротство ваших хозяев замаячило уже не у стен Сталинграда, а над Одером, и следовательно и над вами.

Вы бросились тогда за спасением, искали в запоздалых 14 пунктах документа, который обещал вести борьбу с большевизмом под знаком Февраля 17 года, забыв при этом, что эти лозунги принадлежат не вам, а тем, кого вы порочили и поносили, чьи заслуги в борьбе с большевизмом неизмеримо больше ваших, при чем борьбы последовательной, на протяжении десятилетий и борьбы не за счет уничтожения русского народа и захвата его территории.

Вы ошибаетесь, если думаете, что ген. Власов первый объявил смертельную борьбу большевикам. Не говоря уже о годах гражданской войны, обратимся к эпохе Сталинской диктатуры, т. е. к тому времени, когда и Власов, и его помощники (а, может быть, и Вы) добросовестно служили Сталину и его системе, при которой тысячи расстреливались без суда и миллионы заключались в концлагеря. Разве все эти жертвы режима не были борцами против большевизма? Разве борьба крестьян против колхозов и совхозов не было актом самопожертвования?

И не глупой ли шуткой звучит Ваше утверждение, что «в России нет вообще реальных демократических сил, кроме солидаристов и власовцев» или о том, что «власовцы и солидаристы являются единственной доброкачественной демократией»?

И последний вопрос, который я адресую Вам: где были Вы тогда, когда ваших соотечественников, сидевших годами за колючей проволокой в лагерях военнопленных, ваши «шефы» сотнями тысяч душили в газовых камерах, сжигали в крематориях и уничтожали голодом? Где были Вы тогда?..

КАП. П. СМОЛИН

(Перешел в Западную Германию в 1948 г.).

О ПОРАЖЕНЧЕСТВЕ И О ВЛАСОВЦАХ

Говоря о пораженчестве в Красной Армии в начале прошлой мировой войны, я могу сказать, что пораженческие настроения в армии были, было и дезертирство и, конечно, Вы правы, утверждая, что все это было в значительно больших размерах, чем в других армиях. Тем не менее это обычный спутник войны и речь может идти только о размерах этого явления. Поэтому, говоря о пораженчестве, нужно говорить только о масштабах его. Я берусь утверждать, что пораженчество было в масштабах, не могущих существенно влиять на ход и тем более исход войны. Я был на войне с начала до конца и не знаю ни одного восстания или военного бунта в армии, даже в то время, когда армия не то что отступала, а бежала. Мне не приходилось слышать о намеренной сдаче в плен даже полков, не говоря уже об армиях. Все случаи массового пленения объяснялись безвыходностью положения и только в отдельных случаях ненавистью к советской власти людей, подвергавшихся раньше репрессиям со стороны власти.

Можно спросить: почему же было столько пленных и почему Красная Армия столь поспешно отступала, имея по меньшей мере численно равные силы с немцами? Да и вооружением она не уступала немцам. В чем же было дело? Катастрофическое положение Красной Армии в 1941 году меньше всего можно объяснить пораженческими настроения-

ми в армии и народе. В основе ее отступления лежали чисто военные, а не морально-политические причины. Красная армия не имела ни нужного опыта, ни подготовки и была внезапным нападением противника так расстроена, что оказывалась окруженной немцами, не успев притти в себя. Эта тактика была специально разработана Вермахтом и применена не только в Советском Союзе, но и в Польше, и во Франции, и на Балканах. Однако, та же 6-ая немецкая армия, которая молниеносно разгромила под Седаном французскую армию в 1940 году, сама оказалась разгромленной и сдалась под Сталинградом, оказавшись в таком же окружении.

О настроениях в Красной Армии в те годы могу сказать, что, как мне кажется, мои настроения и мой образ мыслей в то время достаточно типичен. Говоря совершенно откровенно, в те годы я не был другом советской власти, которую с удовольствием сменил бы на лучшую, хотя прямым претензий личного характера к ней не имел. Как и многие другие, я испытывал усталость от советской действительности, и это делало меня и много других моих знакомых командиров Красной Армии безразличными. Такой же апатией были охвачены массы советской интеллигенции и вообще народа. Тем не менее я не бежал к немцам и не желал поражения Красной Армии, не из любви к советской

власти, конечно, а потому, что понимал, что означает военное поражение страны и Гитлер, как завоеватель. Войну я воспринял, как личное горе, и я шел до конца.

Книгу «Власовское движение в свете документов» я прочел с большим интересом и вниманием. Прочел и ту критику, с которой книга была встречена не только власовцами, но и некоторыми социалистами. Я считаю, что эта работа — первая, и, пожалуй, единственная попытка дать последовательное освещение так называемого власовского движения. Мне кажется, что вопрос о власовском движении выходит из рамок партийно-политических дискуссий. Мне кажется, что сейчас история начинает предъявлять власовцам свой счет, требует от них ответа, а дать его они не могут. Лозунг: «хоть с чертом, но против Сталина» не выдерживает никакой критики. Это не может быть платформой политического объединения. Гитлер был, конечно, борец против Сталина и большевизма, но я осмелюсь утверждать, что народы России вряд ли согласились бы проливать кровь за то, чтобы вместо Сталина посадить себе на шею Гитлера. Попытка власовцев нарядиться в тогу освободителей по меньшей мере наивна. Еще более наивна предъявляемая ими сейчас претензия на представительство от лица России. В этом отношении Ваши мысли в отношении власовцев и Лиги Борьбы нам особенно близки и понятны. Нас пытались привлечь к общей акции, и наши товарищи ездили в Мюнхен на совещание. Мы очень довольны этой поездкой, ибо это дало нам возможность на месте познакомиться с власовцами и тем политическим болотом, которое име-

нуется Мюнхеном.

Мы считали, считаем и сейчас, что слово «власовец» «там» совершенно равноценно слову предатель. Правильно это или нет, но это факт, которого никто не сможет опровергнуть. Такое мнение может быть сложилось под действием пропаганды, но оно все таки сложилось, при этом довольно твердо и изменять его никто не пытался. Мы, однако, считали, что в интересах общего дела, можно не придавать этому полного значения и работать с ними, при условии, что они это будут понимать и ценить. Но события показали, что они этого не понимают и даже начинают добиваться гегемонии в эмиграции. То, что они делают здесь — нестерпимо. Они превратились в своего рода политических подрядчиков. Они создают общества политзаключенных, создают «свободные» профсоюзы народов России, становятся правой рукой американского комитета. Сейчас они берут уже два подряда сразу: профсоюзы и ЗОНР. Таким образом, власовские знамена взвиваются над русской эмиграцией. Новые карты в руки советской пропаганде против Запада. Власовская печать уже принимает тот самый тон и манеры, которые считались хорошими под руководством Геббельса. Даже большинство их писак — вчерашние геббельсовские борзописцы.

Все это вместе взятое заставляет меня понемногу приходить к заключению, что Вы в конце концов останетесь правы. Все попытки «обелить» власовцев тяжелый, но напрасный труд. Пишите новые статьи о власовцах. Мы Вас поддержим. Такого же мнения о власовцах, как я, и все новейшие, кроме тех, кто

по работе или иным жизненно-важным причинам, попал к ним в зависимость. Эти принуждены молчать. Во всяком случае я еще не встретил ни одного новейшего беженца, который бы положительно отзывался о власовцах. Все, что от имени новейших говорят власовцы, подтасовано по тем же рецептам, как и многие выступления на Западе о «миролюбии» Советского Союза.

Резюмировать все это можно сло-

вами Гоголя: «Скучно на этом свете, господа». К таким же заключениям приводит фантазия журнала «Колирс» и статья ген. Фуллера. Эти мысли в основном известны с прошлой войны и оригинальностью не блещут. Это медвежья услуга Западу. Кроме Сталина они никому пользы не принесут.

Германия.

20 февраля 1952 года

А. ГОРЕЛОВ

О СОНР'Е И СБОНР'Е

Идея создания общего Центра борьбы за освобождение народов России конечно хороша и своевременна. Все, однако, зависит от того, какие политические группы и партии войдут в этот Центр. В этих немногих строках мне, как новейшему эмигранту, недавно покинувшему пределы Родины, хочется высказать те мысли и соображения, которые появляются у меня, когда я читаю о привлечении в этот Центр власовской организации СБОНР. Мне хочется прежде всего напомнить старым эмигрантам, что все таки основная часть русского народа находится в России и его голос будет решающим в деле ликвидации диктатуры и принятия политических программ и их носителей. И я поэтому хочу сказать им, как человек еще недавно вращавшийся в армейских штабах советской армии в штабах полков, дивизий, в ротах и отделениях и просто в народе, что каждый поли-

тический Центр, каждое политическое движение, имеющее в своих рядах власовцев, обречено на полную неудачу и будет встречено абсолютной антипатией в народе и армии. Нет никакого смысла разбирать политический смысл и ценность «Пражского Манифеста», ибо как бы власовцы высоко не ценили этот свой «Коран», в народе их имя предано анафеме.

Служба власовцев в армии Гитлера в тяжелые для России времена никогда не будет прощена им. Надо помнить, что с 1943 года защищалась именно Россия, защищался народ от дикого завоевателя, а в это время русские люди помогали Вермахту и всяким «полицеям». Никогда население Белорусских деревень не забудет людей в немецких мундирах со значками РОА, возвращавшихся с карательных экспедиций против партизан, которых они не просто расстреливали, а казнили на глазах ма-

терей, сыновей и дочерей. Никогда из памяти русских воинов не izgладятся эпизоды отчаянных схваток с власовскими подразделениями на Орлово-Курском направлении в районе Белгорода, Поньры в июле 1943 года, когда власовцы с особым ожесточением сеяли смерть среди русских. Вот почему столь резко отрицательно наше отношение к Власову и власовцам. Ни от одного солдата или офицера советской армии, воевавших до конца с Германией, мне не пришлось слышать положительного отзыва о Власове и о движении, им возглавлявшемся. Вот почему новейшие перебежчики с ненавистью говорят о власовцах, объединенных в СБОНРе и СВОДе. И это не только чувство участников бывшей войны. Недавно мне пришлось встретиться в одном транзитном лагере в Германии с двумя молодыми сержантами, бежавшими в середине 1951 года, которым не было еще и 25 лет и которые в прошлой войне не участвовали. Когда я их осведомил о созданном объединении новейших бе-

женцев, то первым их вопросом был: «А власовцы в этом объединении имеются?», ибо никакого дела с ними они иметь не желают: «рядом с изменниками народу быть не желаю». Я заинтересовался: «А в ваших подразделениях — спросил я — имелись ли люди, которые в какой-либо мере симпатизировали власовцам?» — «Что вы — смеются они — их ненавидит весь народ».

В свете изложенного становится совершенно непонятным, каким это образом в организуемом СОНРе власовская организация СБОНР со своим мнимым «Голосом Народа» стоит едва ли не на первом, или втором после солидаристов (те же власовцы) месте.

Если СОНР хочет рассчитывать на популярность в населении «там», в России, то он прежде всего должен освободить себя от всех этих неприемлемых народу элементов. В противном случае он может сыграть только на руку Сталину, а не народу.

Германия. 8 января 1952 года

П И С Ь М А

Я согласен с тем, что власовцы и прочие солидаристы с понятной целью преувеличивают настроения поражения в русской армии в прошлую войну. Будучи участником войны от Москвы до Берлина в точном смысле слова и вращаясь в офицерской среде, я не видел поражения, как господствующего настроения. Господствующим настроением было и плохо скрываемое враждеб-

ное отношение строевого офицества к комиссарам и чинам Особого Отдела и надежда на какие-то перемены к лучшему в случае и после победы над врагом. Можно даже сказать, что эта надежда вместе с сознанием того, что немец это враг особого рода, явились определяющими причинами поведения армии.

Эти надежды, как известно, не сбылись, и кто знает, как это отра-

зится в случае с Западом. Однажды, уже после войны, мне один высший офицер советской армии сказал: «В войне против англичан и американцев русская армия даст много перебежчиков». Если учесть массовое дезертирство из оккупационной советской армии, то это становится вероятным. Речь во всяком случае идет не о защите режима, а о защите родины. А раз так, то от политики другой стороны в этой возможной будущей войне будет зависеть проявление пораженчества или оборончества в русской армии. Одна из задач честной русской политической эмиграции и состоит в том, чтобы помочь Западу найти правильную политическую и тактическую линию в отношении России.

Пока Сталин остается у власти он, несомненно, остается врагом № 1, но это может измениться, если до или в процессе войны произойдет внутренний переворот. Возможность такого переворота, конечно, не исключена, но надо помнить, что война, как это уже было не раз, явится мощным катализатором сил. Уже в начале прошлой войны появились заметные симптомы разложения и паники на верхах партии, советской администрации и даже НКВД, а это, ведь, важнейший элемент в создании того, что называется революционной ситуацией. Много, очень многое будет зависеть от той линии, которую усвоит по отношению к стране коалиция держав Запада.

26.6. 1951 г.

Б. капитан Красной армии Н. З.

...Поражен той осведомленностью, с какой Вы в этих делах разбираетесь. Дела темные, и я думаю, что мы здесь на месте (в Германии),

даже сами власовцы, в них не разбираются с такой предельной ясностью. А в общем говоря, при более близком знакомстве с массой ДИ-ПИ и более внимательном изучении этой публики, меня охватывает беспросветная тоска... Я очень боюсь, сам происходя из той же среды, начать ругать и охаивать всех их огулом. Это было бы нехорошо и некрасиво. Тут и махровый коричнево-красный тоталитаризм, сплошное шапкамизакидайство и, что греха таить, порой самый густопсовый антисемитизм. Власть тьмы. И как они легко пактируют со старыми зубрами... Это я — о власовцах. Думаю, что если бы Власов встал из гроба, он бы половину перестрелял... Солидаристы, те гораздо тоньше и культивированнее, и нутро из них выпирает только после пятой рюмки и в тесной компании.

Доктор.

Роман между власовцами и солидаристами — факт от рождения, а не только сейчас назревает. И те, и другие — публика очень двуличная. Как и у коммунистов, в основе лежит маккиавелизм. Если они захватят власть после коммунистов, то это будет из кулька в рогожку. Лига должна остаться демократической, без намека на коалицию с фашиствующими элементами эмиграции. Ей грозит определенная опасность справа. Солидаристы — это фашистские проходимцы, далеко от монархистов не ушли и идейно с ними связаны. И власовцы, как бы ни назывались их осколочные организации, больше тяготеют к этой монархо-фашистской компании, чем к демократам. Их «демократизм» фальшив, особенно у вожаков.

Германия, Июнь 1949 г. **В. Г.**

...Мне знакомы из «СВ» и «НРС» статьи Абрамовича, Аронсона, Двинова, и я нахожу, что они все безусловно правильны, но слишком снисходительны и мягки, а потому, вероятно, и служат поводом сохранившимся идеологам этого «движения» для бесконечного втирания очков и ведения беспринципной и бесцельной полемики. В статьях отсутствует необходимый вывод: Власовцы! Во всем мире не существует доказательств, оправдывающих Ваше сотрудничество с Гитлером, а ваши грязные дела с ним имеют тысячи самых разнообразных свидетельств. Нужно помнить, что уже к началу организации «власовского движения» население повсеместно в оккупированной России ненавидело и вооруженно сопротивлялось «освободителям». Вожди власовского движения это знали. Они обязаны были это знать. До тех пор, пока они не поймут порочности своего пути и деятельности, сотрудничать с ними нельзя, оправдывать их — позорно, защищать их — преступно.

А. Ц.

Обыкновенно при оценке власовского движения многие упускают из виду самое существенное и очень часто придают этому «движению» такое значение, которого оно никогда не имело и иметь не могло.

Это движение появилось на вражеской территории, оно впитало в себя все контрреволюционные элементы, все политико-авантюристические группировки и кроме того оно носило характер личной диктатуры. Эти три фактора полностью определяют всю его суть и указывают, что оно есть не более и не менее,

как военно-политическая авантюра, да еще совсем невзрачного вида... Это движение погибло, абсолютно ничем себя не проявив, но если бы даже оно было приведено в действие, то все равно не имело бы успеха. Что мог сделать Власов со своей жалкой дивизией против советской армии? Или, быть может, бы допускаете, что советская армия, разгромившая врага и наблюдавшая следы совершенных им страшнейших преступлений, вдруг бросилась бы в объятия Власова и отдалась на милость тех, с кем она, истекая кровью, боролась четыре года?.. Я не знаю, что думал Власов, решившись на эту авантюру, я даже не знаю, кто является инициатором этого дела: он или немцы. А Власов сделал ставку именно на их победу.

Остатки этого движения не имеют в будущем никаких перспектив, никакой роли они в борьбе с большевизмом сыграть не могут, и их ждет судьба белой армии. Но в это движение было втянуто много людей, которые понимали его так, как им его изображали, и главным образом, людей советских. Причина появления и развития власовского движения и не только власовского, но и вообще того безобразного явления, которое мы наблюдали в эту войну, когда русские люди вступали во вражескую армию и сражались против своего же народа, заключается совсем в другом и этому обстоятельству в большой мере способствовали сами большевики.

То, что в это движение влились разные контрреволюционные элементы, ничего удивительного не представляет: эти всегда пойдут с кем угодно, но относительно советских людей вопрос стоит иначе. Больше-

вики не только оставили военнопленных на произвол судьбы, не давая и не допуская им никакой помощи, но они их объявили изменниками и предателями. Каждый человек, попавший к врагу, очень хорошо знал, что он для России окончательно потерян, что там его ждут только тяжелые репрессии и уничтожение. Доведенные до крайности и безысходности, люди вынуждены были идти на все. Чем про-

падать от голода, подвергаться побоям и истязаниям, сознавать, что тебя на родине ждет гибель, так уж лучше идти в армию и погибнуть в бою. Многие из них даже видели в победе Германии свое спасение. Они очень хорошо знали, что совершают тяжелое преступление перед страной, поэтому и выдвинули версию о «борьбе с большевизмом» и прикрыли себя Манифестом...

И. Р.

О КНИГЕ Б. ДВИНОВА

(Отклики)

«Вопрос о «демократичности» власовского движения, этого вредного нароста, дискутируется уже годы. Ваша книга может явиться заканчивающим этапом в этом споре, ибо

она приоткрыла закулисную историю «власовского движения». У нас в лагере был устроен суд над власовцами: из 200 человек в РОА ушли два человека и немцам их пришлось спрятать от остальных».

Я. Волков

(пленный с 1941 года)

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция выражает свою глубокую признательность товарищам по Нью-Йоркской группе РСДРП, друзьям и единомышленникам, которые своими взносами сделали возможным издание сборника «Против течения».

AGAINST THE CURRENT

C O N T E N T S :

	Page
B. D. Against the current	1
B. Sapir. The problems of Russian socialism	5
G. Aronson. In the chaos of emigre politics	15
Lev Miraiev. On a dangerous road	27
Storonyy. How, and why the SONR failed	33
St. Dyatel. Speaking frankly	40
Ovod. In a few words	43
B. Dvinov. Our controversies	45
Documents	57
In memoriam of M. Peskin	65
G. Aronson. Pages from the past	66
The Solidarists at Work. Department of State about the Solidarists	78
The Solidarists about themselves	81
The Voice of the new and newest emigres:	
N. Alekseef, A. Zurichenko, P. Smolin, A. Gorelov etc.	86

1952.

Printed in U. S. A.
WALDON PRESS,
203 Wooster Street,
New York 12, N. Y.

841

500 207.

адм. (за справкою 500 пар.)